

84.44%
ЭБЧ

Густав Эмар

ВЕЛИКИЙ
ПРЕДВОДИТЕЛЬ
АУКАСОВ

Annotation

- [Густав Эмар](#)
  - [Первая глава. ВСТРЕЧА](#)
  - [Вторая глава. МАХИ-КОЛДУН](#)
  - [Глава третья. ТРАНГОИЛЬ ЛАНЕК И КУРУМИЛА](#)
  - [Четвертая глава. ДОНЬЯ РОЗАРИО](#)
  - [Пятая глава. РАНЕНЬИЙ](#)
  - [Шестая глава. БЕГСТВО](#)
  - [Седьмая глава. ПРИГОТОВЛЕНИЯ](#)
  - [Восьмая глава. CANON DEL RIO SECO](#)
  - [Девятая глава. БИТВА В ПРОХОДЕ](#)
  - [Десятая глава. ИНДИАНКА](#)
  - [Одиннадцатая глава. ВЕРШИНА СКАЛЫ](#)
  - [Двенадцатая глава. ПЕРЕГОВОРЫ](#)
  - [Тринадцатая глава. ГОНЕЦ](#)
  - [Четырнадцатая глава. ПРИПАДОК БЕЗУМИЯ](#)
  - [Пятнадцатая глава. ПЛАН ПОХОДА](#)
  - [Шестнадцатая глава. СОВЕЩАНИЕ](#)
  - [Семнадцатая глава. ДОН РАМОН](#)
  - [Восемнадцатая глава. АУКА-КОЙОГ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖЕРТВА](#)
  - [Девятнадцатая глава. КОВАРСТВО](#)
  - [Двадцатая глава. БИТВА НА РАВНИНЕ КОНДОРКАНКИ](#)
  - [Двадцать первая глава. ДОН ТАДЕО В ПЛЕНУ](#)
  - [Двадцать вторая глава. АНТИНАГУЭЛЬ ОБЪЯВЛЕН ИЗМЕННИКОМ](#)
  - [Двадцать третья глава. ОГНЕННАЯ ВОДА](#)
  - [Двадцать четвертая глава. УРАГАН](#)
  - [Двадцать пятая глава. ГРАНИТНАЯ СКАЛА](#)
  - [Двадцать шестая глава. РАЗЛУКА](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Густав Эмар

Великий предводитель аукасов

Первая глава. ВСТРЕЧА

В Южной Америке, среди чилийских владений, между реками Биобио и Вальдивия, приютилась полоса земли, ограниченная с одной стороны морем, а с другой Андами. Тут живет независимое индейское племя арауканцев, или молухов. Эти индейцы заимствовали от европейцев все, что могло быть им полезно при их характере и роде жизни. С древнейших времен народы эти образовали сильное государство, управляемое мудрыми и строго исполняемыми законами. Мы расскажем несколько подробнее об их правлении, будучи уверены, что подробности эти займут наших читателей. Ум этого народа, который с гордостью зовет себя *аукасами*, или мужами свободными, выказывается в правильности деления земли. Она с севера на юг разделена на четыре *утал-мануса*, или провинции. Каждая провинция разделяется на пять *аллорегесов*, или областей, составляющих девять *регесов*, или уездов.

Приморская сторона и равнина до подошвы Андов населены *араукасами*. Собственно страна Андов, включающая и все горные долины, населена *пуэльхами*, грозными горцами, которые когда-то были объединены с арауканцами, но теперь живут по своим собственным законам. Главные предводители их *токи*, *апоульмены* и *ульмены*. Во всякой провинции есть свой токи. У них под начальством состоят апоульмены, которые в свою очередь подчиняют ульмены. Токи хотя независимы друг от друга, но сообща заботятся о благосостоянии народа. Вассалы, или *мозотоны*, — свободны, только во время войны они обязаны служить. Впрочем, в этой стране все способные носить оружие — воины, и это-то составляет ее силу. Народ с такими простыми нравами, управляемый столь мудрыми законами и столь свобододлюбивый, — непобедим. Испанцы несколько раз желали завоевать эту небольшую полосу земли, лежащую среди их владений. Но после нескольких неудачных попыток пришли к убеждению, что все их усилия в этом отношении окажутся бесплодными. Они молча осознали свое поражение, отказались навсегда от намерения владычествовать над арауканцами, заключили с ними дружественный союз и теперь мирно проезжают по их земле, направляясь из Сант-Яго в Вальдивию.

В день, когда начинается наш рассказ, в прекрасное июльское утро, — индейцы зовут этот месяц *Айен-Анта*, или месяц солнца, — два всадника, сопровождаемые отличной черной с белыми пятнами ньюфаундлендской собакой, ехали по берегу горного потока, по едва заметной в высокой траве

тропинке, протоптанной дикими зверями. Эти люди, одетые по-чилийски, составляли своими манерами и одеждой странную противоположность с дикой окружающей их природой. Первый, молодой человек не более двадцати пяти лет, с длинными до плеч черными волосами, с тонкими чертами лица, был граф Максим Эдуард Луи де Пребуа-Крансе. Другому было около двадцати шести лет; это был высокий, худощавый и стройный молодец, с резкими чертами лица, загорелый. В его больших голубых глазах светился ум и во всей его наружности просвечивало мужество, доброта и правдивость. Его звали Валентин Гилуа; он был молочным братом графа. Когда отец Валентина умер, ему исполнилось одиннадцать лет и он остался на руках матери в крайней бедности. Их небольшой достаток весь пошел на лекарства и докторов. Мать его была кормилицей графа Луи, и они, конечно, могли бы обратиться к старому графу, который, наверно, не оставил бы их без помощи. Но мать Валентина ни за что не хотела согласиться на это.

— Граф так много сделал для нас, — повторяла она беспрерывно, — что было бы совестно снова обращаться к нему.

Но голод не тетка, и маленький Валентин стал всеми средствами зарабатывать деньги, чтоб прокормить мать. Раз, когда на одной из многолюдных парижских площадей юноша увеселял публику разными фокусами: глотал шпаги и ел горящую паклю, чтобы добыть малую толику деньжонок, — он заметил, что напротив остановился офицер африканских стрелков и смотрит на него с сожалением и участием. Офицер подозвал его к себе, заставил рассказать о своей жизни, а затем приказал вести себя на чердак, где жила мать Валентина. При виде их бедности офицер был весьма тронут и не мог удержать слезы, скатившейся по его загорелой щеке. Этот офицер был отец Луи. Он обеспечил старушку пожизненным пенсионом, который дал ей возможность безбедно существовать, а Валентина взял к себе в полк, который стоял в Африке. В 1833 году, в сражении против бая Константины, старый граф был ранен пулей в грудь и умер через два часа, произнося имя сына.

— Валентин, — сказал он слабым голосом, прерываемым предсмертными судорогами, — мой сын остается одиноким и неопытным. У него нет никого, кроме тебя, его молочного брата. Береги, его, не оставляй! Кто знает, что готовит ему судьба? Могу ли я положиться на твое обещание? Мне легче будет умереть.

Валентин встал на колени подле постели умирающего и, почтительно взяв его за руку, сказал:

— Клянусь: в минуту опасности я всегда буду подле вашего сына.

Слезы показались на глазах старого воина, слезы радости в этот последний час его жизни, и он сказал более спокойным тоном:

— Господь наградит тебя за это, Валентин.

Он отошел тихо, пожав еще раз руку честного юноши и шепча имя своего сына.

Граф Луи получил после смерти отца огромное наследство. Он был легкомыслен и неопытен, и его обманывали все, кто хотел, да кроме того, он пустился в биржевую игру, а потому в одно прекрасное утро проснулся совершенно нищим, то есть нищим сравнительно с прежним богатством. Молодой граф' был в отчаянии. Теперь-то предстояло Валентину исполнить клятву, данную старому графу. Он оставил полк, где был уже старшим вахмистром и получил орден Почетного легиона, чтобы помочь своему брату. Когда дела несколько поустроились, Валентин предложил графу поехать в Америку и там начать жизнь сизнова. Они покинули Францию, высадились в Вальпараисо, оделись по-тамошнему и направились в Арауканию ради изучения нравов, и обычаев Независимого индейского племени.

Прошло два месяца, как они отправились в путь, и вот мы видим их в Араукании на берегу Карампанга, в сопровождении ньюфаундлендской собаки Цезаря, — 14 июля 1837 года, в 11 часов утра. Прошлую ночь они провели в брошенном *ранчо* (хижине), попавшемся на дороге, и с восходом солнца пустились в дальнейший путь. Проехав почти до полудня, они почувствовали голод, и так как вскоре заметили купу апельсиновых деревьев, то и решили позавтракать под их тенью.

Всадники спешили, расположились под деревом, а лошадей пустили общипывать молодые побеги. Валентин сбил палкой несколько апельсинов, развязал свои *альфорхасы* (род полотняных мешков, привязываемых за седлом), вынул морские сухари, соленый шпик и сыр из козьего молока. Затем наши путешественники весело принялись за обед, по-братски делясь с Цезарем, который важно уселся на задних лапах напротив них и следил за каждым куском, подносимым ко рту. Вдруг пес поднял голову, насторожил уши и зарычал, оскалив зубы.

— Тс, Цезарь! — сказал Валентин. — На кого ты лаешь? Иль ты не знаешь, что мы в пустыне, а в пустыне людей не бывает?

Но Цезарь продолжал рычать, не обращая внимания на слова своего хозяина.

— Я не разделяю твоего мнения, — сказал Луи. — Я думаю, что пустыни Америки слишком населены. Собака рычит не смолкая; надо быть осторожным.

Валентин поднялся и внимательно поглядел вокруг, но тотчас нагнулся, схватил винтовку и подал знак Луи сделать то же, чтоб быть наготове.

— Цезарь был прав, — сказал Валентин, — кажется, придется спустить курок. Смотри сюда, Луи.

Тот поглядел в ту сторону, куда указывал брат, и увидел десяток индейцев, вооруженных как для войны, верхом на великолепных лошадях, шагах в двадцати от наших путешественников. Это были арауканские воины, которые стояли спокойно и неподвижно, не делая ни малейшего жеста, но внимательно рассматривая обоих французов, что Валентину, весьма нетерпеливому по природе, казалось непереносимым. Луи едва удалось удержать Цезаря, который с лаем порывался к индейцам.

— Э, э! — крикнул Валентин, подзывая собаку и поглядывая на арауканцев. — Эти молодцы, по-моему, расположены не очень-то дружелюбно. Поостережемся, кто знает, что будет.

Индейцы переговаривались между собою, продолжая глядеть на молодых людей. Это были по большей части люди пожилые, лет сорока, сорока пяти, одетые, как *пуэльхи*, одно из самых воинственных племен Верхней Араукании. Пестрые *пончо* (покрывала) окутывают их плечи, *кальцонеро*, стянутые у бедер, ниспадали до лодыжек, длинные гладкие и маслянистые волосы были подвязаны красной лентой, которая обвивала лоб; лица пестрели всеми цветами радуги.

Их оружие состояло из длинных тростниковых копий, ножа, всунутого в сапог из недубленной кожи, ружья, висевшего на седле, и круглого, обтянутого кожей щита, украшенного конским хвостом и пучками человеческих волос.

Тот, который казался их предводителем, отличался высоким ростом, выразительными, суровыми и надменными чертами лица, на котором был отпечаток какой-то открытости, редкой у индейцев. Главным же его отличием от остальных было перо андского орла, воткнутое слева, за красной лентой, поддерживавшей его волосы. Посоветовавшись несколько минут с своими товарищами, предводитель подъехал к нашим путешественникам, заставляя неподражаемо ловко скакать свою лошадь и опустив копьё в знак мира. Он остановился за три шага до Валентина и после церемонного поклона на индейский лад, положив правую руку на грудь и дважды медленно наклонив голову, сказал ему:

— *Марри-марри*, мои братья-мурехи¹, а не *кулме-гуинка*². Зачем они так далеко от людей своего народа?

Эти вопросы, произнесенные гортанным голосом и этим напыщенным

тоном, свойственным индейцам, молодые люди поняли совершенно, ибо бегло говорили по-испански. Валентин обратился к предводителю, который спокойно ожидал ответа, и сказал весьма лаконично:

— Мы путешествуем.

— Как, одни? — спросил предводитель.

— Это вас удивляет, мой друг?

— Мои братья ничего не боятся?

— Чего нам бояться? — ответил шутя парижанин. — Нам нечего терять.

— Даже кожи с черепа?

Валентин был раздосадован этим вопросом, потому что подумал, будто индеец хочет посмеяться над ярким цветом его волос. И, не поняв смысла его слов, сказал:

— Пожалуйста, господа дикари, ступайте своей дорогой. То, что вы мне сказали, мне не нравится, понимаете?

С этими словами он взвел курок и прицелился в предводителя. Луи, следивший внимательно за ходом разговора, не говоря ни слова, последовал примеру своего друга и направил ствол своей винтовки на кучку индейцев. Предводитель, конечно, не много понял из слов своего противника; однако не испугался последовавшего за ними угрожающего движения и с удовольствием любовался решительной и воинственной позой французов. Затем он потихоньку опустил ствол направленной на него винтовки и сказал примирительным тоном:

— Мой друг ошибается. Я не думал оскорблять его, я его *пенни*³ и пенни его товарища. Бледнолицые ели, когда я подошел с моими молодцами?

— Да, предводитель, это правда, — весело промолвил Луи, — ваше внезапное появление помешало нам окончить наш скудный завтрак.

— И он к вашим услугам, — добавил Валентин, указывая рукою на съестное, разложенное на траве.

— Принимаю! — добродушно сказал индеец.

— Bravo! — вскричал Валентин, бросая на землю свою винтовку и усаживаясь. — Итак, за дело!

— Ладно, — заметил предводитель, — но с условием: я принесу свою часть.

— Это дело, — заметил Валентин, — тем более что мы небогаты насчет съестного и отнюдь не пир предлагаем вам.

— Хлеб друга всегда хорош, — сказал наставительно предводитель и, обернувшись, сказал несколько слов *по-молухски* своим спутникам.

Каждый из тех порылся в своем альфорхасе и вынул *тортила*⁴ из маиса, мясо и несколько мехов с *хиха*, напитком, приготовляемым из яблок и кукурузы. Все это было расставлено на траве перед обоими французами, которые немало подивились такому богатству, следовавшему неожиданно за их скудостью. Индейцы спешили и уселись в кружок подле наших путешественников. Предводитель обратился к своим сотрапезникам и с добродушной улыбкой сказал:

— Мои братья могут есть.

Молодые люди не заставили повторять этого дружелюбного приглашения и храбро набросились на припасы, столь гостеприимно им предложенные. Индейцы почитают законы гостеприимства; у них в этом отношении удивительный такт: они с первого взгляда необыкновенно верно решают, какие вопросы можно предложить гостям и где именно остановиться, чтоб не показаться нескромными. Оба француза, которые теперь, в первый раз со времени своего пребывания в Америке, вошли в сношения с арауканцами, не могли надивиться общительности и благородному, открытому обращению этих людей, которых они, как почти все европейцы, привыкли считать грубыми дикарями, неразумными и неспособными к вежливости.

— Мои братья не испанцы? — спросил предводитель.

— Да, правда, — отвечал Луи, — но как вы это узнали?

— О, — отвечал он с улыбкой презрения, — мы хорошо знаем этих *хиаплов*⁵. Мы с ними старые враги, чтоб не узнать друг друга с первого взгляда. С какого острова мои братья?

— Наша земля не остров, — заметил Валентин.

— Мой брат ошибается, — сказал наставительно предводитель, — только одна земля не остров, это великая земля аукасов — свободных мужей.

Оба француза опустили головы. Перед таким решительным мнением оставалось только преклониться.

— Мы французы, — отвечал Луи.

— Французы добрый народ, храбрый. У нас было много французов, во время великой войны. Седобородых воинов, грудь которых покрывали почетные рубцы, полученные на их острове, когда они дрались под начальством своего великого предводителя *Палеона*.

— Наполеона! — с удивлением воскликнул Валентин.

— Да, кажется, именно так называли его бледнолицые. Мой брат знал его? — спросил индеец с живым любопытством.

— Нет, — отвечал молодой человек, — хотя я и родился в его царствование, но никогда не видал его, а теперь он умер.

— Мой брат ошибается, — сказал предводитель с некоторой торжественностью, — такие воины, как он, не умирают. Исполнив свое дело на земле, они уходят в *эскеинане*⁶, охотиться с Пиллианом, творцом вселенной.

— Любопытно, — сказал Луи своему другу, — что слава этого могучего человека распространилась до самых отдаленных и малоизвестных стран и сохранилась во всей своей чистоте среди этих грубых племен. Между тем как во Франции, для которой он трудился, стараются умалить его и набросить тень на его дела.

— Подобно своим соотечественникам, которые путешествуют по нашим охотничьим землям, наши братья также, вероятно, хотят торговать с нами. Где их товары? — спросил предводитель пуэльхов.

— Мы не купцы, — отвечал Валентин. — Мы просто хотим посетить наших братьев арауканцев: нам так хвалили их мудрость и гостеприимство.

— Молухи любят французов, — сказал предводитель, которому польстила эта похвала, — наших братьев хорошо примут в *тольдериях*⁷. Если мои братья захотят следовать за мною, то они увидят *тольдо*⁸ предводителя, где их примут как пенни.

— Спасибо! К какому племени принадлежит наш брат? — спросил Валентин, восхищенный добрым мнением индейцев о своих земляках.

— Я один из главных ульменов *священного племени Великого Зайца*, — с гордостью отвечал предводитель. — Принимают ли мои братья предложение, сделанное мною?

— Зачем нам отказываться, предводитель, если только предложение было сделано серьезно?

— Мои братья могут отправиться в путь, — сказал, улыбаясь, предводитель. — Моя тольдерия недалеко отсюда.

Завтрак был давно уже окончен, и скоро индейцы сели на лошадей. Оба француза последовали их примеру и вскочили в седла.

— Вперед! — скомандовал предводитель. Пуэльхи пустили лошадей в галоп. Луи и Валентин

беззаботно последовали за своими проводниками. Скоро они оставили берег потока и быстро понеслись по направлению к горам.

Вторая глава. МАХИ-КОЛДУН

В тот самый день, когда наши французы встретили пуэльхов, в тольдерии последних было великое смятение. Женщины и воины, собравшиеся у дверей одной из тольдо (хижины), на пороге которой лежал труп на парадном ложе из ветвей, испускали крики и вопли, сменившиеся оглушающим треском барабанов, звуками флейт и воем собак. Все это производило великий шум. Посреди толпы неподвижно стоял высокий старик, одетый как женщина. Временами он странно кривлялся и извивался, иногда громко завывал и, казалось, управлял церемонией. Этот человек сурового вида был махи, или колдун племени. Он жестикулировал и выл, желая отогнать злого духа, который, по его мнению, хотел овладеть трупом.

По знаку этого человека музыка и вопли умолкли. Злой дух, побежденный силою махи, покорился и оставил труп, которым не смог овладеть. Тогда колдун обратился к человеку с надменным видом и властным взглядом, который стоял подле него, опершись на длинное копье.

— Ульмен могущественного племени Великого Зайца, — сказал он мрачным тоном, — твой отец, храбрый ульмен, отнятый у нас Пиллианом, уже не боится влияния злого духа, которого я отогнал от него. Он теперь охотится в благословенных лугах эскеннане с праведными воинами. Все обычаи исполнены, настал час предать его тело земле!

— Стой! — с жаром отвечал предводитель. — Мой отец умер, но кто убил его? Воин не умирает так, в несколько часов, без того, чтобы какое-нибудь тайное влияние не тяготело над ним и не иссушало источников жизни в его сердце. Отвечай, махи, вдохновенный Пиллианом, скажи мне имя убийцы! Мое сердце печально, оно утешится только тогда, когда мой отец будет отомщен.

При этих словах, произнесенных твердым голосом, трепет пробежал по толпе, стоявшей вокруг трупа.

Махи, осмотрев всех присутствующих, опустил глаза, сложил руки на груди и, по-видимому, погрузился в раздумье.

Арауканцы понимают смерть только на поле битвы. Они не предполагают, что можно умереть случайно или от болезни. В подобных случаях они приписывают смерть какой-нибудь тайной силе, будучи уверены, что какой-нибудь враг покойника умертвил его. В этом убеждении, во время похорон, друзья и родные умершего обращаются к

махи, чтоб тот открыл им убийцу. Махи обязан указать на кого-нибудь. Напрасно он старался бы растолковать, что смерть произошла от естественных причин. Ярость родственников обратилась бы на него самого, и он сделался бы ее жертвой. Поэтому махи нечего медлить; убийцу тем легче указать, что он не существует и колдун не боится обмануться. Но чтобы согласовать свои собственные выгоды с желанием родственников, требующих жертвы, он предоставляет их гневу кого-нибудь из своих врагов. Если же, что редко, такого нет, то колдун указывает на кого-нибудь наудачу. Мнимого убийцу, несмотря на его уверения в невинности, тотчас же безжалостно убивают. Понятно, сколь вреден такой обычай и какую власть дает он колдуну в племени; власть, которою тот пользуется без всякого зазрения совести.

В это время прибыло в тольдеррию несколько человек, в том числе Валентин Гилуа и его друг. Привлеченные любопытством, они смешались с толпой, стоявшей около трупа. Оба француза ничего не понимали в этой сцене, пока их проводник вкратце не объяснил им. Затем они стали с великим любопытством следить за происходящим.

— Ну, — спросил ульмен через некоторое время, — иль мой отец не знает имени человека, который должен ответить за убийство?

— Знаю, — мрачно буркнул колдун.

— Зачем же вдохновенный махи молчит, когда труп вопиет о мщении?

— Потому, — отвечал махи, глядя прямо в лицо новоприбывшему предводителю. — Что есть сильные люди, которые смеются над человеческой справедливостью.

Глаза всех обратились теперь к тому, на кого косвенно указал махи как на убийцу. Это был не кто иной, как предводитель пуэльхов, столь дружелюбно познакомившийся с французами. Его звали Трантоиль Ланек (Глубокая Лощина).

— Виновный, — яростно вскричал ульмен, — не избежит моего правого мщения, как бы высоко он ни стоял среди племени. Говори, махи, не бойся! Клянусь, тот, чье имя ты произнесешь, умрет!

Махи выпрямился. Он медленно поднял руку и посреди всеобщего мучительного ожидания указал на названного предводителя. Громким, но дрожащим голосом он произнес:

— Исполни свою клятву, ульмен; вот убийца твоего отца! Трантоиль Ланек умертвил его.

И махи закрыл лицо краем своего пончо, словно сильно опечаленный сделанным им открытием. При страшных словах колдуна воцарилось гробовое молчание. Трантоиль Ланека меньше всех можно было

подозревать; его все любили и почитали за храбрость, искренность и великодушие. Когда первое удивление прошло, толпа быстро отшатнулась от мнимого убийцы, и он остался лицом к лицу с тем, в чьей смерти его обвиняли. Трантоиль Ланек остался спокоен, — лишь улыбка презрения змеилась на его губах. Он сошел с коня и выжидал. Ульмен медленно подошел к нему и, остановившись за несколько шагов, сказал печально:

— За что ты убил моего отца, Трантоиль Ланек? Он любил тебя, как и я. Разве я тебе не пенни?

— Я не убивал твоего отца, Курумила⁹, — отвечал предводитель искренним тоном, который убедил бы любого сомневающегося человека, но не того, к кому он обращался.

— Махи сказал, — отвечал Курумила.

— Он лжет.

— Нет, махи не может лгать, он вдохновлен Пиллианом. Ты, твоя жена и дети должны умереть — этого требует закон.

Не достаивая его ответом, предводитель бросил свое оружие и стал подле кровавого кола, вбитого перед хижинкой, — хранительницей священного идола. Возле кола образовался круг, были приведены жена и дети предводителя. Тотчас же начались приготовления к казни, так как нельзя было похоронить вождя, — пока не будет умерщвлен его убийца. Махи торжествовал. Единственный человек, осмелившийся восставать против его мошенничеств и обманов, был обречен на— смерть, и махи делался полновластным главою племени. По знаку Курумилы, два индейца подошли к предводителю и, невзирая на вопли и плач его жены и детей, начали привязывать его к колу.

Оба француза присутствовали при этом бесчеловечном зрелище. Луи был возмущен мошенничеством махи и легковёрностью индейцев.

— Нет, — сказал он своему другу, — мы не должны позволить совершиться этому убийству! Я не хочу быть свидетелем подобной несправедливости! Пусть я погибну, но попытаюсь спасти несчастного, который так искренно подружился с нами!

— Правда, — раздумчиво сказал Валентин, — Трантоиль Ланек, как они его называют, честный малый, и я полюбил его. Но что ж мы можем сделать?

— О, — вскричал Луи, хватаясь за пистолеты, — мы бросимся на его врагов! Каждый из нас убьет человек пять-шесть.

— Так, а остальные убьют нас, и мы не спасем того, за кого погибнем? Негодное средство! Подумаем, нельзя ли чего сделать?

— Надо спешить, сейчас начнут!

Валентин подумал несколько секунд и вдруг ударил себя по лбу.

— А, — сказал он с плутоватой усмешкой, — догадался! Только хитрость поможет нам. Постой-ка, я примусь за фокусы, вспомню старину; это поможет нам. Но поклянись, что ты не будешь мешать мне.

— Клянусь, если ты спасешь его.

— Я покажу этим дикарям, что я похитрее их! И Валентин въехал в середину круга.

— Постойте минуту! — громко закричал он. Неожиданное появление этого человека, которого

никто не заметил до того, заставило всех оглянуться с удивлением. Луи, положив руку на пистолеты, жадно следил за всеми движениями своего друга, готовый при малейшей опасности броситься ему на помощь.

— Не будем медлить, — продолжал Валентин, — время дорого. Вы поступаете, как глупцы, а ваш махи — негодяй. Как, вы хотите по пустому наговору убить лучшего из ваших предводителей?

И, подбоченясь, он смело поглядел вокруг. Индейцы, по своему обычаю, выслушали спокойно эту странную речь, ничем не выражая своего удивления. Тут Курумила подошел к Валентину.

— Пусть мой бледнолицый брат уйдет прочь, — сказал он холодно. — Ему неизвестны законы пуэльхов. Этот человек приговорен, и он умрет — махи указал на него.

— Как это глупо, — сказал Валентин, пожимая плечами. — Говорят вам, что ваш махи такой же колдун, как я аукас. Верьте мне, он дурачит вас, и я докажу это, коли хотите.

— Что скажет мой отец? — спросил Курумила махи, который холодно и неподвижно стоял подле трупа.

Знахарь презрительно улыбнулся и сказал с насмешкой:

— Когда бледнолицые говорили слово правды? Пусть этот докажет, если может, правду слов своих!

— Пусть будет так, — сказал ульмен, — мурух может говорить.

— Отлично! — улыбнулся Валентин. — Хоть этот колдун и говорит с полной уверенностью, мне нетрудно доказать, что он обманщик.

— Посмотрим, — сказал Курумила.

Индейцы с любопытством подошли ближе. Луи не понимал, что затевает его друг. Он только догадывался, что тот задумал какую-то каверзу, и столь же нетерпеливо, как остальные, ожидал исхода его борьбы с колдуном.

— Постойте, — сказал с уверенностью колдун, — что сделают мои братья, если я докажу, что мое обвинение справедливо?

— Смерть бледнолицему! — холодно сказал Курумила.

— Согласен, — с решительностью отвечал Валентин.

Тут француз выпрямился, нахмурил брови и сколь возможно громко вскричал:

— Я великий мудрец!

Индейцы почтительно наклонили головы; ученость европейцев хорошо известна им и пользуется беспрекословным уважением.

— Трантоиль Ланек не убивал предводителя, — продолжал с уверенностью француз, — его убил сам махи.

Удивление и страх овладели всеми.

— Я? — вскричал удивленный колдун.

— Ты, и тебе это очень хорошо известно, — отвечал Валентин и так посмотрел на махи, что тому стало жутко.

— Чужеземец, — величественно сказал Трантоиль Ланек, — незачем тебе защищать меня. Мои братья считают меня виновным, и я, хотя не виновен, должен умереть.

— Твоя решительность удивительна, но безрассудна, — отвечал Валентин.

— Этот человек виновен, — подтвердил махи.

— Кончайте скорей! — сказал Трантоиль Ланек. — Убивайте меня!

— Что скажут мои братья? — спросил Курумила, обращаясь к народу, с волнением толпившемуся вокруг.

— Пусть великий мурухский мудрец докажет правду своих слов! — единогласно отвечали воины.

Они любили Трантоиль Ланека и в душе не желали его смерти. С другой стороны, они ненавидели колдуна, и только ужас, который тот внушал им, сдерживал их.

— Прекрасно, — отвечал Валентин, сходя с лошади, — послушайте, что я предлагаю.

Общее молчание. Парижанин вынул свою саблю и повернул ее перед глазами толпы так, что она заблестела.

— Видите эту саблю, — сказал он с вдохновенным видом, — я засуну ее в горло по рукоятку. Если Трантоиль Ланек виновен, я умру! Если же он не виновен, как я утверждаю, то Пиллиан поможет мне и я вытащу саблю изо рта, не поранив себя.

— Мой брат говорит, как храбрый воин, — сказал Курумила, — мы ждем.

— Я не позволю! — вскричал Трантоиль Ланек. — Неужели мой брат хочет убить себя?

— Пиллиан правдив! — отвечал Валентин, улыбаясь, с выражением совершенной уверенности на лице.

Французы обменялись взглядами. Индейцы — большие дети, всякое зрелище им праздник. Необыкновенное предложение Валентина заняло их.

— Доказательства! Пусть докажет! — закричали они.

— Ладно, — отвечал Валентин. — Пусть мои братья смотрят.

Он принял классическую позу, в какую становятся фокусники, показывая на площадях эту штуку. Затем он взял в рот лезвие, и скоро сабля исчезла. Во время этого фокуса, который казался им чудом, пуэльхи смотрели на отважного француза с ужасом, не смея дажедохнуть. Они не могли представить, чтобы человек сделал такую штуку, не убив себя. Валентин поворачивался во все стороны, чтобы присутствующие могли удостовериться в истинности факта. Затем, не спеша, он вытащил саблю изо рта, столь же блестящую, как и тогда, когда она была вынута из ножен. Крик восхищения вырвался из каждой груди; чудо было очевидно.

— Пойдите, я хочу кое-что сказать вам, — промолвил Валентин.

Восстановилась тишина.

— Доказал ли я вам неопровержимым образом, что предводитель не виновен?

— Да, да! — громко закричали все. — Бледнолицый великий мудрец, он любимец Пиллиана!

— Отлично, — прибавил он, насмешливо поглядев на колдуна. — Теперь пусть махи в свою очередь докажет, что он не убивал ульмена вашего племени. Умерший предводитель был великий воин, надо отомстить за его смерть!

— Правда! — закричали воины. — Надо отомстить!

— Мой брат хорошо говорит, — заметил Курумила. — Пусть махи докажет.

Бедный колдун увидел, что пропал. Он побледнел, как труп, холодный пот выступил на его висках, он весь дрожал, как в лихорадке.

— Этот человек обманщик! — закричал он во все горло. — Он надувает вас.

— Докажи, — отвечал Валентин, — сделай то же, что я.

— Возьми, — сказал Курумила, подавая шпагу махи. — Если ты не виновен, Пиллиан поможет тебе, как он помог моему брату.

— Конечно. Пиллиан всегда помогает невинным, и вы сейчас увидите доказательство этому, — отвечал парижанин.

Махи безнадежно поглядел вокруг. Все взгляды выражали только нетерпение и любопытство. Бедняк понял, что ему не от кого ждать

помощи. Через секунду он решился. Он хотел умереть, как жил, — обманывая толпу до последнего издыхания.

— Я ничего не боюсь, — сказал он твердым голосом. — Это железо не повредит мне. Вы требуете, чтобы я доказал, я повинуюсь. Но страшитесь! Пиллиан разгневан на то, как вы обращаетесь со мною. За мое унижение он воздаст вам великими бедствиями.

При этих словах *провидца* пуэльхи вздрогнули: они поколебались. Сколько лет они верили ему вполне, да и теперь со страхом решились обвинить его в обмане. Валентин понял, что происходило в сердце суеверных индейцев, и сказал громким, твердым голосом:

— Да успокоятся мои братья! Никакое несчастье не угрожает им. Этот человек говорит так потому, что боится смерти. Он знает, что виновен и что Пиллиан не поможет ему.

Махи с ненавистью поглядел на француза, схватил саблю и быстро опустил ее в горло. Поток черной крови хлынул у него изо рта. Он широко открыл глаза, судорожно повел руками, ступил два шага вперед и упал на грудь. Все бросились к нему. Он был мертв.

— Киньте эту лживую собаку на съедение стервятникам, — сказал Курумила, с пренебрежением толкая труп ногою.

— Мы братья на жизнь и на смерть! — вскричал Трантоиль Ланек, обнимая Валентина.

— Ну что? — сказал тот с улыбкой своему другу. — Разве худо я вывернулся из затруднительных обстоятельств, а? Как видишь, в некоторых случаях полезно знать всего понемножку. Даже фокусы, — и то могут пригодиться.

— Не клевети на себя, — с жаром отвечал Луи, сжимая его руку, — ты спас человека!

— Да, но я убил другого.

— То был негодяй!

Глава третья. ТРАНГОИЛЬ ЛАНЕК И КУРУМИЛА

Мало-помалу утихло волнение, причиненное смертью махи, и восстановился порядок. Курумила и Трантоиль Ланек поклялись оставить всякую вражду и братски обнялись к великой радости воинов, любивших обоих предводителей.

— Теперь, когда мой отец отомщен, мы можем предать его тело земле, — сказал Курумила.

Затем, приближаясь к чужеземцам, он поклонился им и сказал:

— Бледнолицые будут присутствовать на похоронах?

— Да, — отвечал Луи.

— У меня просторная тольдо, — продолжал предводитель, — окажут ли мне мои братья честь жить в ней, пока будут среди нашего племени?

Луи хотел ответить, но Трантоиль Ланек поспешил вставить слово.

— Мои бледнолицые братья, — сказал он, — уже почтили меня: приняли мое гостеприимство.

— Хорошо, — отвечал Курумила. — Но что ж из этого? Какую бы тольдо ни выбрали мурехи, я буду считать их своими гостями.

— Спасибо, предводитель, — отвечал Валентин, — будьте уверены, что мы всегда останемся благодарны за ваше благорасположение к нам.

Тут ульмен простился с французами и воротился к телу своего отца. Начались похороны.

Некоторые путешественники думают, что у арауканцев нет религиозных верований. Это неверно. Напротив, у индейского народа весьма живая вера и основания ее не лишены некоторого величия. Арауканцы признают два божественных начала: доброе и злое. Первое, *Пиллиан*, есть божество творящее; второе, *Гекубу*, — разрушающее. *Гекубу* в постоянной борьбе с *Пиллианом*. Он стремится разрушить стройность мироздания и уничтожить все существующее.

Кроме этих двух главных божеств, арауканцы насчитывают значительное количество второстепенных духов, помогающих *Пиллиану* в его борьбе против *Гекубу*. Эти духи мужского и женского пола; первые называются *геру*, господами, вторые *амеймальгвн*, духовными нимфами. Арауканцы верят в бессмертие души и, следовательно, в будущую жизнь, где воины, отличившиеся на земле, охотятся в богатых дичью лугах,

окруженные всем, что любят. Как и все индейские племена, они весьма суеверны. Все их богопочитание состоит в том, что они собираются в хижину волхований, где стоит безобразный идол, изображающий Пиллиана. Они плачут, кричат с ужасными кривляньями и приносят в жертву овцу, корову или лошадь.

По знаку Курумилы воины отошли, чтоб пропустить женщин, которые окружили труп и начали ходить вокруг, тихо и печально воспевая подвиги покойника. Через час все пошли сопровождать тело, которое понесли четыре славнейших в племени воина, и направились к холму, где была приготовлена могила. Сзади всех шли женщины, бросая пригоршнями горячую золу на следы, оставленные процессией, чтобы душа покойного, если захочет воротиться в свое тело, не нашла бы дороги к своей тольдо и не беспокоила бы наследников.

Когда труп был опущен в яму, Курумила зарезал собак и лошадей своего отца, которые были затем сложены рядом с покойником, чтобы мог он охотиться в блаженных лугах. Подле рук его положили кое-что из съестного, ему на дорогу и на долю *темпилагги*, или лодочки, которая перевезет его на тот свет, пред лицо Пиллиана, где его будут судить по его добрым или злым делам. Затем тело засыпали землей. Но так как покойный был знаменитый воин, то на могилу нанесли камней, из которых сделали пирамиду. Потом каждый обошел в последний раз вокруг могилы, выплеснув на воздух большое количество хихи.

Родные и друзья покойного возвратились с пенем в деревню, где их ждали поминки, называемые *кагуин*, и которые продолжаются до тех пор, пока все гости не повалятся наземь мертвецки пьяные. Путешественники не присутствовали на поминках; они чувствовали усталость и хотели отдохнуть. Трантоиль Ланек угадал их желание и, как только процессия воротилась в деревню, отделился от своих товарищей и предложил молодым людям проводить их к себе, на что они охотно согласились. Как и все арауканские хижины, хижина вождя представляла собой обширную деревянную постройку, выбеленную известью. Она была четырехугольна, с крышею в виде террасы и внутри необыкновенно чиста.

Трантоиль Ланек был одним из почетнейших и богатейших предводителей своего племени. Так как у молухов или арауканцев допускалось многоженство, то у него было восемь жен. Когда индеец вздумает жениться, то объявляет об этом родителям невесты и назначает, сколько он даст за нее скота. Когда его предложение принято, он приходит с несколькими своими друзьями, берет девушку, сажает сзади себя на лошадь и уезжает в лес, где остается три дня. На четвертый день он возвращается,

закалывает кобылицу перед хижиной отца невесты, и начинаются свадебные пиршества. Похищение и принесение в жертву кобылицы заменяет венчание; таким образом, аукас¹⁰ может иметь столько жен, сколько в состоянии прокормить. Однако первая жена, называемая *унемдомо*, или законной, пользуется большим почетом. Она заведует хозяйством и управляет другими, которые называются *инамдомо*, или младшими. Все живут в хижине своего мужа, где занимаются воспитанием детей, тканьем пончо из шерсти *гуанако* (*горной овцы*), или *хилигуэке*, и готовят кушанья мужу. Когда аукас уезжает, то поручает своих жен кому-нибудь из родственников.

Оба француза, очутившись посреди этих странных нравов, не понимали ничего, что происходило вокруг них. Валентину особенно все казалось странным, но он боялся это как-нибудь выразить. Приключение с махи так высоко поставило его в глазах жителей тольдерии, что он опасался уронить себя в их мнении каким-нибудь нескромным вопросом. Раз вечером, когда Луи хотел было идти, по принятому им обыкновению, навещать больных, чтоб облегчить их страдания, насколько позволяли ему его ограниченные медицинские сведения, Курумила иришел навестить чужеземцев и пригласить их присутствовать на празднестве, даваемом новым махи, который был избран в день смерти прежнего. Валентин обещал прийти вместе со своим другом.

После всего вышеописанного понятно, какое огромное влияние имеет колдун на все племя. Удачный выбор сделать трудно, и это случается редко. Махи обыкновенно женщина; если же это мужчина, то он наряжается в женскую одежду и ходит в ней до смерти. Почти всегда все знания достаются ему по наследству. Когда было выкурено довольно трубок и умолкли наконец нескончаемые речи, выбрали на место прежнего махи доброго и услужливого старика, который во вею свою долгую жизнь не нажил ни одного врага. Пир, понятно, был роскошный, щедро снабженный *ульпо*, национальным блюдом арауканцев, а *хихи* было разлитое море. Между другими кушаньями подали

большую корзину крутых яиц, которые ульмены пожирали взапуски.

— Отчего мой брат не ест яйца? — спросил Валентина Курумила. — Он, верно, не любит их?

— Нет, предводитель, — отвечал гость серьезно, — я очень люблю яйца, но не такие; я боюсь подавиться.

— А, — сказал ульмен, — я понимаю, мой брат любит сырые.

Валентин расхохотался во все горло.

— Еще меньше, — сказал он снова серьезно, — я люблю яйца всмятку,

яичницу, но не люблю ни вкрутую, ни сырых.

— Что говорит мой брат? Яиц нельзя иначе варить, как вкрутую.

Молодой человек посмотрел на него с изумлением и затем промолвил тоном сожаления:

— Как, в самом деле, предводитель, вы не едите иных яиц как вкрутую?

— Наши отцы всегда так ели, — простодушно возразил ульмен.

— Бедняжки! Как мне жаль вас! Вы не знаете одного из великолепнейших блюд! Хорошо же, — сказал он, возвышая голос, — я желаю, чтобы вы меня считали благодетелем рода человеческого. Словом, я научу вас варить яйца всмятку и делать яичницу, чтобы память обо мне не исчезла между вами. Когда я уеду, то вы как станете есть то или другое, вспомните обо мне.

Предводители пришли в восторг от предложения француза и с криком спрашивали его, когда он исполнит свое обещание.

— Я не заставлю вас долго ждать, — сказал он, — завтра, на площади, перед лицом всего священного племени Великого Зайца, я научу вас варить яйца всмятку и готовить яичницу.

При этих словах предводители пришли в необычайный восторг, хиха полилась обильнее прежнего, и скоро все ульмены знатно подгуляли и принялись орать во все горло, не слушая друг друга. Эта музыка столь понравилась французам, что они пустились бежать, заткнувши себе уши. Пир продолжался еще долго по их уходе.

Завтрашний день все, особенно хозяйки, ждали с великим нетерпением. Они научатся готовить новое блюдо, которого, кажется, так хочется отведать их мужьям! С зарею мужчины, женщины и дети собрались на большой площади деревни. Они толпились кучами, толковали о достоинствах нового кушанья, тайна которого скоро разрешится. Луи было совершенно не интересно выслушивать урок поваренного искусства, и он хотел остаться дома. Но Валентин настаивал, и после долгого спора молодой человек наконец согласился пойти.

Вскоре Валентин явился на площадь, где на середине для него было оставлено пустое пространство. Смеясь, он посматривал на индейцев, которые с ожиданием и недоверием уставили на него глаза. По требованию Валентина Трантоиль Ланек приготовил заблаговременно стол, был также разложен очаг и грелся котелок с водою, лежал нож, огромная сковорода, Бог знает где добытая, что-то вроде лоханки, деревянная ложка, петрушка, кусок шпику, соль, перец и корзинка свежих яиц.

Для начала представления ждали апоульмена племени. Для него было

приготовлено нечто вроде помоста напротив Валентина. Приняв трубку мира, апоульмен слегка наклонился и сказал что-то на ухо Курумиле, который почтительно стоял возле него. Ульмен поклонился, сошел с помоста и, подойдя, сказал парижанину, что он может начинать.

Валентин поклонился апоульмену, снял свое пончо, свернул его и бережно положил у ног. Затем грациозно завернул рукава по локоть, слегка наклонился вперед, оперся правой рукой на стол и начал говорить тоном шарлатана, продающего зевакам свои лекарства:

— Почтенные ульмены и вы, непобедимые воины благородного и священного племени Великого Зайца! Выслушайте внимательно, что я буду иметь честь изложить вам.

В начале времен мир не существовал. Вода и облака носились и сталкивались в бесконечном пространстве, которое тогда составляло вселенную. Когда Пил-лиан создал мир и вызвал своим голосом человека из недр красной горы, то взял его за руку и, указав ему на все произведения земли, воздуха и вод, сказал: «Ты царь творения, а потому все животные, растения и рыбы принадлежат тебе и должны, каждый по мере своих сил и умения, способствовать твоему благополучию и счастью в сем мире, среди которого я поставил тебя. Так, лошадь будет переносить тебя быстрым бегом через пустыни, ламы и овцы будут тебя одевать своей плотной шерстью и питать своим сочным мясом». Когда таким образом Пиллиан показал человеку одно за другим всех животных, то, прежде чем перейти к растениям и рыбам, он дошел до курицы, которая беззаботно тут же кудахтала, поклевывая зернышки. Пиллиан взял ее за крылья и, показывая человеку, сказал: «Вот одна из полезнейших тварей, созданных тебе на потребу. Свари ее в горшке, и она даст тебе отличный навар: кушай его, когда болен. Сжарь ее, и выйдет превкусное жаркое. Из яиц ты будешь делать яичницу с зеленью, шампиньонами, ветчиной и особенно со шпиком. Когда тебе будет нездоровиться и тяжелая пища будет не по слабому твоему желудку, ты вари яйца всмятку, и тогда увидишь, как это вкусно». Вот что, — продолжал Валентин, все более и более позируя перед индейцами, которые слушали его с раскрытыми ртами и вытаращенными глазами, ни слова не понимая из его болтовни, между тем как Луи искусал себе все губы, едва удерживаясь от смеха, — вот что Пиллиан говорил первому человеку в начале веков. Вас там не было, о воины аукасские! А потому неудивительно, что вы не знаете этого. Правда, меня также не было там, но благодаря способности, которою обладаем мы, белые, переноситься мыслию в прошлые века при помощи писания, эти слова Великого Духа были собраны со тщанием и в точности достигли нас. Но, оставив всякие

предисловия, я буду иметь честь теперь приготовить перед вами яйцо всмятку. Послушайте только; это так же просто, как сказать «здравствуй!», и по силам самому несмышленому. Чтобы сварить яйцо всмятку, надо две вещи: во-первых, яйцо, во-вторых, кипяток. Берите яйцо вот так, затем откройте котелок, положите яйцо на ложку и опустите его в воду: оставьте его там три минуты, ни больше, ни меньше. Заметьте, это очень важно, если оно пролежит дольше, то все труды пропадут напрасно. Смотрите.

Засим он опустил яйцо в воду. Через три минуты Валентин вынул яйцо, разбил его, посолил и поднес апоульмену с кусочком маисового хлеба. Все это он делал с неподражаемо серьезным выражением, среди безмолвной тишины внимательной толпы. Апоульмен попробовал яйцо. Сначала выражение сомнения было на его лице, но мало-помалу черты его широкого лица засияли от радости и удовольствия, и он в восторге закричал:

— Оа! Э, игхе! Хих мик кахе¹¹!

Валентин, улыбаясь, воротился к очагу и немедленно сварил еще несколько яиц, которые раздал ульменам и главнейшим воинам. Скоро и эти стали расхваливать новое кушанье. Бешеное нетерпение овладело индейцами. Так хотелось всем отведать яиц всмятку и поглядеть поближе, как они варятся, что Валентина чуть было не сбили с ног. Когда желание большинства желудков было удовлетворено, снова воцарилась тишина. Апоульмену, голос которого был до того не слышен посреди шума, удалось наконец кое-как восстановить порядок и тишину.

Валентин, сильно ударя ножом по столу, начал такую речь:

— Сварить яйца всмятку, какими я вас сейчас угостил, было— для меня шуткой, но яичница другое дело: тут нужно и умение и старанье. Рассказывая вам, как ее надо делать, я в то же время начну готовить— слушайте и смотрите внимательно, как я буду смешивать разные припасы. Чтоб сделать яичницу со шпиком, требуется: шпик, яйца, соль, перец, петрушка и масло. Все это, как видите, лежит на столе. Теперь я все это смешаю.

С необыкновенным искусством и проворством принялся он за приготовление огромной яичницы, по крайней мере в шестьдесят яиц, не прерывая своего словообильного и красноречивого объяснения.

Любопытство индейцев было сильно возбуждено, восторг выражался прыжками и смехом. Но когда Валентин взял сковородку за ручку и, по-видимому, без всякого напряжения, с ловкостью и уверенностью заслуженного повара подбросил раза четыре на воздух, чтоб перевернуть яичницу на другую сторону, всеми овладел просто телячий восторг:

индейцы запрыгали, заорали, завыли самым ужаснейшим образом.

Когда яичница была готова, Валентин сложил ее на деревянное блюдо, согнул пополам с искусством опытной кухарки и хотел еще дымящуюся поднести апоульмену. Но тот, подзадоренный яйцами всмятку, избавил его от такого труда. Позабыв всю свою важность и достоинство, бросился он со всех ног к столу, сопровождаемый главнейшими ульменами племени. Успех парижанина был чрезвычайный. В летописях поваренного искусства не запомнят подобного. Валентин, скромный, как все истинные таланты, отказался от предлагаемых ему почестей и поспешил с другом своим скрыться в тольдо Трантоиль Ланека.

На другой день сего достопамятного события, когда молодые люди хотели выйти из общей своей горницы, явился их хозяин в сопровождении Курумилы. Предводители поклонились, уселись на глинобитном полу и закурили трубки. Луи, привыкший уже к церемонным обычаям арауканцев и убежденный, что оба их друга явились по какому-нибудь важному делу, сел подле своего молочного брата и терпеливо ожидал, пока индейцы сочтут приличным начать разговор. Выкурив рассудительно трубки до конца, предводители выбили их о ногу, заткнули за пояс и обменялись взглядами; тогда Трантоиль Ланек начал:

— Мои бледнолицые братья все еще хотят уехать от нас? — спросил он.

— Да, — отвечал Луи.

— Что ж, не нравится им индейское гостеприимство?

— Напротив! — отвечали молодые люди, крепко пожимая ему руку. — Вы с нами обходились, как со своими соплеменниками. Но мы обещали одному из наших друзей приехать в Вальдивию, где он ожидает нас, а потому завтра же думаем отправиться в дорогу. Предводители снова обменялись взглядами, и Трантоиль Ланек сказал:

— Мои братья поедут не одни.

— Что вы хотите этим сказать?

— Индейская земля небезопасна для бледнолицых. Мой брат спас мне жизнь, я поеду вместе с ним.

— Мой брат сохранил мне друга, — сказал молчавший до сих пор Курумила, — я поеду с ним.

— И не думайте об этом, — сказал Валентин. — Мы путешественники, случай нас кидает из стороны в сторону, как ему вздумается. Утром мы не знаем, куда попадем к вечеру.

— Что ж из этого? — простодушно сказал Курумила. — Куда вы, туда и мы.

Молодые люди были тронуты такой простой и чистосердечной решимостью.

— Но это невозможно, друзья мои, — вскричал Луи, — это невозможно! А ваши жены? А ваши дети?

— За нашими женами и детьми в наше отсутствие присмотрят родные.

— Друзья мои, добрые друзья мои, — с волнением сказал Валентин, — нет, мы не можем принять такого самоотвержения. Ради вас самих мы не можем согласиться на это. Я сказал уже вам, что мы сами не знаем, что нас ждет, — отпустите нас одних.

— Мы поедем с нашими бледнолицыми братьями, — отвечал Трантоиль Ланек тоном, не допускавшим возражений, — мои братья не знают льяносов. Четыре человека в пустыне — сила, два идут на смерть.

Французы не спорили больше. Они приняли предложение ульменов тем охотнее, что вполне понимали, какую огромную помощь окажут им эти два человека, которым леса и пустыни что свой дом, которые извели все их тайны. Предводители простились с молодыми людьми, чтоб приготовиться к путешествию. Отъезд был назначен непременно на следующий день.

Утром, на солнечном восходе, выехали из деревни четыре путешественника, сопровождаемые толпами народа, непрерывно кричавшими:

— *Вентени! Вентени! Виры темпы! Виры темпы!*¹²

Этими путешественниками были Луи, Валентин, Трантоиль Ланек и Курумила. Они ехали верхом на отличных конях андалузско-арабской породы, вывезенной в Америку испанцами. Цезарь бежал справа за ними. Простившись с индейцами, провожавшими их за пределы тольдерии, они направились по дороге в Вальдивию и скоро исчезли в ущельях.

Четвертая глава. ДОНЬЯ РОЗАРИО

Направляясь в Вальдивию, оба француза желали повидаться с доном Тадео де Леоном, одним из почетнейших людей в Чили, которому они, о чем расскажем ниже, спасли жизнь проездом через Сант-Яго. Солнце всходило, когда наши четыре путешественника достигли долины, расстилающейся перед Вальдивией, но составляющей еще арауканскую область. Так как именно в этот день в Вальдивии отмечался народный праздник, то вся равнина была покрыта множеством палаток, между которыми кишел народ. Всадникам недолго пришлось отыскивать палатку дона Тадео де Леона, который со своей дочерью, доньей Розарио, и несколькими слугами также выехал за город, чтоб присутствовать на празднике. Палатку дона Тадео было легко отыскать еще и потому, что она стояла поодаль от других.

Вальдивия, основанная в 1551 году испанским завоевателем доном Педро де Вальдивия, красивый город, в двух часах езды от моря, на левом берегу реки, по которой легко проходят большие суда. Он лежит в плодородной долине *Гвадальянквен*. Вид этого города, передового поста цивилизации в этих отдаленных странах, один из самых прелестных. Улицы широкие и прямые; здания, выбеленные известью, только — в один этаж, по причине частых землетрясений; почти все дома имеют террасы. Там и сям вздымаются к облакам высокие колокольни многочисленных церквей и монастырей, занимающих добрую треть города. Благодаря обширной торговле, которую ведет Вальдивия при помощи своего порта, якорной стоянки китопромышленников, охотящихся в этих широтах, кораблей, подновляющихся здесь после или перед обходом мыса Горн, улицы оживлены, что редкость в небольших городках Южной Америки.

Когда оба француза поздоровались с доном Тадео, он попросил одного из них навестить его дочь, которая чувствовала себя не совсем здоровой, а потому пожелала остаться в палатке, а другого пригласил пойти посмотреть на празднество. Луи вызвался остаться с молодой девушкой, а дон Тадео с Валентином отправились на праздник.

— Я жду сегодня важных вестей, — сказал дорогой дон Тадео Валентину, — и вы, быть может, будете мне полезны.

Индейцы последовали их примеру. Мало-помалу разошлись и слуги: «людей поглядеть, себя показать». Донья Розарио оказалась премиллой девушкой шестнадцати лет, небольшого роста, нежного сложения. Она

была блондинка, что редкость в Америке, с густыми волосами цвета спелой ржи и небесно-голубыми глазами. Луи весело и беззаботно болтал с нею, рассказывал о Франции, о Париже и старался дать молодой девушке понятие о шумной и многолюдной французской столице. Вдруг несколько человек, вооруженных с головы до ног, ворвались в палатку. Граф быстро вскочил, чтоб защитить молодую девушку, схватив в обе руки по пистолету. Но прежде чем успел направить свое оружие на нападающих, он упал наземь, пораженный кинжалами. Падая, он увидел, как во сне, что два человека схватили донью Розарио и побежали, унося ее. Тогда, с невыразимым усилием, молодой человек приподнялся на колени и наконец встал на ноги. Он увидел, что похитители бегут к лошадям, которых невдалеке держал под уздцы индеец. Молодой человек бросился за ними с криком:

— Убийство! Убийство!

И выстрелил. Один из похитителей упал, посылая ему страшные проклятья. Тут силы окончательно оставили молодого человека. Луи зашатался, будто пьяный, в ушах у него зазвенело, все завертелось перед его глазами, и он упал бездыханный на землю.

Донья Розарио так испугалась, увидев, что граф упал под ударами убийц, что лишилась чувств. Когда она пришла в себя, была глубокая ночь. Несколько минут только смутные мысли бродили в ее голове, она никак не могла опамятоваться. Наконец, мысли ее стали светлее, и она прошептала тихим голосом, с выражением ужаса:

— Господи! Господи! Что такое случилось?

Она открыла глаза и стала беспокойно поворачивать голову. Мы сказали, что стояла глубокая ночь, но она оказалась еще темнее для бедной девушки: у нее на лицо было наброшено тяжелое покрывало. С терпением, столь свойственным всем попавшимся в плен, она старалась дать себе отчет о своем положении.

Насколько можно было судить, она лежала в длину на спине мула, между двумя тюками; веревка проходила через грудь и мешала привстать, но руки ее были свободны. Мул шел тяжелым и неправильным шагом, столь свойственным этой породе, отчего бедная девушка страдала при каждом шаге. Она была покрыта попоной, по причине ночной росы, или для того, чтоб не распознать дороги, по которой ехали. Донье Розарио, потихоньку и с великими предосторожностями, наконец удалось освободиться от покрывала, наброшенного на лицо. Она огляделась вокруг. Повсюду густой мрак. По небу шли облака и беспрестанно закрывали месяц, который в малые промежутки бросал слабый и неверный свет.

Подняв тихонько голову, девушка увидела, что несколько всадников ехали впереди и позади мула, на котором она лежала. Насколько можно было разглядеть в ночной темноте, всадники походили на индейцев. Караван был довольно многочисленный, по меньшей мере из двадцати человек. Он двигался по узкой тропинке, между двумя отвесными горами, скалистые груды которых, бросая тень на дорогу, еще более увеличивали мрак. Эта тропинка слегка подымалась в гору. Лошади и мулы, вероятно утомленные долгой дорогой, шли тихо. Молодая девушка, вспоминая, когда она была похищена из палатки, полагала, что прошла уже половина дня, как она стала пленницей.

Утомленная усилием разглядеть что-либо вокруг нее, бедная девушка опустила голову, заглушая вздох отчаяния. Закрыв глаза, чтобы не видеть окружающего, она предалась глубоким и печальным размышлениям. Девушка не знала, где она теперь, кто и зачем похитил ее. Эта неизвестность усиливала страдания: она не видела впереди никакой надежды. Ее больное воображение создавало ужасные призраки; как бы ни была печальна действительность, все-таки она легче призраков. Таково было положение бедной девушки.

Караван безостановочно подвигался вперед. Он вышел из ущелья и подымался по тропинке, шедшей по краю пропасти, на дне которой глухо шумела невидимая вода. Порой камень, сброшенный копытом мула, с шумом катился по склону утеса и падал в бездну. Ветер свистел между елками и лиственницами; их сухие иглы валились на путешественников. По временам совы, живущие в трещинах скалы, кричали, точно рыдал ребенок, и печальные звуки прерывали тишину.

Страшный лай послышался вдали. Мало-помалу он приближался, наконец раздался с особенной силой. Послышались резкие голоса баб и детей, унимавших собак, заблестели огни. Караван остановился. Очевидно, пришли на ночлег. Девушка осторожно поглядела * вокруг. Дул сильный ветер и почти гасил пламя факелов. Она заметила только несколько мазанок и тени людей, которые с криком и смехом ходили вокруг нее. Люди, сопровождавшие ее, с сильными криками и ругательствами расседывали лошадей и развьючивали мулов, нимало, по-видимому, не заботясь о бедной девушке. Прошло довольно много времени. Наконец она почувствовала, что кто-то взял ее мула за узду и грубым голосом закричал:

— *Аггеа!*¹³

Это было слово, которым погонщики обыкновенно понукают мулов.

«Что значит эта остановка? Почему часть конвоя осталась в деревне?»
Такие вопросы задавала себе пленница. На этот раз неизвестность

продолжалась недолго. Через десять минут мул снова остановился, проводник подошел к донье Розарио. Он был одет, как *гуасо* — чилийский земледелец. На голове его была старая шляпа из панамской соломы, ее длинные поля закрывали лицо и не позволяли разглядеть его черты. При виде этого человека девушка невольно вздрогнула. Погонщик, не говоря ей ни слова, снял с нее попону, развязал веревку и, взяв девушку на руки, словно это был малый ребенок, понес ее, дрожащую от страха, в хижину, стоявшую невдалеке, совершенно уединенно. Дверь была отворена настежь и словно приглашала войти.

В хижине было темно. Погонщик осторожно и бережно положил на пол свою ношу, чего не ожидала девушка. В ту минуту, когда он опускал ее наземь, погонщик наклонился к ней и едва слышно прошептал:

— Не бойтесь и надейтесь.

Затем он быстро встал и ушел, затворив за собою дверь.

Оставшись одна, донья Розарио приподнялась, а затем поспешно встала. Два слова, которые шепнул на ухо погонщик, возвратили ей присутствие духа и отогнали страх. Надежда, эта посланница небес, дарованная Господом, по его неизреченному милосердию, несчастным, чтоб утешать их в скорбях, снова поселилась в сердце девушки. Она почувствовала себя сильной и готовой для борьбы с неизвестными врагами. Она знала теперь, что дружеские глаза следят за нею, что в случае опасности ей окажут помощь. Вот почему не с боязнью, а скорей с нетерпением ждала она, чтобы похитители сказали, какую судьбу они ей готовят.

В хижине было темно, хоть глаз выколи. Сначала напрасно старалась она разглядеть что-нибудь. Но мало-помалу глаза ее привыкли к темноте, и она заметила прямо против себя слабый свет, видневшийся между половинками дверей. Осторожно, чтобы не привлечь внимания невидимых сторожей, которые, может быть, наблюдали за нею, протянув руки вперед, чтобы не наткнуться на что-нибудь в темноте, на цыпочках, прислушиваясь к малейшему шуму, она сделала несколько шагов в ту сторону, где виднелся свет, невольно привлекавший ее, как свечка привлекает неразумных бабочек, обжигающих о пламя крылья. Чем более она приближалась, тем явственнее становился свет; послышался чей-то голос. Вот она уперлась руками в дверь, наклонилась и приложила глаз к щелке. Девушка подавила крик удивления: в той комнате стоял индеец, по-видимому предводитель. Это был Антинауэль (Тигр-Солнце), приказавший похитить ее.

Это был человек лет пятидесяти, высокий, величественной наружности. Все говорило в нем, что это муж, привыкший повелевать,

созданный властвовать над другими. Он был одним из могущественных арауканских предводителей, могущественнейший токи, управлявший провинцией *Пирег-Манус* (внутренние Анды). Он неслыханно прославился как воин, и его мозотоны просто боготворили его.

Похитив донью Розарио у отца, он просто захотел на ней жениться и ввести ее в свою хижину, и даже думал, что, сделав ее женою столь могущественного предводителя, окажет этим великую честь молодой девушке. Некогда, покрытый ранами, лежал предводитель почти без дыхания близ большой дороги. Донья Розарио увидела его, приказала пеонам (слугам) поднять его и перенести в дом своего отца. Три месяца был болен Антинагуэль. Все это время донья Розарио ухаживала за ним, и ее попечениями он поправился. С тех пор токи был исполнен уважения и поклонения к донье Розарио. И вот задумал взять ее себе в жены. Зная о празднестве и о том, что дон Тадео также выехал за город, предводитель зорко следил за всем, приказал он одному из храбрейших своих мозотонов Жоану во что бы то ни стало похитить девушку. Как это случилось, уже известно нашим читателям. Узнав, что пленница привезена, Антинагуэль, приехавший нарочно в эту деревню, приказал позвать к себе Жоана.

Вскоре явился индеец, но не Жоан.

— Что это значит? — спросил Антинагуэль. — Почему Жоан не пришел? Я звал именно его.

Тот, к кому относились эти слова, угрюмо посмотрел вокруг, вертя в руках шляпу, и отвечал с плохо скрытым замешательством:

— Жоан послал меня вместо себя.

— А по какому праву, — гневно сказал токи, — осмелился он поручить другому дело, которое я приказал ему?

— Жоан мой друг, — отвечал тот. — Поручение, которое мой отец дал ему, исполнено.

— Верно?

— Девушка с небесно-голубыми глазами там! — указал он на комнату, где была донья Розарио. — По дороге она ни с кем не говорила, и я могу уверить токи, что не знает, куда ее привезли.

При этом известии токи поглядел милостивее и сказал более ласковым голосом:

— А почему Жоан не поехал сам?

— О! — сказал исполнитель поручения с притворным простодушием, хотя плутовской взгляд и выдавал его. — По самой простой причине. У Жоана вдруг заболел сын — лежал при смерти. И хотя это недостойно воина, он воротился с половины дороги.

— Все это хорошо, — сказал Антинагуэль, — но еще не объясняет, кто таков мой сын.

— Я ульмен своего племени, великий воин между пуэльхами, — отвечал тот гордо.

— А, — сказал токи, довольный этим ответом. — Мой сын — ульмен пуэльхов! Могу ли я на него положиться?

— Я друг Жоана, — отвечал тот просто и почтительно поклонился.

— Хорошо. Мой сын хорошо ответил. Он может удалиться и ждать моих дальнейших приказаний на счёт той девушки. Я позову его, когда будет нужно.

Индейцы поклонились друг другу, и незнакомец вышел.

Затем Антинагуэль приказал позвать одного из своих мозотонов и долго разговаривал с ним. Окончив разговор, он приказал тому привести донью Розарио в свою комнату.

Воин удалился и вскоре поспешно вбежал в комнату с криком:

— Она бежала!

В самом деле, донья Розарио бежала с тем индейцем, которому был поручен надзор над нею. Никто не знал, куда и давно ли они скрылись.

С воплем вскочил Антинагуэль, услышав эту весть, и тотчас приказал послать погоню во все концы.

Пятая глава. РАНЕНЬИЙ

Возвратимся теперь к графу Пребуа-Крансе. Когда случилось похищение, в той части равнины, где дон Тадео разбил палатку, никого не было. Толпа, привлеченная любопытством, вся собралась к месту, где происходило празднество. Вдобавок похитители распорядились весьма умно; все было сделано быстро, без особого крику и гаму, так что никто и не подозревал о случившемся. Крика графа: «Убийство!» — никто не слышал, и даже пистолетные выстрелы потерялись в общем шуме празднества. А потому Луи довольно долго пролежал без всякой помощи перед палаткой, истекая кровью, так как получил две ножевые раны.

Пеоны, погонщики мулов и даже оба индейских предводителя, не подозревая ни о какой опасности, — все, как мы уже говорили, отправились поглазеть на праздник. Когда он кончился, толпа разошлась во все стороны, каждый к своей палатке. Индейские предводители прежде других направились к палатке, где они оставили Луи. Теперь, утолив свое любопытство, они сожалели, что так надолго оставили своего друга. Подходя к палаткам, они удивились, что не увидели Луи; их поразило также беспорядок вокруг палаток. Они прибавили шагу. Чем ближе они подходили, тем беспорядок становился для них явственнее. В самом деле, ограда из тюков вокруг палаток была разрушена; несколько тюков валялись в беспорядке; самое место походило скорей на поле битвы; следы лошадиных копыт были видны на сырой земле. Этих признаков было достаточно для индейцев; они с беспокойством посмотрели друг на друга и бегом поспешили к палаткам.

Луи лежал поперек входа в палатку; разряженные пистолеты были сжаты в руках, голова откинута назад, губы полуоткрыты, зубы стиснуты. Кровь уже не текла. Оба индейца с ужасом глядели на него. Лицо у Луи было бледно-пепельного цвета, как у мертвеца.

— Умер? — сказал с волнением Курумила.

— Кажется, — отвечал Трантоиль Ланек, наклоняясь к телу.

Он поднял голову молодого человека, развязал галстук и расстегнул грудь; тут он увидел две зияющие раны.

— Это мщение, — прошептал он.

Курумила в отчаянии покачал головою.

— Что делать? — спросил он.

— Попробуем, быть может, он еще жив.

С необыкновенным искусством и проворством стали они осматривать раны и заботливо оказывать помощь несчастному молодому человеку. Долго их усилия были тщетны. Наконец слабый вздох с трудом вылетел из груди раненого. Легкий румянец окрасил его щеки, он на некоторое время открыл глаза. Курумила, омыв раны свежей водою, сделал перевязку из листьев орегано.

— Он обессилел от потери крови, — сказал он. — Раны широки, но не глубоки и не опасны.

— Что тут случилось? — спросил Трантоиль Ланек.

— Тс! — сказал Курумила, положив палец на уста. — Он шепчет что-то.

В самом деле губы раненого зашевелились. Наконец, с усилием, тихо, так что индейцы едва слышали, произнес он одно, но многозначительное слово:

— Розарио.

И снова впал в беспамятство.

— А! — вскричал Курумила, как будто озаренный внезапным светом. — Где же бледнолицая девушка?

И он бросился в палатку.

— Теперь я понимаю все, — сказал он, возвращаясь к своему другу.

Индейцы осторожно подняли раненого и перенесли в палатку, где положили его в пустой гамак доньи Розарио. Луи снова пришел в себя, но вскоре впал в глубокий полуобморочный сон. Уложив его возможно удобнее, индейцы вышли из палатки и начали, со свойственным для племени инстинктом, отыскивать на земле ключ к открытию тайны, о которой не от кого было узнать: они изучали следы. Теперь, когда совершены злодейство и похищение, надо было броситься по следам похитителей и попытаться, если возможно, спасти девушку. После тщательных розысков, продолжавшихся, по крайней мере, два часа, индейцы возвратились к палатке. Они сели друг против друга и курили несколько минут молча.

Пеоны и погонщики мулов между тем вернулись с праздника. Ужас овладел ими, когда они увидели, что случилось. Несчастные не знали, с чего начать; они трепетали, помышляя об ответственности, которая на них падала, и о грозном отчете, который потребует от них дон Тадео.

А оба предводителя молча выкурили по трубке, вытрясли золу, и Трантоиль Ланек начал речь таким образом:

— Мой брат мудрый предводитель, — промолвил он, — пусть он скажет, что видел.

— Я скажу, ибо это угодно моему брату, — отвечал Курумила, наклоняя голову. — Бледнолицая девушка с небесно-голубыми очами похищена пятью всадниками.

Трантоиль Ланек кивнул в знак подтверждения.

— Пять всадников прибыли из-за реки, следы ясны на мокрой земле, там, где кони их выходили на берег. Четыре всадника гуилихи, пятый бледнолицый. Подъехав к палаткам, они остановились, совещались с минуту; четверо спешили, следы их ног видны.

— Хорошо, — сказал Трантоиль Ланек, — у моего брата очи андского орла; ничто не скроется от него.

— Четверо всадников спешили. Трое из них индейцы, что легко узнать по следу их босых ног: большой палец у них поодаль от других, он привык держать стремя. Четвертый мурух, от его шпор повсюду видна дорожка. Индейцы подползли к дону Луису, который у входа в палатку разговаривал с молодой девушкой с голубыми глазами. Он сидел спиной ко входу. На него напали внезапно, он упал, не успев защититься. Тогда четвертый всадник прыгнул, как пума, схватил девушку, снова перепрыгнул через тело дона Луиса и пошел к лошади. Индейцы за ним. Но дон Луис приподнялся на колени, потом привстал на ноги и выстрелил в одного из похитителей, тот упал. Это был бледнолицый, где он упал, стоит лужа крови. Умирая, он судорожно рвал траву руками. Тут товарищи сошли опять с коней, подняли его и пустились бежать. Дон Луис, выстрелив, обессилел и упал. Вот все, что знает Курумила.

— Хорошо, — отвечал Трантоиль Ланек. — Мой брат знает все. Подняв тело товарища, похитители переправились через реку и направились в горы. Что станет делать теперь мой брат?

— Трантоиль Ланек испытанный предводитель, он подождет дону Валентина. Курумила моложе, он пойдет по следам похитителей.

— Мой брат хорошо сказал, он умен и разумен. Он найдет их.

— Да, Курумила найдет их, — коротко отвечал предводитель.

Сказав это, он встал, оседлал лошадь и поскакал. Скоро Трантоиль Ланек потерял его из виду. Тогда он воротился к раненому.

Так прошел день. Чилийцы оставили равнину; индейцы последовали их примеру. Осталось только несколько запоздавших арауканцев, но и они, видимо, торопились уехать.

Вечером Луи стало гораздо лучше. Он мог коротко рассказать индейскому предводителю, что случилось, но не открыл ничего для того нового. Индейцы все верно узнали при осмотре следов.

— Ах, — сказал молодой человек, оканчивая свой рассказ, — Розарио,

бедная Розарио! Она погибла!

— Пусть мой брат не предается отчаянию, — с участием сказал Трантоиль Ланек. — Курумила поскакал по следам похитителей. Бледнолицая девушка будет спасена.

— Это правда, предводитель? Курумила в самом деле преследует их? — спросил молодой человек, устремив блестящие взоры на индейца. — Могу ли я надеяться?

— Трантоиль Ланек — ульмен, — с благородством отвечал арауканец, — ложь никогда не марала его уст, у него не раздвоенный язык. Повторяю, Курумила преследует похитителей. Пусть мой брат надеется: он увидит птичку, которая распевает звучные песни.

Мгновенный румянец покрыл щеки молодого человека при этих словах. Слабая улыбка промелькнула на бледных губах. Он слабо пожал руку предводителю и опустил голову. Вскоре он заснул.

Немного погодя раздался страшный лошадиный топот.

— Хорошо! — прошептал Трантоиль Ланек, смотря на раненого. Тот дышал правильно, значит, спокойно уснул. — Что-то скажет дон Валентин?

Он поспешно вышел и очутился лицом к лицу с Валентином. На лице парижанина выражалось беспокойство.

— Предводитель, — вскричал он прерывающимся голосом, — правда ли то, что сказали пеоны?

— Да, — холодно отвечал предводитель. Молодой человек упал, как пораженный молнией.

Индеец бережно посадил его на тюк и, сев подле, взял его за руку и с участием сказал ему:

— Мой брат мужествен.

— Увы! — в отчаянии вскричал молодой человек. — Луи, мой бедный Луи, умер, убит! О, — прибавил он с грозным движением, — я отомщу за него! Я буду жить только, чтобы исполнить эту священную обязанность. Предводитель внимательно поглядел на него.

— Что говорит мой брат? — спросил он. — Его друг жив.

— Зачем обманывать меня, предводитель?

— Я говорю правду, дон Луис жив, — отвечал ульмен уверенным тоном, возродившим надежду в разбитом сердце молодого человека.

— Как! — вскричал он, вскакивая. — Он жив? Возможно ли это?

— У него две раны, но да успокоится мой брат: раны не опасны, через неделю они закроются.

Валентин был ошеломлен этой внезапной вестью, после того, что рассказали ему слуги и погонщики мулов.

— О, — вскричал он, обнимая предводителя и судорожно прижимая его к груди, — это правда, да? Его жизнь вне опасности?

— Пусть мой брат ободрится; только потеря крови — причина обморока его друга. Я отвечаю за его жизнь.

— Благодарю, предводитель, тысячу раз благодарю! Могу я его видеть?

— Он спит.

— О, я не разбужу его, я только на него взгляну. — Пойдем, — сказал, улыбаясь, Трантоиль Ланек. Валентин вошел в палатку. Он с минуту глядел на своего друга, тот спокойно спал. Валентин осторожно наклонился к нему, поцеловал его в лоб и прошептал:

— Спи спокойно, брат; я сторожу тебя. Губы раненого зашевелились, он прошептал:

— Валентин!.. Спаси ее!..

Парижанин наморщил брови и выпрямился:

— Пойдемте, предводитель, — сказал он Трантоиль Ланеку, — расскажите мне подробно, что случилось, чтоб я мог отомстить за брата и спасти девушку.

Они вышли.

Настала ночь. Склонившись над изголовьем своего друга, который все еще лежал в обморочном сне, следующим обыкновенно за большою потерей крови, Валентин с нежностью смотрел на его лицо, по которому изредка проходили тени.

— О, — говорил он вполголоса, гневно сжимая кулаки, — твои убийцы, кто бы они ни были, дорого заплатят за свое злодейство.

Завеса палатки приподнялась, и кто-то положил руку на плечо парижанина. Тот оглянулся. Перед ним стоял Трантоиль Ланек мрачный, как ночь. Он был, по-видимому, в великом волнении.

— Что случилось, предводитель? — спросил Валентин. — Ради Бога, что случилось? Или новое несчастье нависло над нами?

— Несчастья непрестанно сторожат человека, — наставительно отвечал предводитель. — Надо быть готовым каждый час встретить нежданного гостя.

— Говорите, — твердо сказал молодой человек, — что бы ни случилось, я не боюсь.

— Мой брат сильный, великий воин, он не падет духом. Пусть мой брат поспешит, надо отправиться.

— Ехать? — вскричал в волнении Валентин. — А Луи?

— Мой брат Луис поедет с нами.

— Но разве это возможно?

— Это следует сделать, — решительно отвечал индеец. — Топор войны вырыт против бледнолицых. Аукасские предводители напились огненной воды, злой дух царит в их сердце. Надо ехать, пока они не проведали о нас. Через час будет поздно.

— Едем, — поспешно отвечал молодой человек, убежденный, что Грантоиль Ланек знает больше, чем сказал, и что им действительно грозит великая опасность, ибо предводитель был человеком испытанной храбрости и недаром его покинуло то выражение равнодушия, которое почти никогда не оставляет индейцев.

Поспешно стали собираться в дорогу. Скоро все было готово. Гамак, в котором лежал Луи, был крепко привязан к двум перекладинам, прикрепленным к седлам двух мулов. Все было сделано так бережно, что раненый даже не проснулся. Небольшой отряд отправился в путь, соблюдая все возможные предосторожности.

Для того чтобы объяснить читателям внезапное объявление войны со стороны арауканских предводителей, необходимо рассказать, что произошло в это время в Чилийской Республике и между ее правительством и Антинагуэлем, первым токи своего народа.

Уже несколько лет томилось Чили под деспотизмом генерала дона Панчо Бустаменте, который был военным министром и страшно угнетал всю страну. Для освобождения отечества соединилось несколько благородных и горячих патриотов, во главе которых стоял дон Тадео де Леон, отец доньи Розарио. Бустаменте напал на след заговора, и все главнейшие патриоты были схвачены и приговорены к расстрелу. Но накануне исполнения этого приговора друзьям удалось освободить дона Тадео. В этом освобождении участвовали и наши французы. Вскоре он явился во главе восстания целого народа. Бустаменте был разбит в большом сражении, бежал, но за ним была послана сильная погоня. Дон Тадео с нетерпением ожидал известия об успехе этого предприятия. На него-то и намекнул он Валентину, когда сказал, что ждет важного известия сегодня. Предприятие удалось вполне; Бустаменте был схвачен и привезен в Вальдивию. Это-то известие и заставило дона Тадео, не заезжая к дочери, скакать возможно скорее в город в сопровождении Валентина. Антинагуэль был тайным союзником Бустаменте. Заветным планом великого предводителя аукасов было возвращение провинции Вальдивии, которая сто лет тому назад была отнята у испанцев арауканским вождем Симгарока, но впоследствии испанцам удалось вернуть ее назад. Когда против Бустаменте разразилось восстание, то Антинагуэль вступил с ним в

переговоры и обещал помощь, если Вальдивия будет уступлена арауканцам. Генерал не соглашался, но, видя свои неудачи, начинал уже колебаться. Весть о пленении генерала нимало не огорчила Антинагуэля, напротив, это ободрило его. Если ему удастся выручить Бустаменте из плена, то нет сомнения, генерал согласится на уступку Вальдивии, только бы достигнуть прежней власти. Немедленно собрал Антинагуэль военный совет, *аука-койог*, на берегу реки, отделяющей арауканскую землю от Вальдивии, объяснил аукасам, какой раздор возник между чилийцами и как легко теперь овладеть Вальдивией. Все собрание единогласно одобрило его слова и избрало его главноначальствующим соединенного арауканского войска и правителем всей страны.

Таково было состояние дел, когда Валентин и Трантоиль Ланек отправились в путь, везя своего раненого друга. Уже с час ехали они молча. Огни индейского лагеря светились вдаль, но друзья были уже вне опасности, по крайней мере на время. Валентин подъехал к Трантоиль Ланеку, который служил проводником.

— Куда мы едем? — спросил он.

— В Вальдивию, — отвечал предводитель, — только там дон Луис будет в безопасности.

— Правда, — отвечал Валентин. — Но мы, неужели мы ничего не предпримем?

— Я сделаю все, что пожелает мой бледнолицый брат. Разве я не пенни его? Куда он пойдет, туда и я, его воля будет моею.

— Благодарю, предводитель, — сказал с волнением француз. — Мой брат человек с храбрым и честным сердцем.

— Мой брат спас мне жизнь, — просто отвечал индеец. — Моя жизнь принадлежит уже не мне, а ему.

Или арауканские предводители не заметили, как удалились их враги, или — что вероятнее — они не захотели их преследовать, только ничто не обеспокоило в пути небольшой отряд. Он медленно подвигался вперед, ибо раненый не перенес бы быстрой езды. Перед рассветом достигли они садов, которые окружают со всех сторон Вальдивию. Караван остановился на несколько минут, чтоб дать отдохнуть лошадям и мулам.

— Знает ли мой брат эту тольдерию? — спросил Трантоиль Ланек.

— К чему этот вопрос? — сказал Валентин.

— По очень простой причине, — отвечал предводитель. — В пустыне я днем и ночью могу служить проводником моему брату, но в этой тольдории белых мои глаза закрываются, я слеп. Мой брат будет проводником.

— Ну, в этом случае я так же слеп, как и вы, предводитель. Вчера я был в городе с доном Тадео, но так недолго, что ничего не успел рассмотреть.

— Извините, ваша милость, — сказал один из пеонов, услышав этот разговор. — Скажите только, где вы намерены остановиться, и я провожу вас.

— Гм, — сказал Валентин, — где я намерен остановиться? Для меня все равно, только б мой друг был в безопасности.

— Осмелюсь, сеньор, — продолжал пеон, — пред...

— Осмелся! Осмелся, любезный! — отвечал Валентин. — Может быть, ты что-нибудь и придумаешь, а у меня голова теперь что пустой барабан.

— Извините, ваша милость, но отчего вам не остановиться у моего господина дона Тадео?

— В самом деле, мне это не пришло в голову. Но где он сам?

— Я могу проводить вашу милость к нему.

— Хорошо! — вскричал Валентин. — Ты малый неглупый. Когда ж мы двинемся?

— Когда будет угодно вашей милости.

— Сейчас! Сию минуту!

— Так в дорогу! — вскричал погонщик.

И мулы тронулись. Через несколько минут они были на главной площади и вскоре остановились перед домом дона Тадео. Луи тотчас же был перенесен в комнату и уложен в поспешно приготовленную для него постель. Вскоре Валентина проводили к дону Тадео. Бедный отец не спал почти всю ночь, занятый важными делами республики. Только поутру он немного вздремнул.

— Что это значит, что вы вернулись ночью? — сказал он Валентину. — Я не ждал вас раньше завтрашнего дня.

— Важная причина, дон Тадео, — отвечал Валентин печально. — Будьте мужчиной, соберите всю свою твердость, чтоб перенести постигший вас удар.

Дон Тадео прошелся раза два по комнате, с опущенной головой и наморщенным челом. Затем, бледный, но спокойный, остановился он перед Валентином.

— Говорите, — сказал он с твердостью, — я готов выслушать вас.

— Донья Розарио похищена, — сказал молодой человек дрожащим голосом. — Ее похитили во время моего отсутствия. Луи, мой молочный брат, защищая ее, изранен кинжалами.

Дон Тадео, казалось, окаменел. Бледный, как статуя, стоял он неподвижно, ни один мускул его лица не дрогнул. Этот железный человек, казалось, переделал свою природу, он умел владеть собою, несмотря ни на какое несчастье.

— Дон Луис жив? — спросил он участливо.

— Жив, — отвечал Валентин, удивляясь мужеству этого человека. — Я надеюсь, что через несколько дней он поправится.

— Сердечно рад, — с чувством сказал дон Тадео. — Это доброе известие.

В это время вошел в комнату Трантоиль Ланек. Скрестив руки на груди, он поклонился дону Тадео и сказал:

— Один человек преследует похитителей бледнолицей девушки. Этот человек Курумила, он найдет ее.

Луч радости блеснул в глазах дона Тадео.

— Что вы думаете делать? — спросил дон Тадео дон Грегорио, его лейтенант и друг.

— Ничего, пока не воротится Курумила. — Затем, оборотись к Валентину, он спросил: — Вы больше ничего не имеете сказать мне, мой друг?

— Есть еще известие. Вероятно, генерал Бустаменте сносился с арауканцами и просил у них помощи.

— И?

— Не знаю как, но они проведали, что генерал в плену. Дело в том, что при этой вести они собрали военный совет. Избран верховный токи, ему подчиняется все войско. Это Антинагуэль, и, кажется, он намерен объявить войну.

— Так я и думал! — вскричал гневно дон Тадео. — Этот лукавый Антинагуэль только и думает, как бы половить рыбки в мутной воде. Ради своего безумного честолюбия он готов на все. Но я покажу ему, что значит нарушать договоры. Долго не забудут меня арауканцы!

— Обратите внимание на того, кто вас слушает, — сказал дон Грегорио и указал на ульмена.

— А, не все ли равно? — вскричал дон Тадео. — Если я говорю, так для того, чтобы меня слышали. Я испанский дворянин и что чувствую, то и говорю. Ульмен может, коли ему угодно, передать мои слова своему верховному токи.

— Великий Орел белых несправедлив к своему сыну, — печально промолвил Трантоиль Ланек. — Не у всех арауканцев лживое сердце. Антинагуэль сам ответчик за свои действия. Трантоиль Ланек ульмен

своего племени: он знает, как должно присутствовать на совете предводителей, что видят его очи и слышат его уши, то забывает его сердце и не повторяют его уста. Зачем мой отец ранит меня своими словами, когда я готов пожертвовать собой, чтоб возратить ему ту, кого он лишился?

— Правда, предводитель, правда! Я поступил нехорошо, несправедливо. Ваше сердце право, ваш язык не знает лжи. Простите меня и дайте мне пожать вашу честную руку.

Трантоиль Ланек с жаром пожал руку, которую дон Тадео протянул ему ото всего сердца.

— Мой отец добр, — сказал он. — Его сердце помрачено теперь великим несчастьем. Пусть мой отец утешится, Трантоиль Ланек возвратит ему девушку с небесно-голубыми очами.

— Благодарю, предводитель. Принимаю ваше предложение. Я у вас в долгу.

— Трантоиль Ланек не продает своих услуг. Ему заплачено, когда его друзья счастливы.

— Черт возьми! — вскричал Валентин, с жаром пожимая руку предводителя. — Вы отличный человек, Трантоиль Ланек, и я горжусь, что стал вашим другом!

И, обратившись к дону Тадео, сказал:

— Я прощусь с вами на некоторое время, поручаю вам брата моего Луи.

— Вы уезжаете? — с живостью спросил дон Тадео.

— Да, это необходимо. Я вижу, как вы страдаете, хотя вы и стараетесь скрыть это. Я вижу, что похищение дочери убивает вас. И, клянусь, я возвращу вам ее, дон Тадео, или, в крайнем случае, погибну, желая возратить ее.

— Дон Валентин, — вскричал в волнении дон Тадео, — на что вы решились? Это безрассудно. Я никогда не приму такого самопожертвования.

— Позвольте мне делать, что я хочу, дон Тадео. Это, быть может, и безрассудно, но я парижанин, а потому упрям, как мул: если какая-нибудь мысль придет мне в голову, ее и колом оттуда не выбьешь. Я только прощусь с братом и тогда, — прибавил он,

обращаясь к Трантоиль Ланеку, — в дорогу, по следам похитителей!

— Едем, — отвечал улымен.

Дон Тадео некоторое время стоял неподвижно, с каким-то странным выражением глядя на Валентина. Казалось, в душе его происходила борьба. Наконец, природа взяла свое, с рыданием бросился он обнимать француза,

шепча прерывающимся голосом:

— Валентин! Валентин! Возврати мне дочь! Нравственное потрясение, испытанное доном Тадео,

невыразимые усилия, которые он употреблял, чтоб скрыть свое волнение, совершенно обессилили его. Он упал навзничь, ударившись о косяк дверей. Так падает могучий дуб, пораженный молнией. Он был без памяти. Валентин взглянул на него, исполненный жалости и горя, и потом сказал, полный решимости:

— Ободришь, бедный отец, ободришь! Твоя дочь будет возвращена тебе.

И он быстро вышел из комнаты, сопровождаемый Трантоиль Ланеком, а дон Грегорио, склонясь на колени близ своего друга, употреблял все усилия, чтобы привести его в чувство.

Шестая глава. БЕГСТВО

Чтоб объяснить читателю бегство доньи Розарио, нам надобно воротиться несколько назад, к тому времени, когда Курумила, после разговора с Трантоиль Ланеком, бросился как ищейка по следам похитителей молодой девушки. Курумила был воин столь же славный своею мудростью в совете, сколько и своей храбростью в бою.

Переправившись через реку, Курумила отдал лошадь сопровождавшему его пеону. Лошадь не только была бесполезна ему дальше, но могла выдать его своим топотом.

Индейцы славные наездники, но они, кроме того, неутомимые ходоки. Природа даровала им чрезвычайно сильные икры. Они в совершенстве владеют той равномерной и легкой походкой, которой под именем *гимнастического шага* (*pas gymnastique*) обучают с недавнего времени европейских солдат.

Они с невероятной быстротой пробегают пространства, почти по прямой линии, как птица летит, которые вряд ли бы проскакали всадники во всю прыть. Для них ничего не значат бесчисленные трудности пути, никакое препятствие не задержит их. Это только им свойственное качество делает их особенно страшными для испано-американцев, которые никак не могут достигнуть подобной быстроты передвижения. Вследствие этого во время войны краснокожие появляются там, где их меньше всего ожидают, и почти всегда на значительных расстояниях от мест, где они, по-видимому, должны были бы находиться.

Курумила, тщательно изучив следы похитителей, тотчас же решил, по какому направлению они поехали, чтобы перерезать дорогу и подождать их в том месте, где ему будет легко проследить за ними, и попытаться освободить пленницу. Приняв такое решение, ульмен отправился. Он шел несколько часов не останавливаясь, вглядываясь в тьму и внимательно прислушиваясь к звукам пустыни. Эти звуки для белых мертвы, но для индейца, изучившего эту азбуку, каждый звук имеет свое особое значение, в котором он никогда не ошибется. Он разбирает их, сравнивает и часто при помощи их угадывает такие вещи, которые враги стараются скрыть всевозможными средствами. Как ни необъяснимо это с первого взгляда, дело в сущности ясное: нет звука без причины. Полет птиц, бег дикого зверя, шелест листьев, ветер струит в высокой траве, ветви кустарника затрепчат, камень с громом упадет в бездну — все эти звуки сумеет

различить индеец и объяснить их происхождение.

На знакомом ему месте Курумила растянулся на земле позади гранитного обломка, и его стало не видно за высокой травой и кустарником, росшим по краю дороги. Более часа пролежал он без малейшего движения. Если б кто-нибудь увидел его, то принял бы за труп. Чуткое ухо индейца, которое все время было настороже, наконец различило вдали глухой топот мулов и коней по звонкой и сухой каменистой почве. Шум приближался все ближе и ближе. Вскоре, на два полета копья от него, ульмен увидел человек двадцать всадников, медленно подвигавшихся во тьме. Похитители, надеясь на свое число и полагая себя вне всякой опасности, ехали в полной безопасности. Индеец тихо поднял голову, уперся на руки и жадно следил за ними. Он выжидал; они прошли, не заметив его.

На несколько шагов позади каравана ехал всадник, предоставив коню полную волю. Он дремал, голова его склонялась на грудь, руки едва держали поводья. Курумила задумал смелое дело. Приподнявшись, он напряг все свои силы и вскочил позади седла всадника. Прежде чем тот, испуганный внезапным нападением, успел вскрикнуть, Курумила зажал ему рот так, что лишил того возможности позвать кого-нибудь на помощь. В мгновение ока предводитель накинул на всадника аркан и сбросил его на землю. Затем Курумила соскочил с лошади, привязал ее к кусту и воротился к своему пленнику. Пленник с стоической и надменной храбростью, столь свойственной американским туземцам, увидя себя побежденным, не пробовал сопротивляться. Он смотрел с улыбкой презрения на своего врага и ждал его слова.

— Ба, — сказал Курумила, наклонясь к нему, — Жоан!

— Курумила! — отвечал тот.

— Гм, — проворчал Курумила про себя, — я желал бы, чтобы это был кто-либо другой. Что делал мой брат на этой дороге? — спросил он.

— Что за дело до этого моему брату? — отвечал индеец вопросом на вопрос.

— Нечего терять время, — возразил ульмен, вынимая нож. — Пусть мой брат отвечает!

Жоан затрепетал, дрожь пробежала по его членам, когда сверкнул длинный и острый нож.

— Пусть предводитель спрашивает, — сказал он изменившимся голосом.

— Куда ехал мой брат?

— В тольдерию Сан-Мигуэль.

— Хорошо. А зачем мой брат ехал туда?

— Чтоб отвезти великому токи женщину, которая нам досталась сегодня в набеге.

— Кто приказал похитить ее?

— Тот, к кому мы везли ее.

— Кто был начальник набега?

— Я.

— Хорошо. Где Антинагуэль ожидает пленницу?

— Я сказал уже ульмену. В тольдери Сан-Мигуэль.

— В какой хижине?

— В последней, в той, что стоит поодаль от других.

— Хорошо. Пусть мой брат обменяется со мною шляпой и пончо.

Индеец немедленно повиновался. Когда обмен был сделан, Курумила продолжал:

— Я мог бы убить моего брата, мудрость даже требует этого, но жалость вошла в мое сердце. У Жоана есть жена и дети, он один из храбрых воинов своего племени. Если я подарю ему жизнь, будет ли он благодарен мне?

Пленник приготовился уже к смерти. Эти слова возвратили ему надежду. Он не был злым человеком по природе; ульмен знал, что на его слово можно положиться.

— Моя жизнь в руках моего отца, — отвечал Жоан, — если он дарует мне ее теперь, я останусь его должником и по малейшему его знаку убью себя.

— Ладно, — отвечал Курумила, затыкая нож за пояс. — Мой брат может встать. Слово предводителя честно.

Индеец встал и почтительно поцеловал руку предводителя, пощадившего его жизнь.

— Что прикажет мой отец? — сказал он.

— Мой брат сейчас же отправится в тольдерию, которую гинкаса называют Вальдивией. Он отыщет дона Тадео, Великого Орла белых, и расскажет все, что произошло между нами, прибавив, что я освобожу пленницу или умру. Если Великому Орлу потребуются услуги моего брата, он должен ему беспрекословно повиноваться. Прощай. Да укажет Пиллиан путь моему брату и пусть брат мой помнит, что я не захотел отнять у него жизни, которая принадлежит мне. — Жоан будет помнить, — отвечал индеец. По знаку Курумилы Жоан бросился в высокую траву, пополз, как змея, и исчез по направлению к Вальдивии. Предводитель, не медля ни минуты, вскочил на коня, пришпорил его и скоро присоединился к каравану

похитителей, которые тихо подвигались вперед, не подозревая происшедшего. Курумила-то и шепнул Розарио, перенося ее в хижину: «Надейтесь и ободритесь!»

Мы видели, какое действие произвели эти слова на молодую девушку. После разговора с Антинагуэлем, происходившим тотчас после окончания военного совета, объявившего войну против белых, Курумила в качестве тюремщика вошел в комнату, где была донья Розарио, и, набросив ей на плечи свое пончо, чтоб ее не узнали, промолвил тихим голосом:

— Следуйте за мною. Идите смело, я попробую освободить вас.

Девушка медлила; она боялась какой-нибудь новой ловушки. Ульмен понял, что происходило в ее душе.

— Я Курумила, — быстро сказал он, — один из ульменов, преданных двум французам, друзьям дона Тадео.

Донья Розарио невольно затрепетала.

— Идите, — сказала она, — что бы ни случилось, я следую за вами.

Они вышли из хижины. Индейцы, которые виднелись там и сям, не обратили внимания на них. Они толковали о военном совете, о предстоящей войне и прочих делах. Беглецы шли молча минут десять. Скоро деревня скрылась во мраке. Курумила остановился. Две оседланные лошади стояли за кустом кактуса.

— Чувствует ли моя сестра довольно силы, чтобы скакать? — спросил он.

— Чтоб бежать от моих похитителей, — отвечала она прерывающимся голосом, — я в силах сделать все.

— Хорошо, — сказал Курумила, — моя сестра храбрая девушка. Ее Бог поможет ей!

— На него вся моя надежда, — прошептала она. Они сели на лошадей и пустили их вскачь. Лошади

помчались, однако топота не было слышно: Курумила обернул копыта овечьей шкурой. Девушка была счастлива, чувствуя себя свободной и под покровительством преданного друга. Беглецы поскакали в сторону, противоположную от Вальдивии. Благоразумие требовало не ехать по той дороге, по которой скорей всего бросятся преследователи.

Ночь была черная, как смоль. Приклонившись к шее коней, понукая их движением руки и голосом, неслись беглецы к лесу, который чернел на горизонте. Бесчисленные извилины тропы, которой они придерживались, казалось, удаляли их от цели. Только бы достигнуть леса, — и они спасены! Вокруг было тихо. Лишь осенний ветерок шумел в придорожных деревьях и при каждом порыве осыпал всадников сухими листьями.

Беглецы молча скакали все вперед и вперед, не оглядываясь. Взоры их были прикованы к лесу, который заметно приближался, но все еще был далеко. Вдруг раздалось громкое ржанье.

— Мы пропали! — воскликнул в отчаянии Курумила. — Нас преследуют!

— Что делать? что делать? — прошептала донья Розарио.

Курумила ничего не отвечал, он раздумывал. Лошади неслись по-прежнему.

— Пойдите, — сказал ульмен, останавливая обеих лошадей.

Девушка повиновалась ему. Ей все это представлялось тяжелым и смутным сном. Индеец помог Розарио сойти с лошади и сказал:

— Верьте мне: все, что в силах человека, я сделаю, чтоб спасти вас.

— Я верю, — с чувством отвечала она, — и благодарю вас, мой друг. Пусть будет, что будет.

Курумила взял ее на руки и понес, как малого ребенка.

— Зачем вы несете меня? — спросила она.

— Чтобы не оставлять следов, — отвечал Курумила.

И он осторожно поставил ее на землю у подножия дерева, вокруг которого разросся кактус.

— В дереве дупло, моя сестра спрячется и не пошевелится до моего прихода.

— Вы бросите меня? — с испугом сказала она.

— Я проложу ложный след. Я скоро вернусь. Девушка медлила. Она боялась оставаться одна среди ночной мглы и не могла скрыть своего ужаса. Курумила понял ее мысли.

— Это единственное средство спасения, — печально сказал он. — Если моя сестра хочет, я останусь с нею. Но это большой риск, и, если она погибнет, в том не будет вины Курумилы.

Борьба укрепляет волю и заставляет сильнее пульсировать кровь. Донья Розарио не была одной из тех слабонервных девушек, которые встречаются в европейских городах, готовых упасть в обморок при виде паука или козявки. Она выросла на индейских границах, и пустыня была ей знакома. На охоте ей случалось попадать в положения, подобные нынешнему. У нее был довольно сильный характер; она понимала, что должна, сколько может, помогать этому человеку, столь ей преданному; иначе он будет лишен возможности спасти ее.

Она быстро решилась, поборолла страх, который начал тихо овладевать ею, собрала с духом и отвечала твердым голосом:

— Я сделаю по желанию моего брата.

— Хорошо, — отвечал индеец, — пусть же моя сестра спрячется.

Он осторожно раздвинул руками кактусы и ползучие растения, скрывавшие дупло, и бедная девушка, вся дрожащая, приютилась в нем, как горный воробей в орлином гнезде. Как только донья Розарио уселась в дупле, предводитель привел кусты в прежнее положение и совершенно закрыл отверстие этим растительным покровом. Осмотрев еще раз, все ли в порядке, и убедившись, что самый опытный глаз ничего не заметит, Курумила воротился к лошадям, вскочил на свою, взял другую в повод и пустился во всю прыть. Он стал пересекать под прямым углом дорогу, по которой должна была приспеть погоня, и проскакал таким образом минут двадцать. Когда, по его мнению, он был довольно далеко от того места, где была спрятана донья Розарио, он спешился, с минуту послушал, снял с лошадиных копыт овечью шкуру, которой они были обернуты, и поскакал дальше.

Вскоре он услышал позади лошадиный топот, сначала отдаленный, но который становился все ближе и ближе и наконец стал отчетливо слышен. Курумила радостно усмехнулся; его хитрость удалась. Он еще сильнее погнал лошадей. Пришпорив своего коня острыми деревянными шпорами, он воткнул на всем скаку копые в землю и, ухватившись за него, быстро приподнялся на руках и плавно опустил на ноги, между тем обе лошади, предоставленные самим себе, продолжали нестись во всю мочь. Курумила как змей пополз в кусты, чтоб подползти к донье Розарио, надеясь, что погоня, обманутая ложными следами, только тогда узнает свою ошибку, когда будет уже поздно.

Ульмен ошибался. Антинагуэль разослал своих мозотонов по всем направлениям для поимки беглецов, но сам остался в тольдерии. Он был слишком опытный воин, чтобы попасться на явную уловку. Посланные им возвращались один за другим — они ничего не нашли. Последние привели двух коней.

Это были лошади, пущенные Курумилой.

Токи тотчас же приказал возобновить преследование и сам повел своих людей. На этот раз они не обманулись и направились в ту сторону, куда скрылись беглецы.

Между тем Курумила подполз к донье Розарио.

— Ну? — спросила та прерывающимся голосом.

— Через несколько минут нас схватят, — печально отвечал предводитель.

— Как? И нет никакой надежды?

— Никакой! Их пятьдесят человек, мы окружены со всех сторон.

— Чем я прогрешила пред Тобою, о Господи, что ты меня так жестоко наказываешь? — вскричала в отчаянии донья Розарио.

Курумила без движения лег на землю. Он снял оружие, которое носил на поясе, положил его около себя и со стоическим равнодушием индейца, знающего, что ему не миновать беды, спокойно ожидал, сложив руки на груди, когда придут враги, от которых, несмотря на все усилия, он не мог спасти бедную девушку. Уже слышался вдали топот лошадей, которые приближались все ближе и ближе. Еще четверть часа, и настанет развязка.

— Пусть моя сестра приготовится, — холодно сказал Курумила, — Антинауэль близко.

Бедная девушка вздрогнула от этих слов. Курумила с сожалением поглядел на нее.

— Несчастный! — сказала она. — Зачем вы хотели спасти меня?

— Девушка с небесно-голубыми глазами друг моих бледнолицых братьев. Я отдаю свою жизнь за нее.

Донья Розарио подошла к ульмену.

— Вам незачем умирать, предводитель, — сказала она своим мягким, звучным голосом, — я не хочу этого.

— Я не боюсь мучений. Моя сестра увидит, как умирает предводитель.

— Вы знаете, что индейцы редко убивают женщин, значит, моя жизнь вне опасности.

Курумила кивнул головой в знак подтверждения.

— А если вы останетесь со мною, вас убьют, — продолжала она.

— Да, — холодно отвечал он.

— Кто ж известит моих друзей о моей участи? Если вы умрете, то как они узнают, куда уведут меня враги? Как они освободят меня?

— Правда, тогда они не будут иметь возможности.

— Итак, вы должны остаться жить, предводитель, если не для себя, то для меня. Уходите же, слышите.

— Моя сестра желает этого?

— Я требую.

— Хорошо, — сказал индеец. — Я уйду. Пусть моя сестра не отчаивается. Мы скоро увидимся.

В эту минуту топот раздался с удвоенной силой — всадники были не больше чем в ста шагах. Курумила поднял свое оружие, заткнул его за пояс и, бросив одобрительный взгляд на донью Розарио, пополз в высокой траве и исчез. Девушка с минуту стояла в раздумье; затем смело подняла голову и, точно ободряя себя, прошептала:

— Что ж, пойдём!

И она вышла из кустов и стала на тропинке: Антинагуэль с своими мозотонами был не далее как в двадцати шагах.

— Я здесь, — твердо произнесла она. — Делайте со мною, что хотите.

Изумленные этой неожиданной храбростью, ее преследователи остолбенели. Этим смелая девушка спасла Курумилу.

Седьмая глава. ПРИГОТОВЛЕНИЯ

После ухода Валентина и Грантоиль Ланека дон Грегорио приложил все заботы, чтоб помочь своему другу. Сильная природа, на минуту побежденная страшным, сверх человеческих сил, ударом, помогла дону Тадео скоро оправиться. Открыв глаза, он безнадежно поглядел вокруг, потом, вспомнив все, что случилось сегодня, в порыве горя закрыл лицо руками. Так прошло несколько минут. Дон Грегорио, видя, что он больше не нужен, поспешил выйти, зная, что для его друга сейчас важнее всего спокойствие. Но дон Тадео не мог успокоиться, он понимал, что настало время действовать. Он встал, прошелся несколько раз по комнате и ударил в ладони. Дон Грегорио вошел. При его появлении дон Тадео стал снова, по-видимому, спокоен и холоден; следы горя исчезли на его лице, но оно было бледно, как мрамор.

— Что вы намерены делать с генералом Бустаменте? — спросил его дон Грегорио.

— Я оставляю его в Сант-Яго, — отвечал дон Тадео спокойным и сдержанным голосом. — Он заслуживает, чтоб его казнили, но я не хочу брать на себя такой ответственности. Уже и без того довольно пролита крови в этом междоусобии. Его надо отправить с генералом Корнехо и сенатором Сандиасом под сильным прикрытием, иначе его друзья воспользуются этим случаем, чтоб освободить его. Теперь пойдемте и навестим этого несчастного француза, который столь храбро защищал мою бедную дочь.

Они вышли. Дон Грегорио распорядился, чтобы графа Пребуа-Крансе перенесли в удобную комнату и позаботились о нем. Состояние его здоровья было удовлетворительно. Он и сам чувствовал, что ему лучше, но был очень слаб. Грантоиль Ланек не обманулся: раны были не глубоки. Слабость молодого человека зависела единственно от потери крови. Раны начали закрываться, и можно было надеяться, что через два-три дня они закроются совершенно.

Дон Тадео быстро подошел к нему и горячо пожал руку.

— Бог послал вас и вашего друга мне на помощь. Я знаю вас всего два месяца и стольким уже обязан вам, что, кажется, никогда не буду в состоянии отблагодарить вас.

При этих дружественных словах глаза молодого человека заблестели. Радостная улыбка показалась на его губах, и легкий румянец окрасил его

щеки.

— Вы слишком высоко цените мои ничтожные заслуги, дон Тадео, — сказал он. — Я охотно пожертвовал бы жизнью для того, чтобы сохранить вам дочь.

— Мы возвратим ее! — энергично отвечал дон Тадео.

В это время дверь отворилась, и вошедший пеон тихо сказал дону Тадео несколько слов.

— Пусть войдет! — вскричал тот с волнением и потом, обратясь к Луи, который с удивлением смотрел на него, сказал: — Мы услышим новости.

Вошел индеец. Это был тот самый Жоан, которого пощадил Курумила. Вся одежда его была запачкана грязью и изорвана колючими растениями. По всей видимости, ему приходилось пробираться по колючим кустам и скверной дороге. Он скромно поклонился всем присутствующим, сложил руки на груди и ждал вопроса.

— Мой брат из храброго племени Черных Змей? — спросил его дон Тадео.

Воин утвердительно кивнул головою. Дон Тадео знал индейцев. Ему было известно, что они говорят в случае только крайней необходимости, а потому этот немой ответ не удивил его.

— Как зовут моего брата? — спрашивал он дальше.

— Жоан, — отвечал он, гордо подымая голову. — В память одного бледнолицего воина, которого я убил в побеге.

— Хорошо! — отвечал дон Тадео с грустной улыбкой. — Мой брат знаменитый воин своего племени.

Жоан гордо улыбнулся.

— Мой брат, вероятно, пришел из тольдери. У него нелады с бледнолицыми. Верно, он пришел искать справедливости.

— Мой отец ошибается, — коротко отвечал индеец. — Жоан не родился гуилихом, он пуэльхский воин. Жоан никогда не обращается за помощью к другим: когда его обидят, он расправляется копьем.

Дон Грегорио и Луи с любопытством следили за этим разговором, из которого они ни слова не понимали, не догадывались, к чему клонит его дон Тадео.

— Пусть мой брат извинит меня, — сказал дон Тадео, — но, верно, он по какой-нибудь причине пришел ко мне?

— Да, есть причина, — отвечал индеец.

— Пусть мой брат скажет, в чем она.

— Я стану отвечать на вопросы моего отца, — сказал Жоан с

поклоном.

Арауканцы все таковы: по какому бы важному делу они ни были посланы, если б даже промедление стоило жизни человеку, они никогда не станут говорить яснее и не объявят прямо, зачем посланы, пока спрашивающему не удастся заставить их объяснить, в чем дело. В сущности, Жоан хотел рассказать все, что следует, он для этого и спешил. Но тем не менее слова выходили из его уст только по одному, и он словно жалел о всяком сказанном слове. Это может показаться неестественным и невероятным, но это решительно так. Мы сами не раз были свидетелями этому.

Дон Тадео знал, с кем имеет дело. Тайное предчувствие говорило ему, что индеец пришел с важной вестью. Поэтому он неумолимо продолжал спрашивать.

— Откуда пришел мой брат?

— Из тольдерии Сан-Мигуэль.

— Ему пришлось сделать немалый конец. Давно ли мой брат отправился в путь?

— Месяц исчез за вершинами высоких гор и Южный Крест¹⁴ заблестал над землею, когда Жоан пустился в дорогу, чтоб увидеть своего отца.

От Сан-Мигуэля до Вальдивии восемнадцать французских миль (около пятидесяти верст). Дон Тадео удивился быстроте его хода. Это еще более утверждало его во мнении, что индеец пришел с весьма важной вестью. Дон Тадео налил стакан и поднес его гонцу.

— Пусть мой брат выпьет это вино. Верно, по дороге у него пересохло в горле, оттого ему трудно говорить. Он выпьет, и язык у него поразвяжется.

Индеец усмехнулся, глазки его загорелись. Он взял стакан и залпом опорожнил его.

— Хорошо! — сказал он, поцелкивая язычком и ставя стакан на стол. — Мой отец гостеприимен, он истинный Великий Орел белых.

— Мой брат послан ульменом своего племени? — начал дон Тадео.

— Нет, — отвечал Жоан, — я послан Курумиллой.

— Курумиллой! — вскричали все трое, внезапно вздрогнув. Дон Тадео вздохнул, он попал наконец на истинный путь.

— Курумила мой пенни, — сказал он, — не случилось ли с ним чего худого?

— Вот его пончо и шляпа, — отвечал Жоан.

— Боже! — воскликнул Луи. — Он умер?

— Нет, — сказал индеец, — Курумила ульмен, он храбр и мудр. Жоан похитил молодую бледнолицую девушку с небесно-голубыми очами. Курумила мог убить Жоана, но не захотел этого, он предпочел приобрести друга.

Белые с напряжением слушали индейца. Несмотря на темноту его слов, они поняли, что Курумила напал на след похитителей.

— Курумила добр, — отвечал дон Тадео, — его сердце, и его душа не способна на злое и жестокое дело.

— Жоан был начальником похитителей белой девушка. Курумила обменялся с ним одеждой, — продолжал рассказывать индеец, — и он сказал Жоану: «Ступай, отыщи Великого Орла белых и скажи ему, что Курумила спасет девушку или сам погибнет». Жоан спешил, не отдыхая, хоть конец и не малый.

— Мой брат поступил как следует, — сказал дон Тадео, пожимая руку индейца, лицо которого засияло.

— Мой отец доволен? — сказал он. — Тем лучше.

Луи с трудом встал с кресла, на котором полулежал, и, тихо подойдя к дону Тадео, сказал дрожащим от волнения голосом:

— Мы должны спасти донью Розарио.

— Благодарю, — отвечал дон Тадео, — тысячу раз благодарю вас за ваше желание. Но вы слабы, ранены.

— Что за важность! — с жаром отвечал молодой человек. — Пусть я погибну, но даю вам слово, дон Тадео, я освобожу вашу дочь. Вы говорите, я слаб, нет, я чувствую силы, я могу держаться на лошади.

Дон Тадео уговорил его снова сесть и сказал:

— Друг мой, трое уже преследуют похитителей и стараются освободить ее. Зачем еще ехать нам? Мы можем помешать им. Как мне ни тяжело, я жду. Иль вы думаете, что это ожидание не тяжело моему сердцу? Я испытываю жестокие страдания. Я боюсь сойти с ума. Лишь подумаю о том, где теперь моя дочь, — голова идет кругом. О, так бы и полетел за нею. Но я боюсь, что этой горячностью поврежу ее спасению. И, проливая кровавые слезы, видите, я остаюсь в бездействии.

— Правда ваша, — грустно промолвил раненый. — Нужно подождать.

Дон Тадео обернулся к Жоану и спросил его:

— Мой брат остается?

— Я готов делать все, что прикажет мой отец, — отвечал Жоан.

— Могу ли я довериться моему брату?

— У Жоана одно сердце и одна жизнь: и то и другое принадлежит друзьям Курумилы. — Мой брат хорошо сказал. Я буду у него в долгу, пока

не отплачу благодарностью.

Индеец поклонился.

— Мой брат вернется с третьим солнцем¹⁵, чтоб провести нас к Курумиле.

— Жоан вернется с третьим солнцем.

Индеец с достоинством поклонился белым, обрадовавшись, что может отдохнуть несколько часов после усиленной ходьбы.

— Дон Грегорио, — сказал дон Тадео по уходе индейца, обращаясь к своему лейтенанту, — вы через три дня отправите генерала Бустаменте в Чили. Я поеду с вами до перекрестка, где начинается дорога в Сан-Мигуэль. Эти три дня, — сказал он, улыбаясь Луи, — необходимы, чтоб вам совершенно оправиться. Бог знает, каков будет наш путь, надобно, чтоб вы могли перенести всю тягость его.

Пока все это происходило в доме дона Тадео, Антинагуэль снова привез донью Розарио в прежнюю хижину и поручил ее надзору одного из своих мозотонов, которому наказал обращаться с нею почтительно. На обратном пути в деревню бедную девушку оставили силы, и она в обмороке упала с лошади и ударилась головою о камень. Мозотоны Антинагуэля подняли ее, крепко привязали к лошади и поехали вокруг нее. По приезде в деревню перевязали ей рану орегановыми листьями и уложили спать. Отдав необходимые приказания, Антинагуэль снова вскочил на коня и, сопровождаемый своими мозотонами, поскакал в арауканский стан, расположенный на границах Вальдивии.

У арауканцев правильно устроенное правительство, что особенно ясно обнаруживается во время войны. Известно, что во время покорения Перу и Мексики туземные обитатели этих стран обладали значительной степенью образованности, и только суровое иго непобедителей заставило их снова погрузиться во мрак варварства. Аукасы, эти краснокожие спартанцы, с тех пор должны были непрерывно драться за свою свободу— самую драгоценную для них вещь. Они оставили все прочие заботы, имея в виду только эту высокую цель. Вот отчего они остались на той степени просвещения; на какой застали их первые европейцы. Единственно, в чем они преуспели, это в военном искусстве, чтобы крепче противостоять испанцам, неустанно теснившим их.

Войско арауканцев, которое в один день может достигнуть двадцати тысяч, состоит из пехоты и конницы. Индейцы завели конницу потому, что видели, какие преимущества дала она испанцам в первых битвах с ними. С необыкновенной легкостью и проворством, столь свойственными индейским племенам, они привыкли к управлению конями и скоро

превзошли в наездничестве своих учителей. Они отбили несколько больших табунов лошадей, и уже в 1568 году, то есть через семнадцать лет после первой встречи с европейцами, в их войске было несколько конных отрядов. Токи *Кадегуаль*, прапращур Антинагуэля, первый в 1583 году дал правильное устройство коннице, легкость и проворство которой вскоре сделались опасными для испанцев. Пехота (*мануситалинко*) разделяется на полки и роты. Во всяком полку есть тысяцкий, и в каждой роте сотник. Устройство кавалерии подобное; число лошадей в отряде не постоянное и изменяется в зависимости от обстоятельств.

У всякого большого отряда есть знамя, украшенное звездой, гербом племени. Странно, что знамена есть даже у таких полудиких народов. У солдат, конечно, нет установленной формы. Все одеты, как обычно, но под одеждой у всех — кожаные латы, а на голове кожаный же шлем. Кожа для этого выделяется особым образом и обладает необыкновенной твердостью. Конница вооружена копьями, оканчивающимися железными остриями в несколько дюймов длины. Железо это выковывается самими арауканцами. Кроме того, есть у них еще короткие широкие мечи с треугольными клинками, вроде наших штыков. Во время оно у них были пращи и луки, теперь почти оставленные. Опыт научил индейцев, что лучше прибегать к холодному оружию, чтобы лишить врагов возможности владеть оружием огнестрельным. До сих пор этим храбрым воинам не удалось найти способ делать порох, несмотря на многочисленные опыты. Индейцы пользуются только захваченными ружьями и снарядами и научились так владеть ими, что не уступают лучшим солдатам.

Армия выступает под гром барабанов. Впереди идут разведчики, чтобы разузнать дорогу. Во время похода все войско — и конница, и пехота — на лошадях, что способствует быстроте передвижения. Перед битвой пехота спешивается и строится в ряды. Так как в этой стране всякий могущий носит оружие — воин, то никто не заботится о продовольствии, у всякого с собою съестные припасы. Припасы эти состоят из мешка поджаренной муки (*harina tostada*), привешенного к седельной луке. Таким образом, при войске нет обоза и передвижения его необычайно быстры. А так как индейцы могут долго бодрствовать, то часто застигают врагов врасплох.

Как все воинственные народы, аукасы прибегают ко всевозможным военным хитростям. Когда они останавливаются на ночь, то окружают стан широкими рвами, строят весьма искусные укрепления. Воины обязаны разводить перед своими палатками костры, число которых, когда войско многочисленно, просто ослепляет врагов и предохраняет арауканцев от

внезапного нападения. Кроме того, стан окружен тремя рядами часовых, которые при малейшей опасности стягиваются и таким образом дают всему войску время прийти в оборонительное положение.

Возвратимся к Антинагуэлю. Маленький отряд, во главе которого он ехал, быстро и бесшумно подвигался по дороге, ведущей от Сан-Мигуэля к долине, где стояло войско. На солнечном восходе он достиг долины. Антинагуэль и его спутники сделали всего несколько шагов по берегу реки, отделяющей провинцию Вальдивию от арауканской земли, как увидели, что навстречу им в высокой траве несется всадник. Этим всадником был Черный Олень, предводитель, которому Антинагуэль на время своего отсутствия поручил главное начальство над войском. Той приказал сопровождавшему его отряду остановиться и подождать его. Через пять минут Черный Олень искусно остановил свою лошадь подле токи.

— Мой отец возвратился к своим детям? — сказал он, наклоня голову, чтоб приветствовать своего предводителя.

— Да, — отвечал Антинагуэль.

— Мой отец доволен исходом своего предприятия?

— Я доволен.

— Тем лучше, что мой отец достигнул своей цели.

— А что делал мой сын во время моего отсутствия?

— Я исполнил приказания моего отца.

— Все?

— Все.

— Хорошо. Мой сын не знает ничего нового о бледнолицых?

— Кое-что.

— Именно?

— Сильный отряд чапловосов готов оставить Вальдивию, чтобы направиться в Сант-Яго. Они повезут генерала Бустаменте как пленника.

— А когда белые выйдут из Вальдивии?

— Они тронутся послезавтра, с восходом солнца. Антинагуэль подумал несколько минут и потом сказал:

— Вот что сделает мой сын. Через два часа он прикажет войску сняться и со всеми воинами, сколько успеет собрать, направится к *canondelrioseco*, где я его буду ожидать. Мой сын хорошо понял?

— Да, — отвечал Черный Олень, утвердительно кивая головою.

— Ладно. Мой сын опытный воин, он разумно исполнит мои приказания.

Черный Олень улыбнулся при этих словах своего предводителя,

который не очень-то был щедр на похвалу. Почтительно поклонившись, он ловко повернул лошадь и направился к стану. Антинагуэль вместо того, чтоб ехать по прежней дороге, повернул направо и направился к горам, сопровождаемый своими мазотонами.

Canondelrioseco — такое название носит проход по дороге из Вальдивии к Чили. Пятьсот человек могли защитить его против войска в двадцать раз сильнейшего. Здесь-то и решился засечь Антинагуэль, чтобы напасть на чилийское войско и освободить пленника. Антинагуэль, как мы уже говорили, надеялся, что освобожденный таким образом Бустаменте решится уступить Вальдивию с условием, что индейцы помогут ему вернуть потерянную власть. В этом узком проходе прапращур Антинагуэля Кадегуаль с восемью тысячами арауканских воинов уничтожил испанскую армию, в то время когда белые были уверены, что вот-вот окончательно покорят Арауканию. Через несколько часов небольшой отряд токи достиг *canondelrioseco*.

Восьмая глава. CANON DEL RIO SECO

Предсказание Трантоиль Ланека оправдалось: граф Пребуа-Крансе выздоравливал необыкновенно быстро. Желание ли поскорее пуститься на розыски пленницы, крепкое ли сложение помогло, только накануне назначенного отъезда он был совершенно здоров и объявил дону Тадео, что готов пуститься в путь, когда тому будет угодно. Итак, через пять дней после полученных ран молодой француз был снова на ногах. Такое быстрое выздоровление было обусловлено тем, что раны графа были скорей порезами и он ослабел только вследствие потери крови. Сейчас раны совершенно зарубцевались: помогли примочки и перевязки из листьев орегано, которые возобновлялись почти непрерывно. Однако по ряду признаков можно было судить, что молодой человек несколько храбрился, уверяя, что силы его окончательно восстановились.

Прошло уже три дня, как Валентин и Трантоиль Ланек, сопровождаемые Цезарем, отправились на поиски, а о них ни слуху ни духу, — это сильно беспокоило Луи. Точно так же не было ни малейшего известия о Курумиле. Сам дон Тадео начинал беспокоиться. Часто бедный отец стоял у окна, устремив взоры на арауканские горы, печально думая о том, каким страданиям подвергалась там его дочь.

Дон Грегорио, которому дон Тадео сдал начальство над войском, подталкиваемый Луи, спешил приготовить все к завтрашнему отъезду. Было около восьми часов, когда дон Грегорио, отдав приказания генералу Корнехо и сенатору Сандиасу, назначенным сопровождать в Сант-Яго дону Панчо Бустаменте, разговаривал с доном Тадео и графом, которые сидели в одной из зал. Они говорили, разумеется, о завтрашнем, столь интересовавшем их всех трех походе. Вдруг дверь внезапно отворилась, и вошел Курумила. Увидя его, собеседники вскрикнули от радости и удивления.

— Наконец-то! — сразу вскричали Луи и дон Тадео.

— Да, — печально отвечал ульмен.

Казалось, бедный индеец изнемогал от усталости и голода. Его усадили и подали кое-чего подкрепиться. Несмотря на индейское равнодушие и чувство достоинства, к которому предводители привыкают с детства, Курумила буквально набросился на поданное ему кушанье и пожирал его. Такое необычное поведение, противное арауканским обычаям, заставило призадуматься белых. Они поняли, что, вероятно,

предводитель слишком много перенес, если пренебрег преданиями своего народа. Насытившись, Курумила без всякого приглашения сам принялся рассказывать с мельчайшими подробностями обо всем, что случилось после его ухода, как он увел молодую девушку из плена и как через час снова принужден был согласиться на ее предложение отдаться самой в руки врагов.

Оставив донью Розарио, храбрый индеец удалился для того, чтобы не быть взятым в плен. Но, невидимый похитителями, он следил за ними и не потерял ни единого из их движения. Это было тем легче сделать, что они его не разыскивали. Дон Тадео и Луи благодарили его за эту правдивую и чистую привязанность.

— Я еще ничего не сделал, — сказал он, — все надо начинать сызнова, и теперь это труднее: они больше, чем прежде, держат ухо востро.

— Завтра, — с живостью отвечал дон Тадео, — мы станем их преследовать по пятам.

— Да, — отвечал предводитель, — я знаю, что вы хотите отправиться завтра.

Все трое с удивлением посмотрели друг на друга: они не понимали, как то, что они желали сохранить в тайне, несмотря на все предосторожности, стало известно индейцу. Курумила улыбнулся.

— Для аукасов нет тайны, — сказал он, — если они задумают узнать что-нибудь. Антинагуэль знает все, что здесь происходит.

— Но это невозможно! — вскричал дон Грегорио.

— Пусть мой брат слушает, — спокойно отвечал предводитель, — завтра, с восходом солнца, отряд в тысячу человек выйдет из Вальдивии, чтобы везти в Сант-Яго пленника, которого бледнолицые называют генералом Бустаменте. Так ли?

— Да, — отвечал дон Грегорио, — надо сознаться, что все, что вы говорите, совершенная правда. Но кто уведомил вас об этом? Вот что странно.

— Тот, от кого я узнал про это, — отвечал с улыбкой ульмен, — говорил не мне и не думал, что я услышу его слова.

— Пожалуйста, предводитель, объясните нам подробнее, — сказал дон Тадео. — Мы стоим, словно на горячих угольях, нам необходимо узнать, от кого враги наши получают известия о наших движениях.

— Я вам говорил, что следовал за отрядом Антинагуэля, и должен прибавить, что порою обгонял его. Третьего дня, при восходе солнца, токи достиг долины, на которой был праздник. Скользя как змей в высокой траве, я обогнал отряд на двадцать шагов. Черный Олень, как только

увидал великого токи аукасов, направился к нему, и так как я не сомневался, что эти люди обменяются новостями, которые нам пригодятся, то подполз как можно ближе, чтобы не потерять ни слова из их разговора, и таким образом, сами не подозревая того, они объявили мне свои намерения.

— Свои намерения? — с живостью спросил дон Трегорио. — Что ж они, нападут на нас?

— Антинагуэль хочет освободить генерала Бустаменте. Тот обещал возвратить индейцам Вальдивию, если они помогут ему возвратить прежнюю власть.

— О, — сказал дон Трегорио, — это легко сказать, но трудно сделать.

— Мой брат ошибается. Солдатам придется идти по *canondelrioseco*. Там-то и нападет Антинагуэль со своими мозотонами на бледнолицых.

— О, Господи! — вскричал дон Трегорио. — Что же делать?

— Солдат перебьют, — заметил дон Тадео. Курумила молчал.

— О, — сказал граф, — я знаю предводителя, он не такой человек, чтоб не найти средства выручить своих друзей, когда они в опасности.

— Увы! — возразил дон Тадео. — Этого несчастья нельзя избежать: нет другой дороги, кроме этого проклятого прохода. А так пятьсот храбрецов могут победить целую армию, даже разбить ее наголову.

— Тем не менее, — настойчиво продолжал молодой человек, — я повторяю, предводитель опытный воин, он что-нибудь да придумает. Я уверен, он найдет средство помочь нам.

Курумила улыбнулся французу, делая утвердительный знак.

— Я был уверен в этом, — сказал Луи, — говорите, говорите, предводитель. Вы ведь знаете, как нам избегнуть этого опасного прохода?

— Я не утверждаю этого, — отвечал ульмен, — но если мои бледнолицые братья предоставят мне свободу действий, то я позабочусь о том, чтобы разрушить намерения Антинагуэля и его сообщников, а может быть, заодно и освободить девушку с небесно-голубыми глазами.

— Говорите, говорите, предводитель, — с живостью вскричал граф, — объясните нам ваш план! Эти кавалеры совершенно полагаются на вас. Не правда ли, господа?

— Да, да, мы слушаем вас, предводитель, — сказал дон Тадео.

— Пусть мои братья хорошенько подумают: надо ли мне предоставлять полную волю распоряжаться экспедицией.

— Даю вам слово, ульмен, — сказал дон Трегорио, — что мы будем делать только то, что вы прикажете.

— Прекрасно, — сказал предводитель. — Пусть мои братья слушают.

И затем, не медля более, он поведал им свой план, одобренный всеми.

Дон Тадео и граф были особенно восхищены этим планом, они ожидали самого лучшего исхода дел. Переговорив обо всем, четыре собеседника решили лечь спать, тем более что настала ночь и надо было подготовиться к опасностям и> случайностям завтрашнего дня. Курумила, который несколько суток почти не спал, просто чуть не валился с ног от усталости. Один Луи, кажется, не чувствовал необходимости восстановить свои силы, послушать его, так надобно бы сейчас же отправиться в путь. Но благоразумие требовало, чтобы все отдохнули, но, несмотря на слова графа, собеседники простились и разошлись. Молодой человек, принужденный против воли согласиться с мнением людей более опытных, с неудовольствием пошел в свою спальню, надеясь, что завтра не даст своим друзьям проспать назначенный час. Он увел в свою комнату Курумилу в надежде потолковать с ним, но бедный ульмен так устал, что, повалившись на мат, служивший ему постелью, тотчас же захрапел. К чести Луи надо сказать, что он не сердился на предводителя; несмотря на свое молодое нетерпение, он понял, что от Курумилы зависит успех завтрашнего дня и что ему следует восстановить свои силы. Он вздохнул и предоставил ульмену полную волю храпеть сколько тому было угодно. Но сам заснуть не мог. Он взобрался на плоскую крышу дворца и стал смотреть на высокие горы, рисовавшиеся на горизонте, мечтая о том, как завтра он сам освободит донью Розарио из плена.

Нет ничего сладостнее и прекраснее южноамериканской ночи. Темно-голубое небо с бесчисленными звездами, между которыми ярко блестит Южный Крест, благоухание земли, освежаемой ветерком с моря, — все это располагает к мечтательности. Луи долго мечтал, глядя на горы и на небо. Когда же он стал спускаться в комнату, звезды погасали в небесной выси и горизонт начал слегка сереть. Начинался рассвет. Молодой человек быстро спустился по лестнице, чтоб разбудить других. Но те были уже готовы, хоть сейчас выезжать, и ждали только его.

Американские ландшафты грандиозны и величественны. Западноевропейец не может составить о них полного и правильного представления. Европейские леса пали под ударами дровосека, так что в самых безлюдных местах чувствуется присутствие этого царя творения. Столько поколений жило на земле старой Европы, столько государств, словно огнедышащие горы, поднимались и рассеивались в горах, так что можно сказать, что люди тут живут почти в условиях своих предков. Повсюду природа изменена рукою человека. Но в Америке десница Божия видна везде. И оттого всякий новоприбывший, любуясь девственной природой Нового Света, невольно проникается благоговением. В Новом

Свете нет неверующих, их там и быть не может. Это земля живой и простодушной веры. Повсюду творения Божьи свидетельствуют о величии Творца.

Чилийская и особенно арауканская земля одна из самых гористых и беспокойных местностей на земном шаре. В Чили более двадцати действующих огнедышащих гор, из которых некоторые, например Аутако, достигают огромной вышины. В этой стране землетрясения необыкновенно часты: года не проходит, чтоб не разрушило одного или нескольких городов. Приморская часть Араукании плоская, но и здесь равнина заметно волниста. Она постепенно подымается к Кордильерам, а в некоторых местах виднеются высокие холмы, почти горы.

В десяти милях от Сан-Мигуэля у бедного местечка de la Frontera, населенного несколькими десятками гуилихских пастухов на арауканской дороге, равнина резко подымается и упирается в величественную гранитную стену, вершина которой покрыта девственными еловыми и дубовыми лесами, «неведомыми лучам солнца». В этой стене словно прорублен проход не более пятнадцати шагов в ширину. Длина его около четырех с половиною верст. Он прихотливо извивается, так что, когда едешь, кажется, возвращаешься туда, где только что был. Обе стороны этого ущелья покрыты деревьями и кустами, которые расположены террасами. Таким образом, здесь сама природа устроила укрепление для защиты прохода. Дон Тадео верно определил неприступность этого места, сказав, что пятьсот храбрецов могут тут защититься против большого войска.

Это-то место и называется *elcanondelrioseco*, название довольно известное в Америке и означающее *дорогу по высохшему руслу*. Хотя склоны этого ущелья давно покрылись изумрудным ковром зелени, но и доселе ясно, что некогда тут протекала река или, по крайней мере, горный поток, по которому сбегала вода с высоких хребтов Анд. Поток этот, вероятно, при помощи землетрясения или как-нибудь иначе пробил себе дорогу к морю. Дно и теперь состоит из округленных и отполированных камней и больших блестящих обломков скал; самому неискушенному взгляду это дно доказывает, что тут некогда бежала река. Когда произошла метаморфоза? Откуда бежала вода и отчего после исчезла? Никто в стране не даст ответа на эти вопросы. С древнейших времен это русло служило дорогой, и вода никогда не показывалась здесь.

Солнце начинало всходить. Все еще было полупокрыто ночными тенями, которые быстро уменьшались, придавая предметам фантастический вид; окрестность постепенно освобождалась от густого

покрова тумана, и покров этот разрывался на острых выступах скал и вершинах деревьев. Глубокое молчание царило в проходе, казалось, вблизи нет ни души. Огромные стада лысоголовых андских стервятников медленно кружились в недостижимой высоте. Порой посреди кустарника, стоя на вершине, вигон выставляла свою умную голову, беспокойно нюхала воздух и исчезала. Если б человек мог подняться в эту минуту на высоту полета стервятников, то ему явилось бы странное и любопытное зрелище. С первого взгляда он понял бы, что эта обманчивая тишина ж это мнимое уединение таят страшную бурю.

Антинагуэль, согласно тому, что было сказано им Черному Оленю, направился к проходу, в котором собирался подстеречь испанцев. Токи, как опытный предводитель, расположил своих воинов по склонам обеих стен, на некоторой высоте от высохшего речного дна. К вечеру пришел Черный Олень с пятнадцатью сотнями воинов. Антинагуэль укрыл их направо и налево от дороги, так чтобы никого не было видно. Он приказал им сбрасывать с высот, которые они занимали, обломки скал на врагов, но ни в коем случае самим не спускаться и не вступать в рукопашный бой. Исполнение этих приказаний заняло довольно много времени. Около двух часов ночи воины встали по местам. Антинагуэль сам объехал стражу, дал ясные и точные приказания ульменам и воротился в собственный стан, который составлял передовой полк засады. Тут, завернувшись в свое пончо, он лег и закрыл глаза.

Испанцы выступили почти в четыре часа утра. Это был плотный отряд из пятисот человек, в центре которого ехал Бустаменте между двумя солдатами, получившими приказание стрелять в него при малейшем подозрительном движении. Впереди этого отряда шел другой, почти такой же численности, по виду состоявший из индейцев. Мы говорим по-видимому, потому что в сущности это были чилийцы. Но их арауканская одежда, вооружение, словом, все до лошадиных попон было так хорошо подделано, что даже на близком расстоянии вряд ли можно было узнать подмену. Эти мнимые индейцы шли под начальством Жоана, ехавшего впереди. Он с нарочито беззаботным видом глазел по сторонам, хотя в действительности внимательно всматривался в высокую траву, чтоб убедиться, что за ними никто не следит. Верст за двадцать пять от Вальдивии, на половине дороге к каньону, задний отряд остановился, между тем как тот, который возглавлял Жоан, продолжал путь. Так как мнимые индейцы ехали крупной рысью, то они быстро скрылись за извилинами дороги. Этого-то и ожидал задний отряд, ибо как только скрылся передний, он тотчас тронулся. Но продвигался медленно и,

кажется, стал вдвое осторожнее.

Четыре всадника отстали. Этими всадниками, оживленно разговаривающими между собой, были дон Тадео, дон Грегорио, Курумила и граф Луи.

— Итак, — сказал дон Грегорио, — вы не хотите никого взять с собою?

— Мы управимся вдвоем, — отвечал Курумила, указывая на француза.

— Отчего вы не хотите взять меня с собою? — спросил дон Тадео.

— Я не запрещаю вам ехать с нами, — отвечал предводитель, — но я думал, что вы хотите остаться с солдатами.

— Я хочу как можно скорее увидеть свою дочь.

— Ну, так поезжайте с нами. А вы, — прибавил он, обращаясь к дону Грегорио, — не вступайте в проход, пока не увидите огня на вершине *Коркорадо*¹⁶.

— Хорошо, теперь прощайте, счастливого пути.

— Счастливого пути!

И всадники разъехались, крепко пожав друг другу руки. Дон Грегорио рысью присоединился к отряду, между тем как дон Тадео и граф, вслед за Курумиллой, стали подыматься в гору. Около часу подымались они по крутому склону глубокой расщелины. Достигнув естественной площадки величиной в несколько аршин, Курумила остановился. Он сошел с лошади. Его спутники последовали его примеру.

— Расседаем лошадей, — предложил предводитель, — они нам теперь ни к чему. Недалеко отсюда я знаю местечко, где их можно оставить. Мы возьмем их на обратном пути, если мы только возвратимся, — прибавил он с двусмысленной улыбкой.

— Как, предводитель? — спросил Луи. — Неужели вы такого дурного мнения о нашем деле?

— Оаах! — сказал ульмен. — Мой брат молод, у него кровь чересчур горяча. Курумила старше и умудрен опытом.

— Спасибо, предводитель, — весело отвечал Луи, — нельзя вежливее назвать дураком своего друга.

Разговаривая, они продолжали подыматься, ведя лошадей в поводу. Это было вовсе не легкое дело, ибо на узкой тропинке лошади останавливались почти на каждом шагу, фыркали и в испуге прядали ушами. Наконец с великими затруднениями спутники достигли естественной пещеры, где могли оставить благородных животных. Они положили им побольше корму, затем вход в пещеру закрыли большими камнями, между которыми оставили узкие отверстия для воздуха и света.

Затем Курумила, обратясь к своим спутникам, скомандовал:

— В дорогу!

Положив ружья на плечи, они пошли дальше. От пещеры, где оставили лошадей, не было пробитой тропинки. Пришлось подыматься, держась за корни, ветви деревьев, дерн, употребив всю силу и ловкость. Этот подъем не только был затруднителен, но и чрезвычайно опасен. Малейший неверный шаг, неуверенное или неловкое положение тела, худо рассчитанное движение, — и путники свалились бы в бездонную пропасть и разбились бы вдребезги. Они взбирались на отвесные кручи, ползли по крутым склонам, словно пресмыкающиеся, упираясь руками и ногами. Один лишь Курумила подымался с такою легкостью и быстротою, что его спутники не могли надивиться и в глубине души завидовали ему. Порой он оборачивался, чтобы ободрить их или подать руку. Так продолжалось около полутора часов. Наконец ульмен остановился.

— Здесь! — сказал он.

Все трое добрались до острой вершины горы, откуда открывался великолепный вид.

Девятая глава. БИТВА В ПРОХОДЕ

Достигнув площадки на вершине горы, дон Тадео и граф просто упали от изнеможения, Курумила дал им время, чтобы перевести дух, и, когда увидел, что они уже оправились от усталости, предложил осмотреться вокруг. Оба оглянулись. Открывшаяся картина поразила их. Внизу тянулось русло высохшей реки с своими огромными гранитными скалами и густой чащей кустов. Не было ни малейшего признака, что в ущелье есть хоть один человек. Казалось, там царило тихое и величественное уединение пустыни.

Немного влево курились два столба пыли, в которых виднелись черные и живые толпы. Это значило, что оба отряда продолжают свой путь на значительном расстоянии друг от друга. В синей дали горизонта виднелась темная полоса моря, сливавшегося с небосклоном.

— Боже! — вскричал восторженно Луи. — Как здесь чудесно!

Дон Тадео, привыкший с детства к подобным чудесам, рассеянно и равнодушно глядел вокруг. Его чело было задумчиво, его взгляд мутен и печален. Он думал о своей любимой дочери, которую предстояло освободить, с тоскою высчитывал, как скоро он увидит ее и сожмет в своих объятиях.

— Долго мы пробудем здесь? — спросил он.

— Сколько потребуется, — отвечал Курумила.

— Как вы называете это место? — с любопытством спросил граф.

— Бледнолицые называют его *Corcorado*¹⁷, — отвечал ульмен.

— Здесь-то вы зажжете условный костер?

— Да! Поспешим же сложить его.

Всё трое принялись собирать сухое дерево, которое валялось повсюду, и сложили на самой открытой площадке костер.

— Теперь, — сказал Курумила, — отдохните до моего прихода и главное не шевелитесь.

— Куда вы, предводитель? — спросил граф.

— Довершить наше дело.

И с этими словами он бросился по крутому спуску и почти мгновенно исчез между деревьями. Оба друга

сели подле костра и нетерпеливо ожидали возвращения предводителя.

Отряд под начальством Жоана между тем приближался к проходу, подражая всем движениям индейцев. Вскоре он был на ружейный выстрел

от каньона. Антинагуэль давно заметил его и следил за его продвижением. Несмотря на всю свою хитрость, он не подозревал, что тут есть какая-нибудь ловушка. Он был совершенно уверен, что испанцы не знают об устроенной им засаде. Кто мог уведомить их? Увидя впереди отряда Жоана, которого он узнал с первого взгляда, токи вполне успокоился. Он думал и не видел в этом ничего необычного, что эти индейцы запоздали, так как их тольдерия была на далеком расстоянии от арауканского стана и посланные им гонцы не успели уведомить их вовремя, и вот теперь они спешат присоединиться к своим. Черный Олень, с своей стороны, полагал, что, вероятно, Антинагуэль после их свидания послал за подкреплением. Таким образом, сложилось так, что обманулись оба предводителя.

Жоан смело подвигался вперед. Приблизившись к каньону, он, как было условлено заранее с испанцами, погнал лошадь, так что перед самым входом в ущелье опередил их шагов на шестьдесят. Нимало не медля, он въехал в проход. Едва он успел сделать несколько шагов, как из густых кустов легко спрыгнул вниз индеец и оказался как раз подле всадника. Этим индейцем был сам Антинагуэль.

— Мой сын запоздал, — сказал токи, подозрительно глядя на него.

— Пусть мой отец простит меня, — почтительно отвечал Жоан, — меня известили только ночью, и моя тольдерия далеко.

— Хорошо, — сказал предводитель, — я знаю, что мой сын разумен. Сколько копий с ним?

— Тысяча! — отвечал Жоан.

Читатель видит, что Жоан храбро удвоил число воинов, но так приказал ему Курумила.

— О, о! — радостно воскликнул токи. — С таким числом можно запоздать.

— Мой отец знает, что я предан ему, — лицемерно отвечал индеец.

— Я знаю это, мой сын храбрый воин. Видел ли он гуинков?

— Я видел их.

— Далеко ли они?

— Нет, они приближаются, меньше чем через час они будут здесь.

— Так нечего терять ни минуты. Мой сын станет в засаду по обе стороны прохода, близ того места, где сожжен кактус.

— Хорошо, я исполню это, пусть мой отец положится на меня.

В это время отряд мнимых индейцев достиг входа в ущелье и вошел смело в самый проход по примеру своего предводителя. Обстоятельства были самые критические. Малейшее замешательство со стороны испанцев открыло бы обман и погубило бы их всех.

— Пусть мой сын торопится, — сказал Антинагуэль и с этими словами скрылся в кустах.

Жоан и его отряд пустились рысью. За ними следили полторы тысячи человек, скрытых в зелени, которые при малейшем подозрении или неверном движении не оставили бы ни одного из них в живых. Требовалось необычайное благоразумие. Жоан, прежде чем спешить свой отряд и спрятать лошадей в излучке, образованной поворотом речного русла, разделил его на две группы, проделав это с величайшим спокойствием и самым непринужденным видом. Одно это могло изгладить малейший след и подозрения, если бы токи случайно возымел его. Через десять минут в проходе все было так же спокойно, как прежде. Жоан едва успел сделать несколько шагов в кустах, чтоб оглядеть занимаемое им место, как кто-то положил ему руку на плечо. Он оглянулся и вздрогнул. Перед ним стоял Курумила.

— Хорошо, — сказал он тихо, словно дунул чуть-чуть ветерок. — Мой сын верен, пусть он со своим отрядом следует за мною.

Жоан кивнул. С величайшею осторожностью и в совершенном молчании пятьсот человек стали подыматься по скалам. Курумила распределил их так, что они двойной линией окружили место, где стояли отборные воины Антинагуэля. Это окружение тем легче было выполнить, что у токи не было ни малейшего подозрения в том, что его могли обмануть. Поэтому он не обращал внимания на происходящее вокруг, но пристально следил за отрядом дона Грегорио, который показался вдали. Пятьсот человек из отряда Жоана, взобравшиеся по стене ущелья, были разделены на две части. Одна заняла позицию выше Черного Оленя, другая, отборная сотня, притаилась дальше, готовая при первой необходимости ударить на врагов сбоку.

Устроив все это, Курумила тотчас же оставил Жоана и поспешил к товарищам, ждавшим его на Горбе.

— Наконец-то! — воскликнули те, увидя его.

— Я начинал уже бояться, не случилось ли с вами какого-нибудь несчастья, предводитель, — сказал граф.

Курумила усмехнулся.

— Все готово, — сказал он, — и бледнолицые могут войти в ущелье.

— Думаете ли вы, что ваш план удался? — с беспокойством сказал дон Тадео.

— Надеюсь, — отвечал индеец. — Но один Пиллиан знает, что случится.

— Правда. Что ж теперь станем делать?

— Зажжем костер и в путь.

— Как? А наши друзья?

— Они не нуждаются в нас. Мы же пустимся на поиски молодой девушки.

— Дай Бог, чтоб нам удалось спасти ее!

— Пиллиан всемогущ, — отвечал Курумила, вынимая из-за пояса огниво и выбивая огонь.

— О, мы спасем ее! — вскричал Луи, полный одушевления.

Курумила зажег немного скрученных ниток, служивших ему трутом и сохранившихся в роге, сгреб ногами кучу сухих листьев, положил под них трут и стал раздувать его изо всех сил. Сухие листья, полусожженные солнцем, скоро вспыхнули. Курумила прибавил еще несколько и подложил сухих сучьев, которые почти тотчас же загорелись. Предводитель переложил тогда ветви на костер, и огонь, оживленный ветром, сильно дувшим на вершине, стал быстро распространяться, и скоро густой столб дыма поднялся к небу.

— Хорошо, — сказал Курумила своим спутникам, жадно глядевшим в долину, — они заметили сигнал, мы можем отправиться.

— Не медля ни минуты! — нетерпеливо воскликнул граф.

— Идем, — сказал дон Тадео.

И все трое скрылись в обширном девственном лесу, покрывавшем склоны горы, оставив позади себя этот дымящийся маяк, предвестник смерти и разрушения.

Дон Грегорио, боясь слишком вперед подвинуть войско, прежде чем увидит условный сигнал, велел остановиться в долине. Он видел всю опасность своего положения. Он знал, что ему придется выдержать сильную битву, но хотел, чтобы было сделано все для успеха, чтобы в случае, если ему придется пасть в битве, его честь и память о нем остались бы безупречными.

— Генерал, — сказал он, обращаясь к Корнехо, который вместе с сенатором был подле него, — вы храбрый, неустрашимый воин, я не скрою от вас, что наше положение опасно.

— О, о! — сказал генерал, шевеля усами и насмешливо взглянув на сенатора дона Рамона, который побледнел при этом неожиданном известии. — Объясните мне, дон Грегорио, в чем дело?

— Дело очень простое, — отвечал тот, — индейцы засели в ущелье.

— О, негодяи! Да они нас уничтожат, — сказал спокойно генерал.

— Это чертовская западня! — вскричал совершенно струсивший сенатор.

— Конечно, западня, — отвечал генерал, — кто ж в этом сомневается? Впрочем, — насмешливо прибавил он, — вы в этом сами скоро убедитесь и после расскажете мне, если только уцелеете, что весьма сомнительно.

— Но я вовсе не намерен лезть в этот капкан! — вскричал дон Рамон вне себя от страха. — Какой я, к черту, солдат! Я не хочу.

— Ба! Вы будете драться в качестве любителя, и это будет весьма любезно с вашей стороны, со стороны человека, к такому непривычному.

— Сеньор, — холодно сказал дон Грегорио сенатору, — тем хуже для вас. Если б вы спокойно сидели в Сант-Яго, то не попали бы в подобную передрагу.

— Совершенно справедливо, любезнейший друг мой, — с хохотом добавил генерал, — если вы трусливы, как заяц, то нечего было вам совать нос в военные дела.

Сенатор ни слова не отвечал: он дрожал от страха, считая себя уже мертвым.

— Могу я положиться на вас, генерал, что бы ни случилось? — спросил дон Грегорио.

— Я вам могу обещать только одно, — благородно отвечал старый солдат, — дорого продать свою жизнь и умереть без страха. А что касается этого труса, — прибавил он, указывая на дона Рамона, — вы увидите, я заставлю его совершить чудеса храбрости.

Сенатор, которому предстояло совершить эти чудеса, между тем обливался холодным потом. На вершине Горба вспыхнуло длинное пламя.

— Нечего медлить, кавалеры, — решительно вскричал дон Грегорио, — вперед! И да защитит Господь Чили!

— Вперед! — вскричал генерал, обнажая саблю. Войско двинулось в ущелье.

План арауканцев был весьма прост: дать войти испанцам в проход и затем сразу напасть на них спереди и с тылу, в то время как воины, спрятанные по сторонам, станут сталкивать на них огромные камни. Как только Антинагуэль увидел испанцев в ущелье, он издал громкий военный клич. Индейцы страшным воплем отвечали на крик своего предводителя. У бедного сенатора душа ушла в пятки. Часть индейцев храбро бросилась спереди и с тылу на испанцев в надежде загородить проход. Антинагуэль встал во весь рост и голосом и движениями ободрял своих воинов. Он велел сбросить огромный камень в середину врагов.

Вдруг град пуль с треском посыпался на его отряд, и вокруг того места, где стоял сам Антинагуэль, показались мрачные призраки мнимых

индейцев Жоана. Они храбро бросились вперед с криками: «Чили! Чили!»
— Измена! — завопил Антинагуэль. — Бей их, бей!

В ущелье и по обоим склонам гор завязалась страшная схватка. С час битва представляла собой совершенный хаос. Дым покрывал все. Стоял страшный шум, гам и свист. Все ущелье было наполнено сражающимися, которые нападали, отступали, снова бросались вперед, сшибались и откатывались назад с дикими криками отчаяния, боли, ненависти и победы. Одни заряжали и стреляли на всем скаку. Другие неслись, сами не ведая куда, посреди испуганных пехотинцев. Осколки скал, камни с шумом и треском летели сверху и давили без разбору своих и врагов. Индейцы и чилийцы падали с отвесной стены, разбиваясь вдребезги об острые выступы. Арауканцы не уступали ни шагу. Чилийцы не подвинулись ни на вершок. Все кипело и шумело, словно волны в бурю. Земля покраснела от крови. Люди, ожесточенные этой страшной борьбой, опьянели от злобы, стреляли и рубились с криками и воплями. Антинагуэль, как свирепый тигр, бросался в середину сражающихся, опрокидывая все на пути и воодушевляя своих воинов, растерявшихся при виде отчаянного сопротивления врагов. Чилийцы и индейцы были по очереди победителями и побежденными, поочередно нападали и защищались.

Битва была похожа на борьбу сказочных богатырей. Это не была правильная борьба, где ум и ловкость могут доставить победу меньшинству. Нет, это был огромный поединок, где каждый искал себе противника, чтоб вступить в рукопашный бой.

Антинагуэль пылал от бешенства, тщетно стараясь разорвать круг, который составили вокруг него враги. Круг этот с каждым мгновением все больше и больше сжимался, все больше и больше грозил ему смертью или пленом. Принужденный драться с солдатами, он был, казалось, при последнем издыхании. Испанские всадники стояли лицом к нему и спереди и с тылу и встречали страшными залпами нападавших на них индейцев. Наконец, Антинагуэлю удалось прорваться сквозь ряды окружавших его врагов, и он бросился вдоль по ущелью, сопровождаемый своими воинами, вращая своим тяжелым топором над головою. Черный Олень делал то же. Но сотня из отряда Жоана, оставленная в запасе, бросилась на них со страшными криками, рубя все по дороге и увеличивая смятение.

Дон Грегорио и генерал Корнехо совершали просто чудеса храбрости. Под ударами их сабель индейцы падали, как спелые плоды от удара шеста. Эта страшная бойня не могла продолжаться долго, убитые валялись повсюду, кони спотыкались о трупы, руки опускались от усталости.

— Вперед! Вперед! — кричал дон Грегорио громовым голосом.

— Чили! Чили! — Повторял генерал, повергая с каждым ударом врага на землю.

Дон Рамон, скорее мертвец, чем живой человек, кажется, обезумел при виде крови. Он дрался, как демон, вертел саблей, давил всех, кто попадался на пути, своим конем и кричал, словно бесноватый.

Между тем генерал Бустаменте, причина всей этой бойни, до сих пор оставался спокойным зрителем всего вокруг него происходившего. Вдруг он быстро вырвал саблю у одного из солдат, которым было поручено наблюдать за ним, и, пришпорив лошадь, пустился вперед со страшным криком:

— Сюда! Ко мне! На помощь!

На этот призыв арауканцы отвечали радостным криком и со всех сторон пустились к нему.

— О, о! — проговорил насмешливый голос. — Вы еще несвободны, дон Панчо.

Генерал Бустаменте обернулся и увидел перед собою генерала Корнехо, который перепрыгнул к нему через груды трупов. Они обменялись взглядом ненависти и бросились друг на друга с обнаженными саблями. Сшибка была ужасной: лошади пали, дон Панчо получил рану в голову, у генерала Корнехо рука была проколота саблей противника. Дон Панчо мигом вскочил на ноги. Генерал Корнехо также попытался подняться, но вдруг кто-то наступил ему на грудь. На него наскочил огромного роста индеец; не думая долго, он воткнул кинжал прямо в сердце раненого. Генерал Корнехо был убит.

Бустаменте между тем бросился вперед, как бешеный вепрь. Он выстрелил из пистолета в первого попавшегося чилийца, схватил его лошадь под уздцы, вскочил на нее и пустился, как вихрь. Несмотря на все старания, чилийцы не смогли нагнать его. Индейцы достигли своей цели: Бустаменте был освобожден. Однако испанцы все более и более напирали на них, страшно опустошая их ряды. Антинагуэль видел, что ему не победить; он подал знак, и индейцы под градом пуль с необыкновенною поспешностью стали взбираться на скалы.

Битва прекратилась; арауканцы исчезли; чилийцы стали считать своих. У них было убитых семьдесят человек и полтора десятка раненых. Несколько офицеров, в том числе генерал Корнехо, пали в сражении. Напрасно искали Жоана. Бесстрашный индеец исчез. Потеря арауканцев была еще значительнее; они оставили на месте триста трупов. Раненых индейцы увезли с собою, но, по всей вероятности, число их было довольно значительно.

Дон Грегорио был в отчаянии, что генерал Бустаменте бежал. Это бегство могло сделаться опасным для целой страны. Немедленно надо было принять строгие меры. Дону Грегорио бесполезно было отправляться в Сант-Яго, напротив, ему следовало воротиться в Вальдивию, чтобы успокоить эту провинцию, которая будет поражена паническим страхом при известии о бегстве генерала Бустаменте. С другой стороны, необходимо было известить правительство столицы, чтобы оно подготовилось к встрече врагов.

Дон Грегорио был в ужасном затруднении, он не знал, кого послать с этим поручением. Сенатор поспешил к нему на помощь. Этот достойный сеньор принял свою храбрость за настоящую и простодушно уверил самого себя, что он первый храбрец в Чили, а потому почитал своею обязанностью бросать вокруг грозные взгляды — чего нельзя было видеть, не лопнув со смеху. Больше чем когда-либо ему хотелось воротиться в Сант-Яго. Не потому, что он боялся. Чтобы он боялся? Напротив! Это невозможно! Нет, он сгорал от нетерпения похвастать перед своими друзьями и знакомыми своей великой храбростью и своими невероятными подвигами.

Как только он узнал, что войска возвратятся в Вальдивию, то предстал пред доном Грегорио с просьбою позволить ему поехать в столицу. Дон Грегорио был весьма этому рад и выслушал просьбу сенатора с одобрительной улыбкой. Он не только позволил сенатору отправиться, но и поручил ему известить столицу, во-первых, о победе над индейцами, где он, дон Рамон, покрыл себя неувядаемой славой, и, во-вторых, о бегстве генерала Бустаменте.

Дон Рамон с улыбкой самодовольства принял это поручение, столь для него лестное. Когда депеши дона Грегорио были готовы, сенатор в сопровождении пятидесяти копейщиков направился по дороге в Сант-Яго. Дон Грегорио, похоронив убитых солдат, воротился в Вальдивию, оставив тела индейцев в добычу стервятникам, которые уже со всех сторон слетались на поле битвы.

Десятая глава. ИНДИАНКА

Теперь мы возвратимся к двум лицам нашего рассказа, которых мы давно уже упустили из виду.

После разговора с доном Тадео Валентин, простясь с молодым графом, отправился в поиск в сопровождении Трантоиль Ланека и неразлучного своего спутника Цезаря.

...Оставляя Францию для Алжира, Валентин начертал себе план действий. Он посвятил свою жизнь священной цели и шел к ней до сих пор, не заботясь ни о прошедшем, ни о будущем. Будущность для него состояла в надежде после долгих трудов, если только арабы не подстрелят его, дослужиться до эполетов поручика или, пожалуй, капитана. Этим ограничивалось все его честолюбие, и ему даже казалось, что и этого слишком много. Ведь что он за важная птица? Ни больше, ни меньше, как парижский уличный мальчишка. Когда его молочный брат известил его о своем разорении и позвал в Париж, тут только Валентин в первый раз серьезно призадумался. На смертном одре полковник Пребуа-Крансе поручил ему своего сына. Валентин понял, что настало время сдержать клятву, данную старому графу, и он не замедлил поехать.

Хотя с раннего детства он потерял из виду молочного брата, который, благодаря своему положению и богатству, вращался в высшем парижском обществе и виделся с бедным солдатом только урывками, Валентин не переставал чувствовать нежной привязанности к молодому графу. Он понял, что этот юноша, привыкший полагаться только на деньги, погибнет, если он не поддержит его в минуту испытаний. Подобно многим молодым людям, выросшим в богатой семье, Луи не понимал ничего в жизни. Он думал, что все двери откроются перед его золотым ключом, и, когда ключ этот исчез, Луи впал в отчаяние.

Валентин, напротив, с раннего детства привык жить своим трудом и надеяться только на самого себя. Он чувствовал, что воспитание Луи никуда не годится, решил перевоспитать его по-своему и надеялся успеть в этом. Он желал, по его собственному выражению, сделать из Луи человека. С тех пор цель его жизни: жертвовать всем для счастья своего брата и, несмотря ни на что, сделать его счастливым. Имея эту мысль, он посоветовал Луи бросить прежнюю жизнь и оставить Францию. Мы знаем, что это ему удалось. Таков был этот, с виду веселый и беззаботный, Валентин. Как многие вышедшие из среды народа, он любил делать свое

дело молча и пренебрежительно отзывался о своих поступках, только бы не прослыть хвастуном.

...Утром того дня, когда происходила битва в *canondelnoseco*, Валентин и Грантоиль Ланек шли друг подле друга, сопровождаемые Цезарем. Они разговаривали между собою, пожевывая маисовый хлеб, смачивая его по временам водкой, которую Грантоиль Ланек нес в мехе, привязанном к поясу. День обещал

быть чудесным, небо было ярко-синего цвета, и лучи теплого осеннего солнца блестели в гранях камней, валявшихся на дороге. Тысячи птиц, скрытых в изумрудной зелени деревьев, весело щебетали. Вдали виднелись хижины, разбросанные в беспорядке направо и налево от дороги.

— Послушайте, предводитель, — сказал, смеясь, Валентин. — Вы меня просто приводите в отчаяние своей холодностью и равнодушием.

— Что хочет сказать мой брат? — возразил удивленный индеец.

— Боже мой! Да поглядите же вокруг. Что за чудный край! Что за дивная сторона! А вы смотрите на все это так же холодно, как те гранитные скалы, что на горизонте.

— Мой брат молод, — отвечал с тихой улыбкой Грантоиль Ланек, — а меня охладили годы.

— Но разве можно глядеть хладнокровно на эти чудеса? — спросил молодой человек.

— Пиллиан велик, — сказал глубокомысленно предводитель, — все это его создание.

— То есть, вы хотите сказать, Божье, — уточнил Валентин. — Но все равно, мысль у нас одна, и не станем спорить о словах. О, — прибавил он со вздохом сожаления, — на моей родине дорого бы заплатили, чтобы взглянуть только на то, чем я люблюсь целые дни.

— Разве на острове моего брата, — с любопытством спросил индеец, — нет таких гор и растений, как здесь?

— Я уже говорил вам, предводитель, что моя родина не остров, но такая же обширная страна, как эта. Благодаря Богу в ней довольно деревьев и других растений и есть горы, довольно большие, например Монмартр¹⁸.

— Гм, — сказал индеец, не понявший своего собеседника.

— Да, — продолжал Валентин, — у нас есть горы, но в сравнении с этими они простые холмы.

— Моя страна самая лучшая на свете, — с гордостью отвечал индеец. — Пиллиан создал ее для своих детей. Потому-то бледнолицые и хотят отнять ее у нас.

— Есть правда в ваших словах, предводитель. Я не стану спорить с

вами, это завело бы нас далеко, а у нас есть другие важные дела.

— Ладно, — снисходительно отвечал индеец, — все люди не могли родиться в моей стране.

— Правда, и вот почему я родился в другом месте.

Цезарь, который истинным философом шел подле двух Друзей, уплетая бросаемые ему куски, вдруг зарычал.

— Что с тобой, старина? — дружески спросил Валентин своего пса, лаская его. — Иль ты заметил что-нибудь подозрительное?

— Нет, — спокойно отвечал Трантоиль Ланек. — Мы подходим к тольдерии. Пес почуял аукаса вблизи.

В самом деле, едва он сказал это, как на повороте дороги показался индейский всадник. Он рысью приближался к нашим друзьям. Проезжая мимо, он приветствовал их священным *марри-марри* и поехал дальше.

— А знаете ли, предводитель, — сказал Валентин, отдавая поклон всаднику, — не худо ли мы делаем, что идем так открыто по дороге?

— Что ж из этого?

— Гм, мне кажется, что довольно есть людей, которые охотно помешали бы нашему делу.

— Кто знает про наше дело? Кто знает, кто мы таковы?

— Правда, никто.

— Так не лучше ли действовать открыто? Мы просто путешественники — вот и все. Если б мы были в пустыне, тогда другое дело. Но здесь, в этой полуиспанской тольдерии, излишняя осторожность может только повредить нам.

— Я сказал это просто так. Действуйте по-вашему усмотрению, вы лучше меня знаете, как следует поступать.

В продолжение всего этого разговора оба собеседника продолжали идти легким гимнастическим шагом,

обычным для хороших пешеходов, который, по знаменательному выражению солдат, *съедает дорогу*. Они сами почти не заметили, как дошли до деревни.

— Итак, мы в Сант-Мигуэле? — спросил Валентин.

— Да, — ответил его спутник.

— И вы думаете, что донья Розарио уже здесь нет? Индеец покачал головою.

— Ее здесь нет, — сказал он.

— Почему вы так думаете?

— Я не могу объяснить моему брату.

— Отчего?

— Так, я чувствую, что ее нет.

— Но все-таки у вас есть же какая-нибудь причина думать так?

— Пусть мой брат посмотрит.

— Ну? — сказал молодой человек, глядя во все стороны. — Я ничего не вижу.

— Вот почему я так думаю. В деревне все спокойно, гуилихские женщины на работе, воины на охоте, только старики остались дома. Если б пленница была здесь, то мой брат видел бы воинов, лошадей. Тогда бы в деревне было все живо, теперь же все мертво.

«Черт возьми, — подумал Валентин, — эти дикари претонкие штуки, они все видят, все знают, и мы, со всей нашей цивилизацией, перед ними просто дети».

— Предводитель, — сказал он громко, — вы мудрец. Скажите мне, пожалуйста, кто научил вас всем этим вещам?

Индеец остановился, величественным движением указал молодому человеку на горизонт и торжественно сказал:

— Брат, мой учитель — пустыня.

«Да, правда, — убежденно подумал француз, — только там человек видит лицом к лицу Бога. О, никогда мне не узнать того, что знает этот индеец!»

Они вошли в деревню. Слова Трантоиль Ланека оправдались: в ней не было ни души. По индейскому обычаю, двери были отворены, и путешественники, не входя в них, легко могли убедиться в отсутствии жителей. Только в некоторых они заметили больных, которые лежали на овечьих шкурах и жалобно стонали. Вдруг Цезарь с воем бросился вперед и, остановившись перед уединенно стоявшей хижинкой, стал грести лапами землю.

— В этой хижине, — сказал Трантоиль Ланек, — мы, может быть, кое-что узнаем о бледнолицей девушке.

— Так поспешим войти в нее! — нетерпеливо вскричал Валентин.

Оба бегом бросились к хижине. Цезарь не переставал выть. Когда Трантоиль Ланек и Валентин остановились у хижинки, на пороге показалась женщина.

Этой женщине казалось на вид около сорока лет, хотя в сущности было не больше двадцати пяти. Но жизнь, какую ведут индианки, тяжкие работы, исполняемые ими, быстро старят их. Выражение лица этой женщины было исполнено кротости и печальной задумчивости, она, казалось, была страдальцей. Ее одежда, из темно-синей шерстяной ткани, состояла из длинной, но узкой туники, отчего индианки могут делать только маленькие

шажки. На плечах была маленькая мантилька, называемая *ичелла*. Она скрещивалась на груди и была стянута серебряной пряжкой, поддерживавшей также пояс ее туники. Длинные черные, как вороново крыло, волосы, заплетенные в восемь кос, ниспадали на плечи и были украшены множеством лианка, или ложных изумрудов. У нее были ожерелья и браслеты из бус. На пальцах было множество серебряных колец, а в ушах — четырехугольные серебряные серьги. Все эти вещи делаются в Араукании самими же индейцами. В этой стране женщины весьма любят всякие украшения. Даже у самых бедных есть драгоценные вещи.

Как только эта женщина отворила дверь, Цезарь так быстро бросился в хижину, что чуть не опрокинул индианку. Она пошатнулась и должна была опереться о стену. Путешественники вежливо поклонились ей и извинились за грубость собаки, которая, несмотря на то что хозяин звал ее свистом, не хотела возвращаться.

— Я знаю, что так обеспокоило собаку, — тихо сказала женщина. — Мои братья — путешественники, пусть они войдут в эту бедную тольдо. Пусть они считают ее своей, их раба станет прислуживать им.

— Мы принимаем чистосердечное приглашение нашей сестры, — отвечал Трантоиль Ланек. — Солнце печет, а так как она позволяет, то мы отдохнем и освежимся немного.

— Мои братья — дорогие гости, они останутся под моей кровлей сколько им потребуется.

Сказав это, хозяйка отступила в сторону, чтоб дать пройти незнакомцам в хижину. Путешественники вошли. Цезарь растянулся посреди комнаты, уткнув морду в землю. Он нюхал и рыл лапами с глухим завыванием. Заметив своего хозяина, он подбежал к нему, помахивая хвостом, поласкался и тотчас же принял прежнее положение.

— Господи! — прошептал с беспокойством Валентин. — Что тут случилось?

Не говоря ни слова, Трантоиль Ланек поместился подле собаки, растянулся и стал внимательно рассматривать пол. Женщина, впустив их в хижину, оставила одних, чтобы приготовить им освежиться. Через минуту предводитель встал и молча сел подле Валентина. Тот, видя, что его товарищ не намерен говорить, спросил его:

— Ну, предводитель? Что нового?

— Ничего, — отвечал ульмен. — Это старые следы, им по меньшей мере четыре дня.

— О каких следах вы говорите?

— О следах крови, которые на полу.

— Крови? — вскричал молодой человек. — Как, вы думаете, что донья Розарио убита?

— Нет, — отвечал предводитель, — если эта кровь принадлежит ей, то она только ранена.

— Почему вы так предполагаете?

— Я не предполагаю, я уверен.

— Но доказательства?

— Ей делали перевязку.

— Перевязку! Это слишком, позвольте усомниться в этом. Как вы могли узнать, что раненной здесь особе, кто бы она ни была, делали перевязку?

— Мой брат слишком скор, он не хочет рассуждать.

— Гм, если б я рассуждал до завтра, то и тогда бы ничего не узнал.

— Может быть, пусть мой брат поглядит на это. Говоря это, предводитель открыл сжатую правую руку и показал, что было в ней.

— Ну! — вскричал Валентин. — Это сухой лист. Какого черта вы хотите, чтоб я узнал из него?

— Все, — отвечал индеец.

— В самом деле? Если вам удастся это, то я буду считать вас первым махи в целой Араукании. Объясните!

— Очень просто, — сказал предводитель, — это орегановый лист. Орегано — драгоценное средство, когда надо остановить кровь и залечить раны. Моему брату это известно. Вот следы крови, вот лист, он не мог зайти сюда сам, стало быть, кому-нибудь делали перевязку.

— Ясно, как на ладони! — сказал Валентин, удивленный разумностью объяснения и негодуя на свою недогадливость.

— Мой брат мало рассуждает.

— Правда ваша, предводитель, но со временем я приучусь.

В это время вошла женщина; она принесла два бычьих рога поджаренной муки. Путешественники, скудно закусившие поутру, с удовольствием принялись за угощение. Каждый съел по рогу муки и выпил по чашке хихи. Когда они кончили закусывать, индианка принесла им *мате*, род чаю, который они выпили с истинным удовольствием.

— Мои братья не желают ли чего еще? — спросила индианка.

— Моя сестра добра, — отвечал Трантоиль Ланек, — она поговорит с нами немного?

— Я сделаю все, что угодно моим братьям. Валентин, который уже несколько познакомился с арауканскими нравами, встал и, вынудив из

кармана два пиастра¹⁹, поднес их индианке, сказав:

— Моя сестра позволит мне подарить это ей на серьги?

При этом подарке глаза бедной женщины заблестели от радости.

— Благодарю моего брата, — сказала она. — Мой брат мурух, быть может, он родственник бледнолицей девушки, которая была здесь? Он хочет знать, что с ней случилось? Я расскажу ему.

Валентин внутренне подивился догадливости этой женщины, которая сразу поняла его мысли.

— Я не родственник ей, — сказал он, — но друг и принимаю в ней большое участие. Если моя сестра может рассказать о ней, то она осчастливит меня.

— Я расскажу моему брату все, что знаю.

И, склонив голову на грудь, она с минуту сидела задумчиво: припоминала. Путешественники ожидали с нетерпением. Наконец она подняла голову и, обращаясь к Валентину, начала:

— Несколько дней тому назад прибыл сюда отряд аукасов. Я больна, а потому вот уже около месяца не хожу работать в поле. Предводитель индейцев просил меня позволить ему переночевать в хижине. Нельзя отказать в гостеприимстве, и я сказала ему, что он у себя дома. Около полуночи в деревне послышался сильный топот. Несколько всадников приехали и привезли бледнолицую девушку с кротким взором. Я не знаю, каким образом это случилось, но пока Антинагуэль — он-то и был предводителем индейцев — говорил с одним из своих мозотонов, девушка бежала. Токи бросился со своими людьми на поиск, и скоро они снова вернулись с бледнолицей девушкой. Она была привязана к лошади, и голова у нее была поранена. Кровь сильно текла из ее головки, так что жалко было смотреть. Мозотоны сделали ей перевязку из орегановых листьев и весьма заботились о ней.

При этих словах Трантоиль Ланек и Валентин обменялись взглядом. Индианка продолжала:

— Скоро Антинагуэль уехал, оставив девушку в моей хижине со стражей из двенадцати мозотонов. Один из них сказал мне, что эта девушка принадлежит токи и что он хочет на ней жениться. Так как мне доверяли, то тот же мозотон рассказал, что девушку похитили по приказанию токи. Когда она оправится и будет в силах выносить дорогу, ее повезут далеко, на ту сторону гор, в землю пуэльхов, чтобы семья не могла найти ее.

— Ну? — спросил Валентин, видя, что индианка замолчала.

— Вчера, — продолжала она, — девушке стало гораздо лучше. Тогда мозотоны оседлали лошадей и поехали с нею в третьем часу дня.

— И молодая девушка, — спросил Трантоиль Ланек, — ничего не говорила моей сестре?

— Ничего, — печально сказала индианка. — Девушка плакала, не хотела ехать, но они насильно посадили ее на лошадь, угрожая привязать, если она не будет слушаться.

— Бедняжка! Они мучили ее, да? — спросил Валентин.

— Нет, они обходились с ней почтительно. Я сама слышала, как токи, уезжая, приказал обходиться с нею кротко.

— Итак, — спросил Трантоиль Ланек, — она уехала вчера?

— Вчера.

— В какую сторону?

— Мозотоны говорили между собою о племени Рыжего Стервятника, но не знаю, куда ли поехали они.

— Спасибо, — отвечал ульмен, — моя сестра добра. Пиллиан наградит ее. Она может удалиться; мужчины станут держать совет.

Индианка, ни слова не говоря, встала и вышла из хижины.

— Каковы теперь намерения моего брата? — спросил предводитель Валентина.

— Гм, мне кажется, наша дорога ясна — идти по следам похитителей, пока не удастся освободить пленницу.

— Хорошо, я думаю так же. Но вдвоем мы не сможем сделать этого.

— Правда. Что же нам остается?

— Побудем здесь до вечера. Курумила и, может быть, еще кто-нибудь из наших друзей присоединятся к нам.

— Вы уверены в этом, предводитель?

— Уверен.

— Итак, подождем до вечера.

Валентин, зная, что придется долго пробыть в деревне, улегся на полу, положил камень под голову и заснул. Цезарь растянулся у его ног. Трантоиль Ланек не спал. Куском веревки, который он отыскал в углу, принялся он намерять все отпечатки на полу, затем позвал индианку и, показав разные следы, спросил: может ли она указать ему след бледнолицей девушки?

— Вот этот, — отвечала та, указывая на самый маленький.

— Хорошо, — сказал Трантоиль Ланек, замечая его. Затем, старательно спрятав кусок веревки за пояс, он улегся на полу подле Валентина и скоро заснул.

Одиннадцатая глава. ВЕРШИНА СКАЛЫ

Курумила и его два спутника стали как можно быстрее спускаться с крутой вершины Горба. Если подъем был труден, то спуск был чуть ли не труднее. На каждом шагу путники останавливались то перед каким-нибудь скалистым обломком, подымавшимся прямо перед ними, то густые кусты загораживали им дорогу. Часто, когда они думали, что становятся на твердую почву, нога вдруг проваливалась и они с ужасом обнаруживали, что то, что они принимали за землю, просто сетка перепутавшихся растений, скрывающих глубокую трещину. Повсюду отвратительные гады попадались им под ноги. Порой они видели, как змея развивала свои страшные кольца под сухими листьями. Почва была усеяна остатками гниющих веществ. Им то приходилось ползти на коленях, то перескакивать с ветки на ветку, то с топором в руках пролагать себе дорогу. Этот мучительный и утомительный путь продолжался около двух часов. Им беспрестанно приходилось делать повороты и обходы. Наконец они достигли пещеры, где оставили лошадей.

Оба белых путника были буквально изнурены, особенно граф, воспитанный в аристократической семье и никогда не испытывавший своих сил в таких обстоятельствах. Его руки и ноги были покрыты водяными пузырями, лицо исцарапано. Необходимость идти поддерживала его до сих пор, но, добравшись до площадки, он упал, задыхаясь, и бессмысленно глядел вокруг, как человек, ослабевший вследствие продолжительного и сильного напряжения сил. Дон Тадео хотя был далеко не так утомлен, но и он дышал тяжело. Темные пятна выступили на его щеках, и пот градом катился по лицу, — все это показывало, что он чувствует сильную усталость. Курумила же был свеж, словно сидел все время на одном месте. Усталость, казалось, никак не сказывалась на его железном сложении.

— Моим братьям надобно отдохнуть, — сказал он, — мы помедлим здесь немного.

Ни дон Тадео, ни граф не произнесли ни слова. Они стыдились обнаружить свою слабость. Курумила удалился. Белые пролежали более получаса, не говоря ни слова.

— Отдохнули? — спросил предводитель, возвратясь.

— Еще несколько минут, — отвечал граф. Индеец покачал головою и сказал:

— Время не терпит.

Тогда он вынул из-за пояса небольшой ящик и подал его дону Тадео. Этот ящичек был разделен на четыре отделения: в первом помещались сухие листья белого цвета; во втором — негашеная известь; в третьем — куски камня величиною в крупный лесной орех и видом похожие на него; в четвертом — четыре небольшие лопаточки из железного дерева.

— О, — радостно вскричал дон Тадео, — *кока!*

— Да, — сказал индеец, — мой отец может отвесть.

Дон Тадео живо взял одну из лопаточек в руку, в другую сухой лист, посыпал на него негашеной извести, завернул камешек в этот листок и сделал таким образом пульку, которую положил в рот. Граф с величайшим любопытством следил за движениями дон Тадео. Когда он окончил, граф спросил:

— Что это такое?

— Кока, — отвечал дон Тадео.

— Прекрасно, но это еще ничего не объясняет.

— Мой друг, — сказал дон Тадео, — Америка благословенная страна, здесь все растет: подобно тому, как у нас есть парагвайская трава, заменяющая чай, у них есть кока, заменяющая бетель, — и я советую вам попробовать.

— Я попробую. Вероятно, это отличное лекарство, раз вы так обрадовались, увидев его.

— Судите сами, — отвечал дон Тадео, приготавливая вторую пилюлю. — Кока восстанавливает силы, прогоняет сон, голод и бодрит всего человека.

— Что ж для этого надо делать?

— Жевать коку, как моряки табак, а ламайцы бетель. — О, да это такое лекарство, что если оно даже вполонину такое благотворное, как вы говорите...

— Оно во всяком случае, не повредит вам, — улыбаясь, перебил дон Тадео, поднося графу приготовленную пилюлю.

Граф тотчас же принялся жевать. Курумила, заботливо уложив ящик за пояс, принялся седлать лошадей. Вдруг невдалеке послышалась сильная ружейная перестрелка, сопровождаемая страшными криками.

— Что это такое? — вскричал Луи, быстро вскакивая.

— Началась битва, — холодно отвечал Курумила.

— Что мы станем делать? — спросил дон Тадео.

— Скорей, на помощь нашим друзьям! — горячо вскричал молодой человек.

Дон Тадео вопросительно поглядел на ульмена.

— А молодая девушка? — спросил индеец.

— Наши товарищи отыщут ее, — отвечал он. — Здесь наши злейшие враги, надо всеми силами постараться отсечь им когти.

В это время крики удвоились, треск перестрелки сделался сильнее.

— Надо решиться, — живо продолжал молодой человек.

— Едем, — сказал дон Тадео. — Часом раньше или позже будет свободна моя дочь — не так уж важно.

— Итак, на коней! — сказал предводитель.

Все трое сели на коней. По мере того как они приближались, шум ожесточенной битвы, происходившей в ущелье, становился явственнее. Они могли различать военные клики чилийцев, смешивавшиеся с завываниями арауканцев. Порой пули попадали в деревья вокруг них. Если бы не густая листва, они видели бы битву. Не обращая внимания на различные препятствия, всадники неслись по краю стремнины, рискуя свалиться каждую минуту.

— Стой! — вдруг закричал ульмен.

Всадники остановили опененных лошадей. Курумила провел своих друзей к месту, которое господствовало над выходом из ущелья со стороны Сант-Яго. Это был род небольшой естественной крепости, состоявшей из лежавших друг на друге гранитных груд, — плод какого-нибудь земного переворота, может быть землетрясения. Эти скалы издали совершенно походили на башню. Высота их была около тридцати футов. Крепость эта стояла как раз у крутого склона горы, и взобраться на вершину ее можно было только с большим трудом, помогая себе руками. Находясь на вершине, можно было выдержать длительную осаду.

— Какая выгодная позиция! — заметил дон Тадео.

— Поспешим занять ее, — отвечал граф.

Они спешили. Курумила расседлал лошадей и загнал их в лес, будучи уверен, что умные животные не зайдут далеко вглубь и он в случае нужды легко отыщет их. Луи и дон Тадео полезли на скалу. Курумила хотел было последовать их примеру, как в кустах послышался шум, ветви зашевелились и показался человек. Ульмен встал за дерево и взвел курок. У человека, столь неосторожно подвигавшегося вперед, ружье было отброшено назад, в руках он держал шпагу, до рукоятки покрытую кровью, — знак, что он храбро дрался. Он бежал, оглядываясь на все стороны, не как беглец с поля битвы, а как человек, кого-то искавший. Курумила вскрикнул от изумления, вышел из своей засады и пошел вперед. Услыхав крик предводителя, индеец остановился. Выражение радости показалось на его лице.

— Я искал моего отца, — сказал он.

— Хорошо, — отвечал Курумила, — вот и я.

Шум битвы увеличивался более и более и, казалось, приближался.

— Пусть мой сын следует за мною, — сказал Курумила, — нам здесь оставаться нельзя.

Оба индейца стали взбираться на скалу, вершины которой уже достигли граф и дон Тадео. На вершине этой скалистой груды, имевшей около двадцати квадратных футов, на самом краю площадки было много камней, за которыми легко было укрыться. Оба белых были удивлены, увидав новоприбывшего, который был не кто иной, как Жоан. Но некогда было пускаться в объяснения, и все четверо поспешили устроить ограду из камней. Окончив эту работу, они стали отдыхать. Теперь их было четверо, решительных мужей, вооруженных ружьями и обеспеченных пулями и порохом. Съестных припасов также хватало. Словом, положение их было отличное. Они, по крайней мере, неделю могли держаться в случае осады против многочисленных врагов. Усевшись на камнях, они стали расспрашивать Жоана, тщательно следя за тем, что происходит в долине, где все было еще тихо и пусто, хотя крики и выстрелы продолжались. Не будем приводить всего рассказа Жоана, ибо читатели знают уже, как происходила битва. Начнем с того места, когда Жоан оставил поле сражения.

— Когда я увидел, — сказал он, — что пленнику удалось бежать, несмотря на все усилия чилийцев, я подумал, что вам, может быть, будет полезно узнать это я постарался пробраться между сражающимися, бросился в лес и пустился в поиски. Я уже отчаялся найти вас, как вдруг случай помог.

— Как? — вскричал изумленный дон Тадео. — Как? Ему удалось бежать? О, Боже, теперь все погибло!

Крики удвоились, раздалась оглушительная перестрелка, и толпа индейцев с воем выбежала из ущелья. Одни пустились куда глаза глядят, другие отбивались от врагов, еще невидимых. Курумила и его товарищи встали в засаде, держа ружья наготове. Число беглецов увеличивалось с каждым мгновением. Равнина, до того спокойная, оживилась. Одни неслись, как безумные, другие собирались в небольшие кучки и возвращались к месту сражения. Время от времени одни падали, чтобы никогда уж не встать, другие, раненные, падали, с невыразимыми усилиями снова подымались и продолжали бегство. Показалось несколько чилийских всадников. Они гнали арауканцев, но те еще кое-как держались. В нескольких десятках метров от чилийского отряда на вороной лошади

несся, как стрела, всадник. Он все больше и больше убегал от солдат, которые наконец отказались от преследования и воротились в ущелье.

— Это он! Он! — задыхаясь, вскричал дон Тадео. — Это Бустаменте!

— Дуло моего ружья смотрит прямо на него, — холодно сказал граф, спуская курок.

Одновременно выстрелил Курумила, два выстрела раздались сразу. Лошадь вдруг споткнулась, встала на дыбы, начала бить передними ногами в воздухе, потом пошатнулась и грохнулась, увлекая в своем падении всадника.

— Убит? — с замиранием спросил дон Тадео.

— Еще бы! — отвечал Луи.

— Лишняя пуля не повредит, — рассудительно заметил Жоан и тоже выстрелил.

Индейцы, испуганные этим внезапным нападением, удвоили скорость и пустились, как стая испуганных ворон, не думая драться и заботясь только о жизни.

— Вниз! Скорее вниз! — вскричал граф, быстро вставая. — Воспользуемся страхом арауканцев и прикончим генерала, если он только ранен.

— Рано еще! — флегматично сказал Курумила, останавливая его. — Бой будет не равен. Пусть мой брат посмотрит.

В самом деле толпа индейцев показалась из ущелья. Но эти не бежали. Напротив, плотной массой отступали они, не как презренные трусы, но как воины, гордо оставляющие поле сражения, единственно потому, что не могут дольше держаться. Отступление поддерживал задний отряд, составленный из сотни отборных воинов. Два предводителя, верхом на горячих скакунах, скакали от одного отряда к другому, распорядясь отступлением. Неприятеля еще не было видно.

Вдруг раздался страшный свист выстрелов и показались чилийцы, стреляя почти в упор. Индейцы не дрогнули и бросились на них с копьями. Большая часть беглецов, рассеянных по равнине, примкнула к своим храбрым товарищам. Белые замешкались на несколько минут. Дон Тадео с товарищами увидел, что пора действовать. Со скалы раздался залп, и вершина ее покрылась облаком дыма. Оба индейские предводителя упали вместе с конями. Индейцы страшно вскрикнули и бросились с копьями вперед, чтоб защитить своих предводителей, которых чуть было не захватили чилийцы. С быстротою молнии выскочили Антинауэль и Черный Олень (ибо это были они) из-под убитых коней, потрясая оружием и издавая военный клич. Оба были ранены. Чилийцы, выбив неприятеля из

ущелья, укрылись под камни, среди кустов. Арауканцы продолжали отступать. Равнина, над которой царила скалистая башня, где засели наши друзья, была не больше мили длиною. Она вскоре суживалась, и отсюда начинался девственный лес, продолжаясь в горах. Арауканцы шли плотной массой, подбирая раненых. Они миновали равнину и скрылись в лесу. Остались только трупы людей и лошадей, подстреленных Луи и его товарищами. Генерал Бустаменте исчез — значит, он был только ранен. Стервятники с громким и пронзительным криком стали кружиться над опустевшей равниной.

— Ну, и нам пора в дорогу, — сказал, подымаясь, дон Тадео.

Курумила посмотрел на него с величайшим удивлением, но не сказал ни слова.

— Что вы так на меня смотрите, предводитель? — сказал дон Тадео. — Или вы не видите — долина пуста, арауканцы удалились. Мы можем безопасно продолжать путь.

— В самом деле, предводитель, — сказал граф, — чего мы медлим? Друзья ждут нас, нам нечего тут делать. Зачем нам сидеть тут?

Индеец указал рукою на лес.

— Там много невидимых глаз, — сказал он.

— Вы думаете, за нами следят? — спросил Луи.

— Да.

— Вы ошибаетесь, предводитель, — начал дон Тадео. — Они дрались отступая, чтоб обеспечить бегство Бустаменте, но теперь он с ними. Что ж им тут делать?

— Мой отец не знает, как воюют аукасы, — с великой гордостью отвечал Курумила. — Они никогда не оставляют врагов у себя в тылу, если есть возможность уничтожить их.

— Что ж это значит? — нетерпеливо спросил дон Тадео.

— То, что Антинагуэль ранен пулей, которая вылетела отсюда, и не уйдет, пока не отомстит.

— Этого быть не может. Наша скала неприступна. Или арауканцы орлы, что могут взлететь сюда?

— Воины рассудительны, — отвечал ульмен, — они подождут, пока у моих братьев выйдут съестные припасы и они вынуждены будут сдать.

Дон Тадео был поражен разумностью этого объяснения и не знал, что ответить.

— Однако нам все-таки нельзя оставаться здесь, — сказал молодой граф. — Предводитель прав, и мы через несколько дней попадем в когти этих бесов.

— Да, — сказал Курумила.

— Ну, это не очень-то устраивает нас, — продолжал граф. — Храбрость и смелость сумеют выйти из самого скверного положения.

— Мой брат знает средство? — спросил ульмен.

— Может быть. Не знаю только, хорошо ли оно. Через два часа настанет ночь. Когда совсем стемнеет и индейцы лягут спать, мы потихоньку выберемся отсюда.

— Индейцы не спят, — холодно сказал Курумила.

— О, черт возьми! — с энергией вскричал Луи, и глаза его заблестали. — Если так, мы пробьемся через их трупы!

Если бы Валентин был в эту минуту со своим молочным братом, как был бы он счастлив, видя эту проснувшуюся в нем решимость.

— Мне кажется, — сказал дон Тадео, — этот план может и удалиться. В полночь мы попробуем. Не удастся — мы сможем снова укрыться здесь.

— Хорошо, — отвечал Курумила, — я исполню желание моих братьев.

Жоан не принимал никакого участия в разговоре. Сидя на земле, опершись спиной о камень, он покуривал со всею невозмутимостью индейца. Арауканцы вообще таковы, когда минута действий прошла, они считают излишним утруждать свои умственные способности, пока снова не настанет в этом нужда. Они наслаждаются настоящим, нимало не заботясь о будущем, если только они не возглавляют какое-нибудь предприятие, успех или неуспех которого лежит на их ответственности. В таком случае они обыкновенно бодрствуют, все видят и ко всему готовы.

Со времени отъезда из Вальдивии всем четверым не удалось перекусить, и голод начал их мучить. Они решили воспользоваться временем, пока враги не нападают, чтобы утолить голод. Приготовления были невелики. Так как они не знали наверняка, известно ли их убежище индейцам, и так как выгоднее было оставить их на этот счет в неведении и даже заставить думать, что на скале никого уже нет, то огня не разводили. Обед, или ужин, состоял только из поджаренной муки (род толокна), разведенной водою. Кушанье неважное, но наши друзья нашли, что Оно удивительно вкусно. Мы сказали, что съестных припасов было у них довольно. В самом деле, если они будут скупы на еду, то хватит на две недели и больше. Но воды было всего шесть козьих мехов, не больше четырех с половиною ведер. Стало быть, им угрожала скорее жажда, чем голод.

Покончив с едой, они закурили сигары и, покуривая, поглядывали на равнину, с нетерпением ожидая, скоро ли стемнеет. Прошло более получаса, все было спокойно вокруг. Солнце быстро садилось, небо

темнело, вершины дальних гор оделись густым туманом. Словом, ночь была недалеко. Вдруг стервятники, большой стайей собравшиеся пожирать трупы, шумно взлетели с громкими криками.

— Ого! — сказал граф. — Что там такое? Стервятники недаром подняли тревогу.

— Мы скоро увидим, прав ли предводитель и окружены ли мы индейцами, — отвечал дон Тадео.

— Мой брат увидит, — сказал ульмен с хитрой улыбкой.

Отряд из пятидесяти чилийских копейщиков крупной рысью выехал из ущелья. Достигнув долины, он забрал немного влево и поехал по дороге в Сант-Яго. Дон Тадео и граф напрасно старались разузнать, что это за люди. Было уже довольно темно.

— Это бледнолицые, — сказал Курумила, сразу разглядев всадников своими зоркими очами.

Всадники продолжали свой путь. Они ехали, казалось, совершенно не заботясь об опасности. Это было легко заметить, потому что ружья были закинута за спину, длинные копья качались как попало, даже строй едва сохранялся. Это был отряд, сопровождавший дону Рамона Сандиаса. Они все более и более подвигались к кустам, росшим на опушке дремучего леса, в котором скоро бы скрылись. Вдруг страшный военный клич, повторенный эхом утесов, раздался вблизи, и туча арауканцев с яростью набросилась на них со всех сторон. Испанцы, застигнутые врасплох, не устояли, они бросились во все стороны. Индейцы неутомимо преследовали их и скоро всех перебили или захватили в плен. Только один бедняга поскакал к скале, где засели наши друзья, которые с ужасом и едва переводя дух смотрели на эту резню. На их глазах индеец, гнавшийся за несчастным беглецом, ударом копья пронзил его насквозь. И затем, словно по какому волшебству, индейцы и чилийцы исчезли в лесу. Равнина снова затихла и опустела.

— Ну, — сказал Курумила, обращаясь к дону Тадео, — что скажет теперь мой отец? Ушли ли индейцы?

— Вы правы, предводитель, нельзя не сознаться. Увы! — прибавил он со вздохом, походившим на рыдание. — Кто спасет мою несчастную дочь?

— Послушайте, предводитель, — сказал граф, — мы глупо сделали, что засели в этой западне, надо во что бы то ни стало выйти отсюда. Если б Валентин был здесь, он придумал бы, как спастись. Скажите мне, где он, я пойду и приведу его сюда.

— Это было бы отлично, — сказал дон Тадео, — но не вам, а мне следует исполнить это.

— Да, — сказал Курумила, — мои бледнолицые братья правы, необходимо, чтобы Трантоиль Ланек и мой златокудрый брат соединились с нами. Надо их отыскать, и их отыщет — Жоан.

— Я знаю гору, — сказал тот, вступая в разговор. — Бледнолицые не знают индейских хитростей, они слепы ночью, они заплутаются и попадут впросак. Жоан ползает, как змея, у него чутье охотничьей собаки, он найдет. Антинагуэль настоящий кролик, вор Черных Змей, Жоан убьет его.

Не говоря больше ни слова, индеец снял свое пончо, свернув, обвязался им, как поясом, и приготовился отправиться. Курумила отрезал ножом кусок кисти от своего пончо и подал Жоану, говоря:

— Мой сын отдаст это Трантоиль Ланеку, чтоб тот узнал, от кого он прислан, и расскажет ульмену, что здесь случилось.

— Хорошо, — сказал Жоан, укладывая кусок за пояс. — Где я найду ульмена?

— Он ждет нас в тольдории Сан-Мигуэль.

— Жоан отправится, — с благородством сказал индеец. — Если он не сделает дела, значит, он убит.

Остальные горячо пожали ему руку. Индеец поклонился им и стал спускаться. При отблесках зари они увидели, как он достиг подножия горы, откуда он попрощался с ними движением руки и исчез в высокой траве. Едва он успел скрыться, как в том направлении раздался выстрел и почти вслед за ним другой. Оставшиеся вздрогнули.

— Он погиб, — с отчаянием сказал граф.

— Может быть, — колеблясь, отвечал Курумила. — Жоан разумный воин, но теперь мои братья ясно видят, что мы окружены со всех сторон.

— Правда, — сказал дон Тадео, опуская голову на руки.

Двенадцатая глава. ПЕРЕГОВОРЫ

Темнота вскоре покрыла все. Была густая мгла. Тучи медленно таяли по небу и закрывали бледный месяц. Мертвое молчание воцарилось в природе. Только порой зарычит вдали дикий зверь, да ветер прошумит между деревьями. Напрасно наши три друга напрягали зрение; повсюду была непроглядная тьма. Изредка какой-то шум достигал площадки и еще более увеличивал их беспокойство. Чтоб избежать внезапного нападения, никто и не думал ложиться спать.

Дон Тадео еще днем заметил, что хотя скала, где они засели, и высока, но гора, у подошвы которой она возвышалась, еще выше. И если искусные стрелки взберутся на гору, то перестреляют их совершенно спокойно. Теперь он передал это замечание своим товарищам, и те нашли, что оно вполне справедливо. Со стороны долины они были хорошо защищены, взобраться отсюда на скалу было невозможно, и они могли из-за камней стрелять в нападающих. Но другое дело со стороны горы. Надо было укрепиться и тут. Они воспользовались тьмою и, наложив камни один на другой, устроили стену в восемь футов высотой. Далее, так как в этой земле весьма сильные росы, то при помощи копий Курумилы и Жоана, которое тот не взял с собою, они устроили род палатки из двух связанных пончо. Сюда они спрятали снаряжение и попоны. Таким образом, они не только были защищены с двух сторон от неприятеля, но еще устроили себе убежище от ночного холода и дневного зноя — весьма полезное, если им придется пробыть долго на скале. В палатке можно было также сохранять порох и съестные припасы, и им не повредит ни сырость, ни жара. Эти работы заняли большую часть ночи. Около трех часов, когда начало чуть-чуть светлеть и небо на востоке стало белесоватым — признак, что скоро солнце взойдет, Курумила подошел к своим товарищам, которые тщетно боролись со сном и усталостью.

— Пусть мои братья соснут часа два, — сказал он. — Курумила станет сторожить.

— Но вы, предводитель, — возразил дон Тадео, — вы также нуждаетесь в отдыхе.

— Курумила — предводитель, — отвечал ульмен, — когда он на тропе войны, он не спит.

Белые слишком хорошо знали своего друга, чтоб противиться его решению. В глубине души они были очень довольны, что смогут

отдохнуть, а потому тотчас улеглись и заснули.

Когда Курумила удостоверился, что его товарищи крепко заснули, он потихоньку сполз со скалы и притаился у ее подножия. Мы уже говорили, что гора была покрыта густой и высокой травой. В некоторых местах посреди этой сожженной летним солнцем травы росли смолистые кустарники. Курумила пополз в гору и, достигнув одной такой купы кустов, спрятался в ней и стал прислушиваться. Все было тихо. Все спало или казалось, что спит, на равнине и на горе. Затем предводитель снял свое пончо, положил на землю, лег на него и завернулся. Потом вынул огниво и кремень из-за пояса и выбил огня. Ни одной искры не было видно во тьме, так плотно он завернулся в пончо. Добыв огня, он набрал в кустах сухих листьев, легко раздул огонь, затем быстро пополз назад и взобрался на скалу. Никто из бесчисленных часовых, вероятно стороживших наших друзей, не заметил, что делал предводитель. Его товарищи спали.

— Ну, — сказал он про себя с видимым удовольствием, — теперь нам нечего бояться, что стрелки взберутся на гору выше нашей скалы и станут стрелять в нас из-за кустов.

Он стал внимательно глядеть на то место, где зажег листья. Скоро красноватый отблеск прорезал тьму. Свет увеличивался все больше. И вот пламенный столб поднялся к небу, разбрасывая искры. Пламя быстро распространилось, и через несколько минут вся вершина горы была в огне. Раздался страшный крик, и при свете пожара видно было, как толпа индейцев бежала с тех мест, где стояла на страже; длинные тени их мелькали в дыму. Но не вся гора была покрыта кустами, а потому пожар не мог далеко распространиться. Тем не менее цель Курумилы была достигнута: кусты, за которыми могли скрыться стрелки, сгорели. При крике индейцев дон Тадео и Луи вскочили, думая, что начался приступ; они бросились к предводителю и увидели, что тот любуется пожаром, потирая руки и смеясь про себя.

— Кто это зажег кусты? — спросил дон Тадео.

— Я! — отвечал Курумила. — Поглядите, как улепетывают эти полуобгорелые разбойники.

Белые разделили радость предводителя.

— Дивное дело сделали вы, предводитель, — сказал граф. — Вы нас избавили от соседей, которые нельзя сказать, чтобы были нам по душе.

Скоро все кусты сгорели. Наши друзья поглядели на равнину. Они вскрикнули от удивления и досады. Солнце начало всходить, и на равнине ясно теперь был виден большой укрепленный стан индейцев, окруженный широким рвом и укрепленный по всем правилам арауканской

фортификации. В середине этого стана возвышалось большое число палаток, устроенных из бычьих шкур, натянутых на вкопанные в землю шести. Нашим друзьям предстояло выдержать правильную осаду. Хорошо, что Курумила сжег кусты.

— Гм, — заметил граф, — не знаю, как мы отсюда выберемся.

— Смотрите, — дон Тадео указал рукой на индейский стан, — они, кажется, хотят вступить в переговоры.

— Да, — подтвердил Курумила, прицеливаясь, — не выстрелить ли?

— Пойдите, предводитель, — поспешно вскричал дон Тадео, — узнаем сперва условия, может быть, можно будет принять их.

— Сомневаюсь, — отвечал граф, — но все-таки послушаем, что-то они скажут.

Курумила спокойно опустил ружье к ноге и оперся на него. Несколько человек вышли из стана, они были безоружны. Один из них вертел над головою флажком. Двое из них были одеты по-чилийски. Приблизясь почти к подножию естественной крепости, они остановились. Высота была значительная, так что голос еле-еле доходил до осажденных.

— Пусть один из вас сойдет, — кричал чей-то голос, в котором дон Тадео узнал голос генерала Бустаменте, — мы предложим вам условия!

Дон Тадео хотел отвечать, но граф быстро отстранил его.

— С ума вы сошли, любезный друг! — сказал он несколько резко. — Они не знают, кто здесь засел, да и ни к чему им это знать. Позвольте мне переговорить с ними.

И, встав на краю площадки, он закричал:

— Если кто-нибудь из нас сойдет вниз, то будет ли ему позволено воротиться к товарищам, если условия не будут приняты?

— Да, — отвечал генерал, — даю честное слово солдата, переговорщик вне опасности и может свободно возвратиться к товарищам.

Луи поглядел на дону Тадео.

— Ступайте, — сказал последний с благородством, — хотя он мой враг, но я сам положился бы на его слово.

Молодой человек снова обратился лицом к равнине и закричал:

— Я иду!

Сняв оружие, он ловко стал спрыгивать с уступа на уступ и через пять минут был лицом к лицу с неприятельскими предводителями. Их было, как мы уже заметили, четверо: Антинагуэль, Черный Олень, генерал Бустаменте и сенатор дон Рамон Сандиас. Один только сенатор не имел ран. Генерал и Антинагуэль были ранены в грудь и голову, у Черного Оленя правая рука висела на перевязи. Граф, подойдя к ним, вежливо поклонился

и, сложив руки на груди, ждал, пока те заговорят.

— Кавалер, — сказал ему дон Панчо Бустаменте с принужденной улыбкой, — здесь на солнце жарко. Как видите, я ранен, не угодно ли вам пойти за мною в стан? Не бойтесь.

— Сеньор, — надменно отвечал француз, — я ничего не боюсь, это доказывает мой приход сюда. Я пойду за вами, куда вам будет угодно.

— Милости просим, — отвечал тот, поклонившись. Все пятеро направились к стану и вошли в него, переходя по очереди по доске, положенной через ров.

— Гм, — пробормотал француз про себя, — наружность этих молодцов не совсем приличная. Не попасть бы мне в западню.

Генерал, который смотрел в это время на него, кажется, отгадал его мысли. Он остановил француза, когда тот ступал на доску, и сказал:

— Сеньор, если вы боитесь, вы можете воротиться. Молодой человек вздрогнул. Ему стало стыдно своих недавних мыслей и досадно, что генерал отгадал их.

— Генерал, — отвечал он, — вы дали мне честное слово, и мне нечего бояться. Проходите, сделайте милость, или позвольте мне пройти вперед.

— Благодарю за доверие, — сказал генерал, протягивая руку французам. — Клянусь, если вы останетесь недовольны переговорами, то это будет не моя вина.

— Благодарю, сеньор, — отвечал Луи, пожимая ему руку.

Индейцы между тем спокойно ожидали окончания этого разговора. Затем все пятеро молча пошли по стану и через несколько минут достигли палатки большей, чем прочие, при входе в которую пучок длинных копий, украшенных красными знаками, был всажен в землю — знак, что это палатка предводителя. Они вошли. Внутри не было никакой мебели, несколько бычьих черепов заменяли стулья. Все уселись на этих не совсем удобных сиденьях. Наконец генерал, подумав немного, посмотрел на графа и сказал ему довольно резко:

— Ну-с, сеньор, на каких условиях вы согласны сдать?

— Извините, сеньор, — отвечал молодой человек, — мы не согласны сдаваться ни на каких условиях. Вы, кажется, изволили забыть, что именно вы вызвали меня сюда и хотели предложить некоторые условия. Не угодно ли вам будет изложить их?

За этими словами последовало молчание. Дон Панчо Бустаменте был сам слишком храбр, чтоб не уважать этого качества в другом. Гордый и уверенный вид молодого человека понравился ему, и он сказал ему с поклоном:

— Ваше замечание совершенно справедливо, сеньор?..

— Граф де Пребуа-Крансе, — отвечал француз также с поклоном.

В Америке, этой стране равенства, дворянства не существует, по крайней мере, по мнению людей, там никогда не бывавших. Титулы там совершенно не известны. Но вряд ли есть другая страна, где столь прельстительно это дворянство и эти титулы. На графа или маркиза, путешествующих по Америке, жители смотрят как на людей высшей касты, чем прочие смертные. И сказанное нами относится не только к Южной Америке, где по установившемуся закону всякий кастилец — дворянин, а потомки испанцев имеют право на дворянство. Нет, в Соединенных Штатах особенно сильно это влияние титулов. Бессмертный Фенимор Купер раньше нас заметил это. Он рассказывает, какой эффект произвел один из героев его рассказа, который, бежав в Англию во время революции, вернулся оттуда с титулом баронета. Эффект был невероятный, и Купер простодушно прибавляет, что янки гордились этим.

Генерал и сенатор почтительно посмотрели на молодого человека, и дон Панчо, после небольшого молчания, сказал:

— Прежде всего позвольте, граф, спросить вас, как случилось, что вы находитесь между теми, кого мы осаждаем?

— По очень простой причине, сеньор, — отвечал граф с легкой улыбкой. — Я путешествую с несколькими друзьями и довольно большим числом слуг. Вчера мы услышали шум битвы. Я, понятно, захотел узнать, что такое случилось. В это время довольно много испанских солдат взобрались на скалу, где я сам искал убежища, вовсе не желая попасть в руки победителей, если таковыми окажутся арауканцы, — народ, как я слышал, свирепый, без законов и религии. Что ж сказать еще? Битва, начавшись в ущелье, продолжалась на равнине. Солдаты, увидев врагов, не удержались и выстрелили в них. Это было неблагоприятно — убежище наше открыли.

Генерал и сенатор отлично понимали, насколько этот рассказ правдив, но в качестве светских людей не показали виду, что сомневаются. Антинагуэль и Черный Олень поверили рассказу графа — и немудрено: он говорил так спокойно и уверенно.

— Итак, граф, — спросил генерал, — вы начальник гарнизона?

— Да, сеньор?..

— Генерал дон Панчо Бустаменте.

— Ах, извините, генерал, я не знал, с кем имею честь говорить, — поспешно сказал граф с видимым изумлением, хотя прекрасно знал, кто перед ним.

Дон Панчо гордо улыбнулся.

— А велик ли ваш гарнизон? — продолжал он.

— Да, порядочный, — небрежно отвечал граф.

— Человек тридцать? — вкрадчиво спросил генерал.

— Да, около этого, — самоуверенно отвечал граф. Генерал встал.

— Как, граф, — вскричал он с притворным гневом, — и вы с тридцатью солдатами думаете защищаться против пятисот арауканских воинов?

— А почему же нет? — холодно отвечал молодой человек.

Он это сказал столь просто и твердо, что все присутствующие с удивлением поглядели на него.

— Но это безумие! — вскричал генерал.

— Или храбрость, — отвечал граф. — Бог мой! Я уверен, что все вы люди решительные и на моем месте поступили бы точно так же.

— Да, — сказал Антинагуэль, — мой брат мурух хорошо говорит. Он великий воин своего народа. Аукасы будут гордиться победой над ним.

Генерал нахмурил брови. Оборот разговора не понравился ему.

— Что ж, предводитель, — гордо сказал граф, — попробуйте. Но помните, что скала высока и мы решили умереть, но не сдаваться.

— Послушайте, граф, — начал генерал тоном соглашения, — все это просто недоразумение. Насколько мне известно, Чили в дружественных отношениях с Францией?

— Совершенно справедливо, — отвечал Луи.

— Мне кажется, нам легче договориться, чем вы думаете?

— Бог мой! Я уже вам говорил, и совершенно откровенно, что приехал в Америку путешествовать, а не драться. И если б я мог избежать случившегося вчера, то сделал бы это очень охотно.

— Итак, нам легко покончить все миром?

— Я буду очень рад.

— И я точно так же, а вы, предводитель? — прибавил генерал, обращаясь к Антинагуэлю.

— Хорошо. Пусть мой брат поступает, как знает. Все, что он сделает, будет хорошо.

— Отлично, — сказал генерал. — Вот мои условия: вы, граф, и все сопровождающие вас французы могут хоть сейчас спокойно отправиться дальше. Но чилийцы и аукасы, кто бы они ни были, находящиеся в вашем отряде, должны быть немедленно выданы.

Граф вспыхнул. На лбу у него показались красные пятна. Однако, сдержавшись, он встал и, вежливо раскланявшись со всеми, вышел из

палатки. Остальные четверо поглядели с удивлением друг на друга и потом все сразу быстро вышли вслед за ним. Граф спокойным шагом направился к скале. Генерал нагнал его в нескольких шагах от рва.

— Куда вы уходите, сеньор? — сказал он ему. — Отчего вы не удостоили нас ответом?

Молодой человек остановился.

— Сеньор, — резко отвечал он, — на такое предложение не может быть иного ответа.

— Мне, однако, казалось... — заметил дон Панчо.

— О, сеньор! Оставьте меня в покое и позвольте мне вернуться к своим. Знайте, что все признавшие меня своим руководителем до конца разделят со мною мою участь, а я точно так же — их. Было бы низостью, если бы я оставил кого-либо из них. Эти два аукаских предводителя, которые слышали нас, я уверен, люди с сердцем и понимают, что я должен прервать всякие сношения.

— Мой брат хорошо говорит, — сказал Антинагуэль, — но есть убитые воины. Пролитая кровь кричит о мщении.

— Я не намерен спорить, — отвечал молодой человек, — к тому же честь не велит мне оставаться дольше и выслушивать предложения, которых я не могу принять.

И, говоря это, граф продолжал идти. Таким образом, все пятеро незаметно очутились недалеко от скалы.

— Однако, сеньор, — отвечал генерал, — прежде, чем так решительно отвергать наши предложения, вы должны известить о них своих товарищей.

— Совершенно справедливо, — насмешливо отвечал граф.

Он вынул свою записную книжку, написал несколько слов, вырвал листок и сложил его вчетверо.

— Вы сейчас же получите ответ, — сказал он и, повернувшись к скале, сложил руки у рта, на манер переговорной трубы, и крикнул: — Бросьте лассо!

Немедленно в одну из бойниц этой крепости сбросили длинный ремень. Граф взял камень, завернул его в листок и привязал к концу лассо. Камень подняли. Молодой человек скрестил руки на груди и, обращаясь к окружающим, сказал:

— Сейчас получите ответ.

В это время среди аукасов возникло некоторое движение. Какой-то индеец подбежал к Антинагуэлю и шепнул ему на ухо несколько слов, видимо взволновавших его. Генерал и предводитель обменялись

многозначительными взглядами. Вдруг укрепления на скале раздвинулись, точно вследствие волшебства, и показалась площадка, покрытая чилийскими солдатами, вооруженными ружьями. Немного впереди стоял Валентин и подле него неразлучный Цезарь. Не было видно только дона Тадео и индейских предводителей. Валентин стоял, опершись на ружье. Граф не хотел верить своим глазам. Он не понимал, откуда на площадке столько солдат. Но ничем не обнаружил своего удивления и, спокойно обратившись к окружавшим его, сказал с насмешливой улыбкой:

— Видите, сеньоры, я был прав, ответ не замедлил.

— Граф, — вскричал Валентин громовым голосом, — от имени ваших товарищей я уполномочен сказать, что вы отлично сделали, отвергнув постыдные предложения наших неприятелей! Нас здесь полтораста человек, и мы решили скорей умереть, чем принять эти предложения.

Число «полтораста» произвело сильное впечатление на аукасских предводителей. Тем более что они получили известие, его-то и шепнул воин на ухо Антинагуэлю, что испанским пленникам с оружием и припасами удалось бежать и соединиться с осажденными. Граф, который столь надменно говорил от имени нескольких человек, составлявших гарнизон, теперь стал еще надменнее, когда счастье улыбнулось ему.

— Это решено и подписано! — кричал Валентин предводителям. — Видите, мои товарищи все того же мнения.

— Что станет делать мой брат? — спросил Антинагуэль.

— О, — отвечал Луи, — это и так ясно: я соединюсь с моими товарищами. Но вот что, господа: к чему нам напрасно проливать кровь? Договоримся так: вы со всеми своими воинами войдете в стан и дадите мне честное слово, что не выйдете из него прежде чем пройдет три часа. В это время я уйду со всем своим отрядом, захватив оружие и припасы. Я даю слово не спускаться в равнину. Через три часа вы можете идти куда вам угодно, но не станете преследовать меня во время отступления. Согласны ли вы на эти условия?

Антинагуэль, Черный Олень и генерал стали потихоньку совещаться. Генералу вовсе не хотелось терять времени на бесполезную, по его мнению, осаду. Надо было торопиться, чтобы противники не усилились еще больше.

— Мы принимаем ваши условия, — сказал Антинагуэль. — У моего бледнолицего брата великое сердце. Он и его мозотоны могут удалиться куда угодно.

— Хорошо, — отвечал граф, с чувством пожимая руку токи, — вы храбрый воин, и я от души благодарю вас. Но у меня есть еще к вам

просьба.

— Пусть мой брат говорит, и, если я смогу, я исполню его просьбу, — отвечал Антинагуэль.

— Дело вот в чем: вчера вечером вы захватили в плен нескольких испанцев — отпустите их со мною.

— Эти пленники свободны, — сказал токи с принужденной улыбкой. — Они соединились со своими братьями на скале.

Тут Луи понял, отчего гарнизон его так сильно увеличился.

— Мне остается только уйти, — отвечал он.

— Позвольте, позвольте! — вскричал сенатор, который воспользовался случаем, чтобы развязаться с генералом. — Я также был в числе пленников.

— Правда, — заметил дон Панчо, — что скажет мой брат?

— Ну, хорошо, — отвечал Антинагуэль, презрительно пожимая плечами, — пусть и этот человек уйдет.

Дон Рамон не заставил повторять этого позволения и поспешно подбежал к Луи. Молодой человек вежливо раскланялся с предводителями и весело полез на скалу, сопровождаемый доном Рамоном.

Тринадцатая глава. ГОНЕЦ

Теперь нам следует воротиться назад и рассказать, как Жоан исполнил свое поручение, а также еще кое-какие небезынтересные подробности.

Жоан был малый лет тридцати, не более, смелый, предприимчивый, не боящийся никаких опасностей, одаренный холодным и дальновидным умом. Прежде чем отправиться, он взвесил все возможности успеха и неуспеха возложенного на него поручения. Он понимал, что дело это — одно из самых трудных и только чудом он может избежать многочисленных капканов, расставленных врагами. Но эти трудности не только не заставили его отказаться от исполнения поручения, напротив, они возбуждали его. Он видел в этом случай посмеяться над Антинагуэлем, к которому с некоторого времени чувствовал ненависть — ведь по милости токи его едва не убили во время похищения доньи Розарио. С другой стороны, он считал долгом спасти Курумилу, столь великодушно пощадившего его жизнь.

Самое трудное было миновать часовых, которые, без сомнения, окружали скалу. Спустившись, он некоторое время просидел на корточках, размышляя, как бы пробраться. Скоро он, должно быть, нашел средство, потому что развернул свое лассо, сделал глухую петлю и привязал его конец к кусту. К кусту он крепко привязал свою шляпу и затем стал осторожно спускаться, помаленьку развертывая лассо. Когда он спустился на всю его длину, то стал дергать через небольшие промежутки за его конец, отчего куст зашевелился. Это движение куста почти тотчас заметили часовые, бросились в ту сторону и выстрелили по шляпе. А Жоан между тем пустился со всех ног, хохоча, как сумасшедший, воображая, какую рожу сделают часовые, когда увидят, что стреляли по шляпе.

От *canondelrioseco* до тольдерии Сан-Мигуэль не ближний конец. По дороге, или, вернее, по узенькой тропинке, по которой следуют путешественники, Жоану пришлось бы сделать пятнадцать лье. Но Жоан был индейцем и потому пошел по прямой линии, как летит орел. Молодой, с сильными икрами, он шел по горам и долам, не убавляя шагу. Спустившись со скалы в шесть часов вечера, он был в Сан-Мигуэле в три часа утра. За девять часов он преодолел более двенадцати лье (около тридцати пяти верст) — по такой дороге, где пройдут только индейцы да дикие козы.

Когда он вошел в деревню, еще было темно. Все спали, только собаки

брехали на ветер. Жоан был в затруднительном положении: он не знал, как найти тех, к кому послан. Вдруг двери одной хижины открылись, и из нее вышло два человека в сопровождении ньюфаундлендской собаки. Пес, как только заметил индейца, яростно набросился на него.

— Уймите вашу собаку, — сказал Жоан, становясь в оборонительное положение.

— Ici, Cesar! ici, monsieur²⁰, — позвал Валентин, ибо это был он, по-французски, и собака тотчас подбежала к своему господину.

Индеец не понял этого восклицания, но он догадался, что, верно, это француз, к которому его послали. Не думая долго, он громко спросил:

— *Марри-марри*, не вы ли, мурух, друг Курумилы?

— Курумила? — воскликнул Трантоиль Ланек. — Кто произнес это имя?

— Гонец от него! — отвечал Жоан. Предводитель посмотрел в его сторону, но было

так темно, что лица говорившего нельзя было разглядеть.

— Подойдите, — сказал он, — если вас послали к нам, то, верно, с каким-нибудь поручением?

— Так вы те, кого я ищу? — спросил Жоан, все еще не подходя.

— Да, но в хижине, при огне, мы лучше разглядим друг друга, чем здесь, где темно, как в кратере Аутуко.

— Правда, — сказал Валентин, — тут темно, хоть глаз выколи.

Все трое вошли в хижину, а следом за ними и Цезарь. Трантоиль Ланек тотчас добыл огня и зажег сосновую лучину.

— Хорошо, — сказал он Жоану, — я узнаю своего пенни. Он пришел от Курумилы?

Жоан почтительно поклонился, вынул из-за пояса кусок пончо, который Курумила дал ему в доказательство, что он послан им, и молча подал Трантоиль Ланеку.

— Кусок от пончо Курумилы! — тревожно вскричал Трантоиль Ланек. — Что скажет гонец несчастья: умер мой брат? Говори во имя Пиллиана! Скажи мне, кто убил его, чтоб Трантоиль Ланек мог из костей убийц наделать военных дудок!

— Вести, которые я принес, не хороши. И в то время, когда я оставил их, Курумила и его товарищи не были ранены.

Трантоиль Ланек и Валентин вздохнули с облегчением.

— Курумила, — продолжал Жоан, — отрезал кусок от своего пончо и передал его мне, сказав: «Ступай и найди моих братьев, покажи им этот кусок, тогда они тебе поверят. Ты расскажешь им, где мы теперь».

Жоан вышел, когда солнце стало заходить, и вот он здесь.

Затем, по знаку Трантоиль Ланека, Жоан рассказал все. Рассказ был длинный, и Валентин и ульмен выслушали его с вниманием. Вести были действительно худые. Положение осажденных скверное: невозможно, чтобы трое, как бы они ни были храбры, смогли долго сопротивляться такому множеству воинов. Помощь, которую они могли оказать друзьям, была ничтожна, да еще успеют ли они? Им оставалось или оставить друзей без помощи, или погибнуть вместе с ними. Положение самое отчаянное.

— С Богом! — сказал, вставая, Валентин. — Так как нам остается только умереть с друзьями, то поспешим к ним. Им будет легче умереть вместе с нами.

— Идем, — отвечали оба индейца. Они вышли. Выходило солнце.

— Ба! — воскликнул Валентин, ободренный свежим воздухом и первыми лучами солнца. — Мы выручим их! У меня есть надежда! Не печальтесь, предводитель, я уверен, что мы спасем их.

Ульмен печально покачал головою. В это время Жоан, незаметно удалившийся от своих товарищей, воротился с тремя оседланными лошадьми.

— На коней! — вскричал он. — Может быть, мы еще успеем.

Трантоиль Ланек и Валентин вскрикнули от радости и вскочили в седла. Они пустились как вихрь. Вскоре — часов около одиннадцати — они были в виду горы. Цезарь не отставал.

— Нам надо сойти с коней, — сказал Жоан. — Продолжать дорогу на лошадях — значит попасться в руки Антинагуэля.

Они спешили. Вокруг все было тихо. Все трое стали взбираться на гору. Через довольно долгое время они остановились, чтоб перевести дух и посоветоваться.

— Пойдите здесь, — сказал Жоан, — я пойду разведать. Мы наверняка окружены соглядатаями.

И он удалился. Трантоиль Ланек и Валентин легли на землю. Вместо того чтобы дальше подыматься в гору, индеец, который рассчитал, что они почти на высоте скалы, забрал в сторону и скоро исчез за утесами. Прошел час, а он все еще не вернулся. Его друзья не знали, что подумать. Уж не попался ли он в плен? Они хотели уже отправиться дальше, как увидели, что Жоан бежит, нимало не думая прятаться. Когда он подошел, Валентин спросил:

— Что случилось? Чему вы так обрадовались?

— Курумила — мудрый предводитель, — сказал Жоан. — Он сжег кусты на горе за скалою.

— Что ж нам с того?

— Воины Антинагуэля сидели в засаде за кустами, теперь они поневоле должны были уйти. Дорога свободна, мы можем соединиться с друзьями.

— Так скорее идем! — вскричал Валентин.

— А Курумила? — спросил Трантоиль Ланек. — Как мы его известим о нашем приходе?

— Я уже известил, — отвечал Жоан. — Он заметил мой сигнал. И ждет нас.

Все трое отправились. Задние ступали по следам передового. Через двадцать минут они совершенно благополучно дошли до подошвы скалы.

Теперь мы расскажем о том, что происходило в стане аукасов после сражения с испанцами.

Наши друзья выстрелами со скалы, как мы видели, нанесли много вреда арауканцам. Два главнейших арауканских предводителя, вышедшие благополучно из жестокой схватки в ущелье, были ранены. Под генералом Бустаменте убили лошадь, он упал, но рана его была не глубока. Арауканцы, взбешенные этим непредвиденным нападением, поклялись, что не уйдут, не отомстив.

Раненого генерала Бустаменте перенесли в лес. Его тотчас перевязали, и он скоро пришел в себя. Первой мыслью его было узнать, где он, в плену или на свободе. Антинагуэль успокоил его.

— Что теперь будет делать мой брат? — спросил генерал.

— Я давно уже говорил Великому Орлу, — отвечал Антинагуэль, — что надо делать. Пусть он уступит Вальдивию, я помогу ему.

— Я согласен, — отвечал тот. — У меня не раздвоенный язык, токи может положиться на меня.

— Хорошо. Пусть мой отец повелевает, я готов повиноваться.

Генерал гордо улыбнулся: значит, его дело еще не совсем потеряно!

— Где мы теперь?

— Напротив проклятых гуинков, которые встретили нас так жестоко час тому назад, когда мы вышли на равнину.

— Что ж думает мой брат делать?

— Уничтожить их, — отвечал Антинагуэль и вышел с этими словами.

Генерала опечалило это известие. Как, останавливаться для того, чтобы уничтожить ничтожную горсть чилийцев, засевших на скале? Скала неприступна, солдаты будут держаться до последней возможности, может быть неделю, а время не терпит. Теперь надо действовать быстро, смело напасть на патриотов и покончить все одним ударом. Но разве индейцы

поймут это? Генерал в отчаянии закрыл лицо руками. Вдруг раздался ужасный шум — это началось преследование свиты сенатора Сандиаса.

Через несколько минут явился и сам сенатор с Антинагуэлем. Надо заметить, что сенатор был не только трус, но и порядочный мошенник. Он оставался на стороне Бустаменте, пока тот был в силе, а потом перешел на сторону его врагов. Увидев его, генерал, наверно, задушил бы бедного дона Рамона, если бы Антинагуэль не удержал его за руку. Сенатор перетрусил и поспешил выдать депеши, которые вручил ему дон Грегорио. Прочитав их, Бустаменте еще более уверился в том, что времени терять нельзя. И решил схитрить. Прочтя депеши, он дружески протянул руку сенатору, который не мог опомниться от такого внезапного перехода от вражды к дружбе. Но генералу мало было до него дела. Ему важно было, чтобы Антинагуэль поверил, будто он в дружбе с сенатором и что тот доставил ему важные известия. Антинагуэль легко согласился считать дона Рамона не пленником, а союзником. Оставшись наедине с сенатором, генерал объявил ему, чтобы он каким-либо способом освободил пленников. Он теперь друг Антинагуэля и, стало быть, может свободно ходить по всему стану. Иначе генерал выдаст его индейцам, а те сожгут его. Дону Рамону оставалось только согласиться.

Бустаменте рассчитывал, что когда отряд на скале увеличится, то Антинагуэль поймет всю трудность осады и, может быть, согласится отступить.

Мы видели, что это ему удалось. Всех пленных было около сорока, и Валентин храбро более чем утроил их число. Генералу только этого и надо было, у него теперь были развязаны руки.

Немудрено, что дон Рамон поспешил причислить себя к пленным. Антинагуэль не удерживал; он видел трусость сенатора и презирал его.

Четырнадцатая глава. ПРИПАДОК БЕЗУМИЯ

Через несколько часов после происшествий, описанных в предыдущей главе, долина опустела. Арауканцы и чилийцы удалились.

Настала ночь. Валентин и его товарищи продолжали путь не останавливаясь. Как скоро была оставлена крепость на скале, парижанин не только распорядился, в какую сторону направиться, но стал полновластным начальником отряда. Это совершилось само собой: все как-то молча признали его превосходство. Действительно, Валентин более других подходил на роль руководителя, он был опытен, распорядителен и тверд. Все, кто имел с ним дело, невольно попадали под его влияние. Луи первый испытал это. Сначала он думал было сопротивляться, но вскоре понял, что это бесполезно. Конечно, дон Тадео не уступал в энергии Валентину, но теперь ему, убитому горем, было не до того.

Арауканцы честно соблюдали условия договора. Чилийцы спокойно отступили, без малейшего преследования, и направились по дороге в Вальдивию.

Мы уже сказали, что настала ночь. Тьма была ужасной. Усталые лошади и люди едва передвигали ноги и спотыкались на каждом шагу. Валентин не без причины боялся заблудиться. Достигнув реки, на берегу которой несколько дней тому назад был праздник и совершилось похищение девушки, он приказал остановиться на ночлег. Он не рисковал переправляться через реку в такой темноте, тем более что вода сильно прибыла из-за дождей в горах, и этот, обычно светлый и прозрачный, ручей превратился теперь в желтый и шумный поток. Холодный ветер шумел в бледной листве ив. Месяц исчез в облаках, и небо приняло свинцовый отлив, мрачный и угрожающий. В воздухе чувствовалась близость бури.

Благоразумие требовало остановиться и укрыться от возможной беды. Страшно было сделать шаг в этом мраке, который сгущался все больше и больше. Приказ остановиться был принят всеми с радостью. Стали поспешно устраиваться на ночь. Арауканцы, привычные к бродячей жизни, чаще спят под открытым небом, чем под крышей. Тотчас были разведены два костра, чтобы защититься от холода и отпугнуть диких зверей. Кое-где построили шалашики из ветвей. Затем каждый достал из своего *альфорхаса* запасы съестного. Ужин людей, истомленных продолжительной дорогой, не

бывает долог. Главное для них — поскорее уснуть. Через час все солдаты, кроме часовых, спали крепким сном.

Только семь человек сидели около костра посреди стана и разговаривали, покуривая сигары и трубки. Читатель, наверно, угадал, кто они.

— Друзья мои, — сказал Валентин, — мы недалеко от Вальдивии?

— Не больше двух лье²¹, — отвечал Жоан.

— Мне кажется, — продолжал Валентин, — что раньше, чем улечься спать, мы должны решить, что делать дальше. Мне не нужно напоминать вам, что заставило нас несколько дней тому назад оставить Вальдивию. Дело это не терпит отсрочки. Нам надо условиться хорошенько и действовать как можно поспешнее.

— Об этом нечего и улавливаться, — с живостью сказал дон Тадео, — завтра с рассветом мы направимся в горы, а солдаты пойдут в Вальдивию под начальством дона Рамона. Дорога в город теперь совершенно безопасна.

— Отлично, — сказал сенатор, — мы хорошо вооружены, до города близко и дорога безопасна. Завтра на рассвете мы разделимся; вы отправитесь по своему делу, а мы по своему, поблагодарив вас за оказанные услуги.

— Теперь, — продолжал Валентин, — я спрашиваю наших друзей-предводителей, имеют ли они намерение следовать за нами, или думают воротиться в свою тольдерию?

— Зачем наш брат спрашивает нас об этом? — сказал Трантоиль Ланек. — Или он желает, чтоб мы ушли?

— Я был бы в отчаянии, если бы мои друзья так поняли мои слова, — отвечал Валентин. — Напротив, я хотел бы, чтобы вы остались с нами.

— Пусть наш брат скажет яснее, чтоб мы его поняли.

— Пусть мои братья слушают. Уже давно наши братья ушли из своей тольдории, может быть, им хочется воротиться к своим женам и детям. Притом мы должны драться с их земляками, и я понимаю, как им это прискорбно. Спрашивая, я просто хотел предоставить моим братьям действовать, как им вздумается, идти туда, куда влечет их сердце.

В ответ на это Трантоиль Ланек сказал:

— Мой брат хорошо говорит. Он честная душа, у него всегда что на сердце, то и на языке. Его голос раздаётся, как звучная песня, я счастлив, когда слышу его, Трантоиль ульмен в своем народе, он мудр, что он делает — хорошо. Антинауэль не из его друзей. Трантоиль Ланек повсюду пойдет за своим бледнолицым братом, куда тому будет угодно. Я сказал.

— Спасибо, предводитель. Я ждал, что вы ответите именно так, но мне казалось, что я должен был предложить вам этот вопрос.

— Ладно, — сказал Курумила, — мой брат не будет больше говорить об этом.

— Будьте покойны, — весело сказал Валентин, — я очень рад, что дело так закончилось, оно томило мое сердце. Теперь, кажется, мы можем соснуть.

Все встали, чтоб идти спать. Вдруг Цезарь, смирно сидевший на задних лапах у огня, зарычал.

— Эге! — сказал Валентин. — Что там такое?

Все с беспокойством стали всматриваться в темноту. Сильный шум послышался невдалеке.

— К оружию! — скомандовал Валентин. — Надо приготовиться. Бог знает, с кем придется иметь дело.

Через несколько секунд все солдаты были на ногах, готовые встретить незваных гостей. Шум все приближался. Черные фигуры начинали вырисовываться во тьме ночи.

— Кто идет? — закричал часовой.

— Чили, — отвечал кто-то сильным голосом.

— Что за народ? — продолжал солдат.

— Люди мирные, — отвечал тот же голос и тотчас же прибавил: — Дон Грегорио Перальта.

При этом имени все солдаты отдали честь.

— Добро пожаловать, дон Грегорио! — вскричал Валентин.

— Вот нечаянная встреча, кавалеры! — сказал дон Грегорио, пожимая дружеские руки, протянутые к нему со всех сторон. — Я не ждал найти вас так скоро.

Следом за доном Грегорио въехало в стан человек тридцать всадников.

— Так скоро? — спросил дон Тадео. — Вы разве искали нас?

— Э, искал ли я вас, дон Тадео! Я нарочно для этого выехал из Вальдивии несколько часов тому назад.

— Я не понимаю вас, — сказал дон Тадео.

Дон Грегорио словно не расслышал этих слов. Сделав знак дону Тадео и двум французам, он удалился на несколько шагов, чтоб другие не могли услышать их разговора.

— Вы спрашиваете, зачем я искал вас, дон Тадео? — сказал он. — Извольте: я послан от имени всех патриотов, которых вы предводитель. Мне велено сказать вам: отечество в опасности, только вы можете спасти его. Ужели вы откажетесь?

Дон Тадео не отвечал ни слова. Он склонил свое бледное чело, и, казалось, сильное горе овладело им.

— Слушайте дальше: генерал Бустаменте бежал.

— Я знаю, — тихо прошептал он.

— Хорошо, но вот чего вы не знаете: этот изменник соединился с арауканцами. Через неделю, не позже, сильное войско вторгнется через наши границы под предводительством Антинагуэля и Бустаменте, неся с собою убийство и разрушение.

— Но эти вести... — хотел возразить дон Тадео.

— Из верного источника, — живо перебил его дон Грегорио. — Нам принес их испытанный лазутчик.

— Я передал вам начальство над войском, — сказал дон Тадео и прибавил с величайшей тоскою: — Моя дочь в плену, я должен спасти ее.

— О, — сказал горячо дон Грегорио, — что значит семейное несчастье, когда вся страна в опасности? Вас зовет отечество! Чили зовет вас! Или вы останетесь глухи к голосу родной земли?

— Боже мой! — вскричал дон Тадео прерывающимся голосом. — Вспомните, я отец, у меня одна только дочь, одна радость! Неужто вы хотите и ее отнять у меня?

— Гм, — желчно сказал дон Грегорио, делая шаг назад, — прощайте, дон Тадео, счастливо оставаться! Десять лет мы трудились для славы отечества, и теперь вы изменяете ему! Великодушно! Живите счастливо! Что за дело, что народ погибнет, что страна будет опустошена, лишь бы вы были счастливы! Прощайте! И пусть проклятия сограждан падут на вас!

— Стойте! — вскричал дон Тадео, тронутый до глубины сердца этими словами. — Хорошо! Я согласен. Я иду с вами! Я жертвую... О, дочь, дочь моя! — прибавил он дрогнувшим голосом. — Прости, прости меня!

— Слава Богу! Чили спасена! — вскричал дон Грегорио, обнимая своего друга.

— Дон Тадео, — сказал Валентин, — идите, куда вас призывает долг. Клянусь Богом, я возвращу вам дочь.

— Да, — прибавил граф, пожимая ему руку, — мы скорей погибнем, чем не исполним клятвы.

Дон Грегорио не хотел медлить. Каждый из его отряда посадил сзади себя по освобожденному из плена солдату, и через час они поскакали по направлению к Вальдивии.

— Дочь моя! дочь моя! — послышался в последний раз голос дон Тадео.

— Мы спасем ее! — крикнули вслед ему французы. Скоро чилийский

отряд исчез во мраке. Остались на берегу только Валентин, Луи, Курумила, Жоан и Грантоиль Ланек. Валентин тогда сказал своим товарищам:

— Отдохнем немного. Завтра у нас будет дел много.

Они завернулись в пончо, легли у костра и заснули. Цезарь остался на часах.

Дон Тадео против воли принял управление делами в такое смутное время. Печальный и угрюмый, ехал он во главе отряда, который скорей сопровождал государственного преступника, чем был почетной охраной человека, призванного спасти отечество. Началась страшная буря. Всадники молча продолжали свой путь. Завернувшись в плащи, надвинув шляпы на брови, они старались защититься от урагана. Дон Тадео, казалось, ожил, заслышав свист бури. Он сбросил шляпу, чтоб дождь освежил его воспаленную голову. С развевающимися волосами, с блестящим взором, пришпорив коня, который заржал от боли, бросился он вперед, крича громким голосом:

— Вперед, друзья, вперед! Ура! За благо отечества, вперед!

Его спутники, увидя при блеске молнии перед собою эту величественную фигуру, скакавшую во всю мочь, словно наэлектризованные, бросились вперед с восторженными криками. И понесся этот полуфантастический поезд по равнине, залитой потоками дождя, посреди свирепства урагана, ломавшего ветви деревьев, и дон Тадео, сердце которого переполнилось горечью, был в припадке безумства, угрожавшем сумасшествием. Чем быстрее он скакал, тем более свирепствовала буря, тем сильнее становился припадок. Время от времени он поворачивал лошадь, страшно вскрикивал и, дав шпоры коню, пускался стрелой, словно преследуя невидимого врага.

Испуганные солдаты, не понимая, что это значит, с испугом глядя на своего предводителя, неслись за ним. Но топот их лошадей, их мрачный вид, может быть, еще больше усиливали припадок несчастного отца. Между тем Вальдивия была уже недалеко, и странная вещь: в такой поздний час светились бесчисленные огни, обрисовывали темную массу города. Дон Грегорио был в отчаянии, видя, в каком положении его искренний друг. Тщетно он придумывал, чем бы помочь, как возвратить ему разум, который тот, кажется, все более и более терял. Еще немного времени — и будет поздно. Вдруг он точно что-то вспомнил.

Дон Грегорио, видя, что шпоры не действуют, выхватил кинжал и стал колоть свою лошадь. Бедное животное опустило голову, фыркнуло и пустилось как стрела. Проскакав несколько минут самым безумным образом, дон Грегорио поднял свою лошадь на дыбы, быстро поворотил ее

и понесся назад. Он скакал как раз навстречу дону Тадео, и они неминуемо должны были столкнуться. Подскакав, он железной рукой схватил под уздцы лошадь Тадео, и она остановилась. Дон Тадео вздрогнул и вперил свои воспаленные глаза в того, кто так внезапно прервал его бешеную скачку. Солдаты с беспокойством остановили коней.

— Дон Тадео де Леон, — воскликнул дон Грегорио решительным тоном, — или вы забыли о вашей дочери, донье Розарио?

При имени своей дочери по всему телу дона Тадео прошла судорога. Он поднес руку к своему горевшему лбу и, остановив блуждающий взгляд на том, кто обратился к нему с вопросом, вскричал раздирающим голосом:

— Дочь моя! Спасите мою дочь!

Вдруг смертная бледность покрыла его лицо, он закрыл глаза, выпустил из рук поводья и упал навзничь. Но друг его быстрее мысли соскочил на землю и поддержал его. Дон Тадео лишился чувств. Дон Грегорио с нежностью поглядел на него, взял как ребенка на руки и уложил на разостланные солдатами плащи.

— Он спасен, — сказал дон Грегорио.

И все эти грубые люди, которые не вздрогнут ни при какой опасности, вздохнули свободнее при этих словах надежды, которую они начинали уже терять. Они натянули попоны и плащи на ветвях того дерева, под которым лежал их начальник, чтоб защитить его от дождя. И молча, неподвижные, держа лошадей в поводу, стояли, почтительно склонив головы, на дожде и ветре и с нетерпением ждали, скоро ли очнется их отец. Так прошел час — целая вечность. Все это время не было слышно ни слова, ни вздоха.

Дон Грегорио, наклонясь над своим другом, следил при трепетном свете факела за ходом кризиса. Мало-помалу судорожная дрожь утихла, и больной совершенно успокоился. Тогда дон Грегорио распорол рукав у дона Тадео, обнажил правую руку и кинжалом проколол вену. Сначала крови не было. Но через несколько минут показалось черное пятно с булавоочную головку. Оно все увеличивалось, наконец покатила капля крови, за ней другая, третья, и через две минуты брызнула черная и пенистая струя.

Все присутствующие, вытянув головы, внимательно следили за больным. Так прошло довольно долгое время. Кровь текла все сильнее и сильнее. Дон Тадео лежал как мертвый. Наконец он сделал движение. Его зубы, до тех пор стиснутые, разжались, он вздохнул. Кровь стала красной. Дон Тадео открыл глаза и спокойно, но с удивлением осмотрелся вокруг.

— Где я? — прошептал он слабым голосом. — Что случилось?

— Слава Богу, наконец-то вы пришли в себя, — сказал дон Грегорио,

зажимая рану пальцем и перевязывая ее своим носовым платком. — Как мы боялись за вас!

Дон Тадео сел и провел рукою по лбу, на котором выступил пот.

— Но что все это значит? — спросил он твердым голосом, стараясь припомнить бывшее. — Скажите мне, что случилось? Я весь точно разбитый и чувствую слабость во всем теле. Расскажите мне все по порядку.

— Еще бы! Вы упали сильно с лошади, — говорил дон Грегорио, не желая вспоминать о нравственных причинах припадка. — Спросите этих кавалеров! Мы думали, что вы ушиблись до смерти. Бог спас вас для блага отечества!

— Странно! Я ничего этого не помню. Я помню только, как мы расстались с друзьями, и вдруг налетела буря...

— Так, так! — поспешно перебил дон Грегорио. — Видите, вы все помните. Ваша лошадь испугалась и понесла. Мы бросились за вами. Когда подскакали, то видим, вы лежите в канаве. Лошадь, верно, не могла перескочить ее и упала. Мы вас подняли, и я пустил вам кровь.

— Да? Должно быть, так. Хорошо, что вы догадались бросить мне кровь. Мне теперь легко, голова не горит и на душе спокойно. Благодарю вас, теперь я чувствую себя совсем спокойно, и, кажется, мы можем продолжать путь.

Дон Грегорио видел, что его хитрость удалась только наполовину. Но он и виду не показал, что понял это.

— Быть может, вы еще не в силах держаться на лошади? — сказал он дону Тадео.

— О нет! Я чувствую, что силы возвратились ко мне. Время не терпит, нам надо спешить в Вальдивию.

Сказав это, дон Тадео встал и велел подвести лошадь. Солдат держал ее под уздцы. Дон Тадео внимательно поглядел на нее. Бедное животное все было в грязи. Дон Тадео наморщил брови: он ничего не понимал. Дон Грегорио незаметно улыбнулся, лошадь вываляли в грязи по его приказу. Он желал, чтобы дон Тадео и не подозревал никогда, что с ним в продолжение двух часов был припадок безумия, и совершенно успел в этом. Дон Тадео был вынужден поверить, что действительно упал в канаву, печально покачал головою и сел на лошадь.

— Смотря на это бедное животное, — сказал он, — я удивляюсь, как мы оба остались в живых.

— Не правда ли? — спросил дон Грегорио уверенным тоном. — Я говорил, что Бог спас вас.

— Далеко ли до города?

— Не больше лье.

— Так поспешим.

Весь отряд пустился рысью. Дон Тадео и дон Грегорио ехали друг подле друга и тихо разговаривали между собою о мерах, которые надо предпринять для окончательного низложения генерала Бустаменте. Дон Тадео рассуждал спокойно, мысли его были совершенно ясны.

Один только человек из всего отряда не знал ничего о случившемся. Это дон Рамон. Когда началась буря, лошадь его, закусив удила, понесла. Дон Рамон и не пытался ее сдерживать, он думал только о том, как бы самому удержаться в седле. Очнулся он только у ворот Вальдивии. Таким образом, нечаянно сенатор стал вестником скорого возвращения дона Тадео.

Пятнадцатая глава. ПЛАН ПОХОДА

Дон Тадео въехал в Вальдивию триумфатором. Несмотря на проливной дождь, все жители вышли к нему навстречу, держа в руках факелы, пламя которых задувалось ветром и сливалось с блеском молнии. Восторженные крики жителей, грохот барабанов смешивались с раскатами грома и завываниями бури. Великолепное зрелище представлял этот народ, вышедший в бурю ночью и стоявший в грязи по щиколотку, чтобы приветствовать того, на кого он возлагал всю свою надежду и кого называл своим освободителем.

Дон Тадео был тронут этим выражением народной любви к нему. Он понял в эту минуту, что как бы ни было велико частное дело человека, как бы ни было безотлагательно для своего исполнения, — оно ничтожно перед общим делом всего народа и им следует пожертвовать безропотно. Он так и сделал. Сперва надо победить общего врага, а потом уже можно озаботиться своим частным делом. Что касается дочери, то он успокаивал себя еще и тем, что о ее освобождении позаботятся его благородные друзья.

Он глубоко вздохнул и провел рукою по лбу, словно желал стереть не оставлявшую его мысль о дочери. Это был последний припадок душевной слабости. Гордо поднял он голову и с улыбкой приветствовал радостные толпы народа, загораживавшего ему дорогу, с рукоплесканиями и криками: «Да здравствует Чили!»

Так он доехал до кабльдо, или городской ратуши. Тут он сошел с лошади, поднялся на крыльцо и произнес несколько ободряющих слов. Граждане отвечали криком: «Да здравствует Чили! Да здравствует отечество!»

Дон Тадео направился в ратушу. Там его ожидали начальники войск, расположенных в провинции, и городские алькальды (судьи). Все они встали, когда он вошел, и окружили его. После приветствия дон Тадео попросил всех садиться, объяснил настоящее положение страны, а затем предложил план войны, с которым мы считаем необходимым вкратце познакомить наших читателей, иначе последующее во многом будет непонятно им.

Он состоял в следующем. Чилийская армия должна быть разделена на две части. Первая пойдет на Арауко, столицу арауканской земли. Это необходимо для того, чтоб разделить неприятельские силы, ведь аукасы не оставят без защиты своей столицы. Вторая часть, составленная из всех

граждан провинции, способных носить оружие, направится к Биобио, чтобы соединиться с войсками провинции Консепсьон и таким образом поставить неприятеля между двух огней.

Этот план был единодушно принят всем военным советом. Дона Грегорио назначили командовать войсками, которые пойдут на Арауко. Руководство же теми, которые направятся к Биобио, принял на себя дон Тадео. Во всех кварталах города были устроены канцелярии для записи волонтеров, которым назначили жалованье полпиастра в день. Одному из высших офицеров поручено было заняться формированием национальной гвардии, и ему же поручил дон Тадео управление провинцией на время своего отсутствия.

Затем члены совета удалились. Дон Тадео и дон Грегорио остались вдвоем. Дон Тадео, казалось, совершенно преобразился. Воинственный жар блеснул в его глазах. Дон Грегорио смотрел на него с удивлением и почтением. Наконец дон Тадео остановился перед ним.

— Брат, — сказал он, — теперь надо победить или умереть. Ты должен остаться со мною, ты не пойдешь к Арауко. Командование этими войсками недостойно тебя, ты должен сражаться подле меня.

— Благодарю, — с волнением отвечал дон Грегорио. — В минуту опасности я буду подле вас. Но зачем вам, чья жизнь так дорога для всего народа, зачем вам самому подвергаться опасности?

— О, — с воодушевлением отвечал дон Тадео, — что значит жизнь одного, когда дело идет о свободе отечества? Пусть бы только отечество было свободно и погиб этот подлый изменник! Нам надо дать большое сражение. Если мы будем принуждены вести партизанскую войну, мы погибнем.

— Правда.

— Чили узкая полоса земли между морем и горами. На таком пространстве негде долго укрываться гверильясам (партизанам). Нам надо сразу нанести удар, иначе наши враги прямо пойдут на столицу, которая отворит им ворота. А потому надо действовать решительно. Я готов пожертвовать моей жизнью, только бы воспрепятствовать им в этом.

— Таково наше общее мнение.

— Я вполне уверен в этом. Да, я чуть было не забыл: нам надо известить генерала Фуэнтеса, губернатора Консепсьона, о всем случившемся, чтобы он был наготове.

— Я беру это на себя.

— А мне казалось, что это поручение может лучше всех исполнить дон Рамон Сандиас.

— Гм! — сказал дон Грегорио, покачивая сомнительно головою. — Это такой человек, что...

— Что не сумеет сделать этого? Вы ошибаетесь. Самая его ничтожность верное ручательство за успех. Генерал Бустаменте никогда не поверит, что мы решили дать действительно важное поручение такому ничтожному человеку. Если наш посланный попадет в плен, то генерал Бустаменте скорее поверит, что все это только западня, и станет делать противоположное тому, о чем будет сообщено в письме. Я сам желаю, чтобы достойный сенатор попался в — руки аукасам: тогда наша хитрость вполне удастся. Генерал, конечно, поймет наше намерение, но предводители аукасов, которым дороги их жены и дети, поверят письму и, узнав, что мы хотим напасть на Арауко, сейчас же возвратятся восвояси. Таким образом, война будет перенесена в Арауканию и Чили будет избавлена от всех ее ужасов.

— Это правда. План должен удастся уже потому, что слишком смел. Я пошлю к вам сенатора, — только бы знать, где он теперь?

— О, — сказал с улыбкой дон Тадео, — такая важная особа не может быть не на виду.

Дон Грегорио поклонился и молча удалился. Вместо того чтобы отдохнуть (а отдых был ему необходим после таких трудов и беспокойств), дон Тадео, оставшись один, сел к столу и начал писать приказ за приказом и тотчас же отправлял их с гонцами. Так прошло несколько часов. Уже было довольно позднее утро, когда дон Тадео окончил свою работу.

Он встал и начал ходить большими шагами по залу. В эту минуту дверь отворилась, и появился дон Рамон Сандиас. Достойный сенатор изображал скорее только тень самого себя. Он был бледен, как полотно, черты лица осунулись, и весь он страшно похудел. Жизнь этого достойного человека протекала «в приятном ничегонеделании», в достатке и всякого рода удовольствиях. Но вот, как говорится, бес его попутал, и он, до тех пор не испытывавший ни малейшего честолюбия, поддался проискам генерала Бустаменте и решил помогать ему, чтобы получить звание сенатора. С тех пор он вел самую каторжную жизнь. Его полный и красивый лик сделался худым и выцвел. Он стал форменным скелетом и, смотрясь в зеркало, спрашивал самого себя, узнают ли его друзья и знакомые, его, некогда счастливого и беззаботного владельца Каза-Азуль? Так называлась гасиенда — усадьба сенатора. Месяц тому назад он оставил ее цветущий и здоровый, а теперь!..

Дон Тадео внимательно поглядел на сенатора. Он не мог удержаться, чтобы не выразить сожаления, видя, как переменялся за это время

доблестный сановник. Сенатор почтительно поклонился. Дон Тадео отдал ему поклон и указал на кресло.

— Ну, дон Рамон, — сказал он дружественно, — вы, конечно, принадлежите к числу патриотов, которые готовы жертвовать имуществом и жизнью для спасения отечества?

— Я? Д-да, — глухо отвечал дон Рамон. — Но больше всего я люблю свободу и не намерен участвовать в войне, которая вот-вот вспыхнет в Чили. Я из тех людей, которым хорошо живется только в уединении. Бури жизни не для меня, и я охотно уступаю их другим.

— Другими словами, дон Рамон, — с улыбкой сказал дон Тадео, — это значит, что вы жалуетесь на свое пребывание в Вальдивии?

— О нет! — живо воскликнул сенатор. — Нет, совсем напротив. Но с некоторых пор я сделался, так сказать, игрушкой судьбы и теперь невольно трепещу: не случилось бы какого нового несчастья. Я пребываю в вечном страхе.

— Успокойтесь, дон Рамон, вы теперь в безопасности, — сказал дон Тадео и с умыслом прибавил:

— По крайней мере, в настоящую минуту.

Это прибавление заставило затрепетать сенатора.

— Как? — спросил он, дрожа всеми членами. — Что вы хотите этим сказать, дон Тадео?

— Ничего страшного для вас. Но, знаете, военные успехи вообще так ненадежны.

— О да, ужасно ненадежны! А потому у меня одно желание: возвратиться к семейству. О, только бы мне добраться до моей усадьбы близ Сант-Яго, тогда, клянусь всем для меня священным, я поселюсь в ней тихо и мирно, в кругу своей семьи, бросив всякие дела и предоставив другим, более достойным, заботиться о благе отечества...

— Вы, кажется, не всегда держались таких мыслей...

— Увы, ваше превосходительство! И это причина всех моих несчастий. Кровавыми слезами оплакиваю свои заблуждения. Как я мог из-за глупого честолюбия решиться...

— Очень хорошо, — сказал дон Тадео, прерывая эти слезные излияния, — к счастью, я могу вернуть вам то, чего вы лишились.

— О, говорите, говорите! Из-за этого я готов на все...

— Даже воротиться в арауканский стан? — зло пошутил дон Тадео.

Сенатор вздрогнул, еще пуще побледнел и вскричал дрожащим голосом:

— Нет, я готов скорей тысячу раз умереть, чем попасть в лапы этих

бесчеловечных варваров.

— Насколько мне известно, вам нечего на них жаловаться.

— Если не на них лично, так...

— Ну, оставим это, — сказал дон Тадео. — У меня есть к вам дело, потрудитесь выслушать внимательно.

— Слушаю, — отвечал сенатор, почтительно наклоняя голову.

Вошел дон Грегорио.

— Что нового? — спросил дон Тадео.

— Пришел этот индеец, Коан, который был проводником наших войск. Он говорит, что должен передать вам важные вести.

— Скорее, скорее! Пусть войдет! — вскричал дон Тадео, вскакивая со стула, совершенно забыв о сенаторе.

Тот вздохнул свободнее. Он подумал, что про него совсем забыли, и решил ускользнуть за двери. Дон Тадео заметил это.

— Сенатор, — сказал он ему, — наш разговор еще не окончен.

Дон Рамон, пойманный на месте преступления, захлебываясь от поспешности, вынужден был принести свои извинения. Увы! Ему пришлось снова усесться и ждать, что будет. Сенатор глубоко вздохнул.

В это время дверь отворилась, и вошел Жоан.

Дон Тадео пошел ему навстречу.

— С каким известием вы пришли? — спросил он. — Не случилось ли чего? Говорите, говорите, мой друг.

— Когда я оставил стан бледнолицых, они были готовы идти по следам Антинауэля.

— Да наградит их Бог! — вскричал дон Тадео, подымая глаза к небу, и всплеснул руками.

— Мой отец был ночью печален, его сердце разрывалось, когда он оставил нас.

— Да, да!

— Дон Валентин, прежде чем отправиться по следам, почувствовал в сердце жалость, вспомнив о том, как беспокоился мой отец. Он приказал своему брату с голубиными глазами написать вам это письмо, а мне доставить его.

С этими словами он вынул письмо, которое было тщательно спрятано под повязкой, охватывающей его лоб, и подал дону Тадео. Тот быстро взял его и стал

пожирать глазами.

— Спасибо! — сказал он, прижимая письмо к груди и пожимая руку индейца. — Спасибо! Мой брат сердечный человек, его преданность

возвращает мне бодрость. Он останется со мною и, когда настанет время, проводит меня к дочери.

— Мой отец может положиться на меня, — просто отвечал Жоан.

— Я уверен в этом, Жоан. Сегодня не в первый раз я узнал вашу верность и честность. Вы останетесь у меня, мы станем говорить о наших друзьях и тем разгоним свою тревогу.

— Для моего отца я то же, что конь для всадника, — почтительно отвечал Жоан и, поклонившись, хотел выйти.

— Задержитесь на минуту! — сказал дон Тадео, ударив в ладони. Явился слуга.

— Я приказываю, — повелительно сказал дон Тадео, — всемерно заботиться об этом воине. Он мой друг и волен делать, что хочет. Выдавать ему все, что он потребует. — И затем, обращаясь к Жоану, прибавил:— Теперь, мой друг, можете идти.

Индеец вышел, сопровождаемый слугою.

— Славный человек! — сказал вслед ему дон Тадео.

— Да, — лицемерно отвечал дон Рамон, — для дикаря это предостойный молодой человек.

Звуки этого пискливого голоса напомнили дону Тадео о делах. Он взглянул на сенатора, который смиренно поглядывал на него.

— Ах, — сказал он, — я было и забыл про вас, дон Рамон.

Сенатор прикусил язычок и проклинал себя за неуместное замечание.

— Вы мне, кажется, говорили, — начал дон Тадео, — что дорого дали бы за то, чтобы добраться до своей усадьбы?

Сенатор утвердительно кивнул головою, боясь снова выдать себя даже единым словом.

— Ну, так я могу доставить вам то, в чем вы уже начали отчаиваться. Вы отправитесь сейчас в Консепсьон.

— Я?

— Да, вы, самолично. Приехав в Консепсьон, вы отдадите письмо генералу Фуэнтесу, начальствующему над войсками провинции. Исполнив это поручение, вы можете отправляться куда угодно. Только помните, что за вами будут следить и что если я не получу ответа от генерала Фуэнтеса, то отыщу вас где бы то ни было и тогда за неисполнение поручения вы подвергнетесь строгому взысканию.

Во время этих слов сенатор обнаружил страшное волнение: он краснел, бледнел, вертелся во все стороны, не зная, как себя держать.

— Э, — строго сказал дон Тадео, — глядя на вас, можно подумать, что вы не довольны возлагаемым на вас поручением?

— Извините, ваше превосходительство! Извините, — начал, задыхаясь, дон Рамон, — но поручения вообще мне как-то не удаются, и если я смею заметить, то, кажется, лучше бы послать кого-нибудь другого.

— Вы смеете противоречить мне? — сухо сказал дон Тадео, подавая ему бумагу, — Вот возьмите и благодарите Бога, что ваших возражений никто не слышал. Через полчаса вы должны отправиться, иначе за слушание я прикажу вас расстрелять. Счастливой дороги!

— Ну, а если, — сказал, подумав, сенатор, — арауканцы захватят меня в плен и овладеют бумагой?

— Вы будете расстреляны, — холодно сказал дон Тадео.

Сенатор вскочил со стула, словно его кто уколол.

— Но это ужасно! Это западня! Я пропал!

— Это ваше дело. Я должен напомнить вам, что вам остается только двадцать минут до отъезда.

Сенатор быстро схватил бумагу и как сумасшедший бросился из комнаты, опрокидывая по пути мебель. Дон Тадео улыбнулся и сказал про себя:

— Бедняга! Он и не подозревает, как я желаю, чтоб эта бумага попала в руки арауканцев.

Дон Тадео приказал позвать Жоана.

— Я здесь, — сказал тот, входя.

— Как думает мой брат, может ли он пробраться в Консепсьон так, чтоб арауканцы не захватили его?

— Я уверен в этом.

— Я дам моему брату поручение, от исполнения которого зависит все.

— Я исполню его или умру.

— Есть ли у моего брата добрый конь?

— Нет никакого: ни доброго, ни плохого.

— Я прикажу дать моему брату коня, быстрого как буря.

— Хорошо. Что прикажет мой отец? — Жоан отдаст это письмо сенатору Фуэнтесу, командующему войсками провинции Консепсьон.

— Я отдам. Дон Тадео вынул из-за пазухи кинжал странной формы, рукоятка которого служила печатью.

— Пусть мой брат возьмет этот кинжал. Увидев его, генерал узнает, что Жоан прислан мною. Но пусть мой брат будет осторожен: кинжал покрыт ядом, нанесенная им малейшая царапина — смертельна.

— О, о! — сказал индеец с мрачной улыбкой. — Это славное оружие. Когда я должен отправиться?

— Отдохнул ли мой брат? В силах ли он пуститься в путь?

— О да!

— Я прикажу дать моему брату лошадь.

— Хорошо! Прощайте!

— Еще одно слово! Пусть мой брат постарается, чтобы его не убили. Я хочу, чтобы он вернулся ко мне.

— Я вернусь, — уверенно отвечал индеец. — Счастливого пути!

— Счастливо оставаться!

Жоан вышел. Через десять минут он скакал уже по дороге в Консепсьон и обогнал дона Рамона Сандиаса, который плелся трусцой, в самом скверном расположении духа.

Дон Тадео и дон Грегорио вышли из ратуши. Все приказания дона Тадео были выполнены с необычайной точностью и поспешностью, поистине удивительными. Национальная гвардия, довольно значительной численности, была приведена в состояние полной готовности и в случае опасности могла защитить город. Два отряда войск стояли в боевом порядке. Один, в девятьсот человек, должен был идти на Арауко. Другому, насчитывающему около двух тысяч, под командованием дона Тадео, предстояло отправиться на поиски арауканского войска и вступить с ним в битву. Дон Тадео провел смотр войска и остался весьма доволен прекрасным его состоянием и бодрим видом солдат.

Сказав несколько прощальных слов гражданам Вальдивии, посоветовав им быть настороже, дон Тадео отдал приказ выступить в поход. Кроме довольно значительного отряда кавалерии, при войске было десять горных орудий. Солдаты двинулись скорым шагом, жители города проводили их восторженными криками. Когда войско дошло до места, где два отряда должны были разделиться, дон Тадео подозвал к себе дона Грегорио.

— Сегодня вечером, когда ваш отряд станет на ночь, вы сдадите командование своему лейтенанту и присоединитесь ко мне.

— Благодарю вас.

— Брат, — печально отвечал дон Тадео, — разве мы не должны жить и умереть вместе?

— О, не говорите так, — возразил дон Грегорио, — не позволяйте тоске овладеть вами. — Потом, чтобы переменить разговор, прибавил: — Скажите мне, прежде чем расстанемся, какое поручение дали вы Жоану?

— О, — отвечал дон Тадео с хитрой улыбкой, — это поручение — военная хитрость, и вы, надеюсь, скоро увидите ее плоды.

Пожав еще раз друг другу руку, оба друга расстались и возвратились к своим отрядам, которые быстро удалились в разные стороны.

Шестнадцатая глава. СОВЕЩАНИЕ

Теперь нам самое время возвратиться к Валентину и его друзьям, которых мы уже давно выпустили из виду.

Как помнит читатель, после отъезда дона Тадео все пятеро улеглись спать около костра, оставив Цезаря на часах.

Около полуночи разразилась буря. Было темно, и только по временам блестела молния, придавая окружающему фантастический вид. Ветер страшно ревел, шатая деревья, которые ломались, как тростник. Глухие раскаты грома сливались с шумом реки, затоплявшей равнину. Небо казалось огромной свинцовой тучей. Дождь лил ливнем, и наши путешественники, несмотря на все усилия, не смогли защититься от него. Костер погас, и они до рассвета дрожали от холода.

К утру ураган стал стихать, а с первыми лучами солнца затих совершенно. Тогда только пятеро путешественников заметили произведенные им опустошения. Деревья были сломаны и разбросаны, а некоторые даже вырваны с корнем. Вся степь была покрыта водой. Речка, вчера столь тихая и светлая, выступила из берегов и катила свои грязные волны. Валентин внутренне поздравил себя, что догадался вчера остановиться на склоне горы, а не в долине, иначе их затопило бы наводнением.

Первой заботой путешественников было развести огонь и обсушиться. Для этого Грантоиль Ланек отыскал довольно широкий и плоский камень. На камень он наложил листьев, которые ему удалось зажечь. На мокрой земле было бы совершенно невозможно развести огонь. Скоро поднялось пламя, и наши путешественники, дрожащие от холода, радостно вскрикнули.

После завтрака все ободрились и повеселели. Ночные невзгоды были забыты, и все пятеро если и вспоминали о прошедших бедствиях, то только для того, чтобы легче было перенести предстоящее. Было около семи часов. Они курили молча, сидя вокруг костра. Валентин нарушил молчание первым.

— Мы напрасно отпустили ночью дона Тадео. В ту минуту все были сильно взволнованы и не позаботились об одной важной вещи. Когда он исполнит обязанности гражданина, то, конечно, захочет соединиться с нами, чтоб продолжать поиски дочери. Но тут возникнет великое затруднение: у него не будет проводника.

— Правда! — единогласно отвечали остальные четверо.

— Что ж делать? — спросил Луи.

— К счастью, — продолжал Валентин, — мы еще можем исправить нашу ошибку. Дон Тадео нуждается в человеке, который был бы ему совершенно предан, который знал бы в точности местность, куда мы отправимся, который мог бы отыскать нас по следам. Не правда ли?

— Да, — утвердительно кивнул Грантоиль Ланек.

— Отлично! — сказал Валентин. — У нас есть такой человек — это Жоан. Он отправится в Вальдивию и отнесет дону Тадео письмо, которое напишет Луи и объяснит в нем, для чего послан Жоан.

— Охотно! — ответил последний. — Я буду проводником дона Тадео.

— Хорошо! — сказал Курумила. — Наш друг думает обо всем. Пусть дон Луис напишет письмо.

— А знаете, — продолжал Валентин, — я очень рад, что все так случилось, что эта мысль пришла мне в голову не вчера, а сегодня.

— Отчего так? — с удивлением спросил Луи.

— Потому, что наше письмо порадует и ободрит бедного дона Тадео. Он увидит, что мы заботимся о нем и его дочери.

— И то правда, — отвечал Луи.

— Ну так пиши же, Луи.

Граф тотчас же написал письмо на листке, вырванном из записной книжки. Жоан между тем приготовился в дорогу.

— Брат, — сказал ему Валентин, отдавая записку, — мне не нужно давать вам советы: вы опытный воин, человек решительный. А здесь остаются друзья, которые будут ждать вас обоих.

— Моему брату больше нечего сказать мне? — спросил Жоан, воинственное лицо которого блистало от счастья. — Мое сердце остается здесь, но я сумею найти его.

Раскланявшись с друзьями, индеец, как газель, прыгнул в высокую траву. Скоро он бросился в реку и переплыл ее. С того берега он подал прощальный знак своим друзьям и скоро исчез из виду.

— Молодец! — заметил Валентин, снова усаживаясь у костра.

— Жоан воин, — гордо отвечал Грантоиль Ланек.

— Теперь, — продолжал Валентин, — поговорим о том, что делать дальше.

— Я слушаю моего брата.

— Дело, которое нам предстоит, — весьма трудное, и без вас, предводитель, я думаю, мы не сумели бы его выполнить. Конечно, смелости у нас хватает, но тем не менее мы вынуждены были бы отказаться

от всяких поисков. В этой стране белые, каким бы хорошим зрением ни обладали, ничего не увидят и не будут знать, в какую сторону направляться. Только вы можете привести нас к цели. Пусть же один из вас будет командовать, мы с радостью станем повиноваться. Пусть он ведет нас, куда сочтет нужным. Итак, Трантоиль Ланек или Курумила должны всем распоряжаться.

Трантоиль Ланек, подумав несколько минут, отвечал:

— Мой брат хорошо сказал, его сердце не закрыто облаками от его друзей. Да, дорога долгая и усеяна опасностями. Но пусть мои бледнолицые братья надеются на нас. Мы выросли в пустыне, она открыта для нас, и мы избегнем всех козней и капканов, которые расставлены на нашем пути.

— Отлично, — отвечал Валентин, — мы знаем теперь, кому повиноваться. Остается еще вопросов какую сторону и когда мы отправимся?

— Сейчас, — отвечал Трантоиль Ланек. — Только прежде нам надо определить план действия и затем следовать ему.

— Вот это умно сказано, предводитель. Обсудим этот план. Каково ваше мнение?

— Я думаю, — отвечал Трантоиль Ланек, — для того чтобы отыскать след молодой девушки с небесно-голубыми глазами, нам надо вернуться в Сан-Мигуэль и оттуда отправиться по следам воинов, которые увезли ее.

— И я то же думаю, — подтвердил Валентин. — Да, признаюсь, другого пути и не вижу.

Курумила отрицательно покачал головою.

— Нет, — сказал он, — идя по этому следу, мы только потеряем время.

Оба француза с удивлением поглядели на него, между тем как Трантоиль Ланек продолжал преспокойно курить.

— Я не понимаю вас, предводитель, — сказал Валентин.

Курумила усмехнулся.

— Пусть мой брат слушает, — ответил он. — Антинагуэль могущественный и бесстрашный предводитель, это величайший из аукасских воинов, его сердце обширно, что Божий мир. Токи объявил бледнолицым войну, и война эта будет жестокой. С Антинагуэлем гуинка, который ради выгоды готов опустошать свою землю. Бледнолицая девушка была похищена по приказанию токи, он хочет взять ее себе в жены. Так как токи нужно быть во главе своих воинов, то он прикажет привести ее в стан, чтобы лучше уберечь ее. Поэтому, чтобы найти след девушки, надо идти по следам Антинагуэля, и мы увидим скоро, что оба следа соединятся. Я

сказал, пусть мои братья рассудят. Он замолчал и, опустив голову на грудь, ожидал, что скажут другие. Молчание длилось довольно долго, пока его не прервал граф.

— Мне кажется, — сказал он, — что мой брат Курумила прав. Я разделяю вполне его мнение. В самом деле, если токи хочет взять донью Розарио себе в жены, то конечно же он предпочтет, чтобы она была подле него. Что скажет Трантоиль Ланек? — спросил он, обращаясь к предводителю.

— Курумила один из мудрейших ульменов своего племени. Он храбр, как ягуар, и хитер, как лисица. Он правильно рассудил — мы пойдем по следам Антинагуэля.

— Так пойдем же по следам Антинагуэля, — весело предложил Валентин. — След он оставляет широкий, нетрудно найти.

Трантоиль Ланек покачал головою.

— Мой брат ошибается. Мы действительно пойдем по следам Антинагуэля, но сделаем это по-индейски.

— То есть?

— Как птица летит.

— Прекрасно, — сказал Валентин, ошеломленный этим кратким ответом, — но я ничего не понимаю.

Предводитель не мог не улыбнуться, видя, как изумился молодой человек.

— Если мы просто пойдем по следам Антинагуэля, — сказал он снисходительно, — то мы его не скоро нагоним. Он на два дня впереди нас и на лошади, а мы пешком. Если мы и нагоним его, то может быть уже поздно.

— Черт возьми! — вскричал молодой человек. — Правда, я не подумал об этом. Где ж мы достанем лошадей?

— Нам не нужно лошадей. В горах легче и скорее пройти пешком. Мы пересечем след по прямой линии, как птица летит. Всякий раз, как мы дойдем до новых следов, мы рассмотрим хорошенько их направление и опять пересечем. Будем делать так, пока не убедимся, что напали на след бледнолицей девушки. Тогда мы изменим наш план согласно обстоятельствам.

— Да, — отвечал Валентин, — все это мне кажется умно. Но уверены ли вы, что мы не заплутаемся и не пойдем по ложной дороге?

— Пусть мой брат успокоится. Этого не случится.

— О, я совершенно спокоен! Когда ж, вы думаете, мы настигнем его?

— Послезавтра вечером мы будем недалеко от него.

— Как? Так скоро? Это невероятно!

— Пусть мой брат рассудит: в то время, когда наш враг, который не знает, что его преследуют, но который, однако, не медлит, будет делать четыре версты в долине, мы сделаем восемь в горах.

— И слава Богу! Мы, значит, просто станем пожирать дорогу. Действуйте как знаете, предводитель. Я вижу, что лучших проводников, чем вы, не сыщешь.

Трантоиль Ланек усмехнулся.

— Что ж, в дорогу? — спросил Валентин.

— Надо немного погодить, — отвечал ульмен, показывая на своего товарища, который занимался приготовлением индейской обуви. — В пустыне все может выдать. Если те, которых мы преследуем, в свою очередь преследуют нас, то ваши сапоги выдадут нас. Вы снимете их, тогда аукасские воины будут слепы. Они увидят только индейские следы и будут обмануты.

Валентин, ни слова не говоря, снял свои сапоги, граф последовал его примеру.

— Теперь, — сказал, смеясь, парижанин, — не бросить ли их в реку, чтоб их след простыл?

— Пусть мой брат не делает этого, — серьезно заметил Трантоиль Ланек. — Сапоги надо сохранить. Как знать, может, они и пригодятся.

У обоих молодых людей было по солдатскому ранцу, где хранилось все необходимое. Молча они спрятали сапоги в ранцы и перекинули их за спину. Курумила между тем окончил свою работу. Французы надели индейскую обувь. Затем все четверо направились в горы в сопровождении неизменного Цезаря.

Семнадцатая глава. ДОН РАМОН

Когда чилийцы ушли со скалы, Антинагуэль, который с великим сожалением позволил им удалиться, обратился с недовольным видом к генералу Бустаменте и сказал:

— Я сделал это по желанию моего брата. Чего еще хочет он?

— Пока ничего, — отвечал генерал. — Но, по-моему, и нам нечего медлить. А потому не лучше ли направиться в стан и там рассудить, как продолжать войну.

— Хорошо, — машинально отвечал токи, бросая злобный взгляд на последние ряды чилийских солдат, которые в это время скрылись за возвышением.

Генерал положил ему руку на плечо. Токи быстро обернулся.

— Что хочет бледнолицый предводитель? — резко спросил он.

— Пусть мой брат выслушает меня, — холодно отвечал генерал. — Отпустив этих солдат, вы поступили словно человек, признающий себя побежденным и столь слабым, что отказался даже мстить. Но это послужит к вашей выгоде. Ваши враги поверят, что у вас действительно мало сил, не будут остерегаться, и вы внезапным нападением одержите над ними победу.

Чело токи разгладилось. Он смотрел уже не так свирепо.

— Да, — шептал он, словно говоря с самим собою, — в словах моего брата есть доля правды. На войне часто следует упустить курицу, чтобы выиграть коня. Мысль моего брата хороша, мы пойдем совещаться.

Антинагуэль и генерал, сопровождаемые Черным Оленем, вошли в палатку. Когда они уселись, Антинагуэль, смотря на дона Панчо, сказал:

— У этого молодого человека, который приходил сюда от имени своих друзей, великое сердце. Мой брат, конечно, знает его?

— Нет! — беззаботно отвечал генерал. — Я видел его сегодня в первый раз. Это, должно быть, один из тех бродяг, которые жалуют к нам из Европы, чтобы поживиться на наш счет.

— Нет! Мой брат ошибается. Этот молодой человек предводитель. У него орлиный взгляд.

— Вы принимаете в нем участие?

— Да, как во всяком храбром человеке, которого я видел в деле. Я был бы счастлив, если бы снова увидел его.

— К несчастью, — заметил насмешливо генерал, — это навряд ли

случится. Я думаю, он до того перетрусил, что поспешит при первой возможности уехать из Чили.

— Кто знает, — задумчиво промолвил предводитель. — Пусть мой брат слушает, токи станет говорить. Пусть он сохранит его слова в своем сердце.

— Я слушаю, — отвечал генерал, подавляя нетерпение.

Антинагуэль начал не спеша:

— Когда этот молодой человек был здесь и говорил, я следил за ним. Мой брат не смотрел на него, а между тем он странно поглядывал на моего брата. Этот человек его непримиримый враг.

— Я говорю вам, токи, что не знаю его, — отвечал генерал, пожимая плечами. — Если он и враг мой, то что может сделать мне подобный бродяга? Он мне не страшен.

— Не следует презирать врага, — наставительно сказал токи. — Самый ничтожный иногда бывает самым страшным, именно потому, что незаметен для нас.

Затем началось совещание, продолжавшееся довольно долго. Антинагуэль выговорил себе, в случае победы, провинцию Вальдивию; дон Панчо охотно согласился на эту уступку, но требовал, чтобы войско было собрано немедленно.

— Мой брат увидит! — сказал Антинагуэль, а затем обратился к Черному Оленю: — Мой сын разошлет гонцов и зажжет маяки. С десятым восходом солнца соберется десять тысяч воинов у брода через Биобио. Воины должны спешить, идти днем и ночью. Ульмен, который не приведет своих мозотонов, будет лишен звания и отослан в свою деревню в бабьем платье. Я сказал.

Черный Олень поклонился и вышел, не говоря ни слова. Через двадцать минут гонцы летели во всю прыть и по всем направлениям. Токи приказал покинуть стан.

Через час длинная нить всадников исчезла в девственном лесу, возвышавшемся на краю равнины. Это были Антинагуэль и его воины, направлявшиеся к Биобио. Через два дня арауканское войско стало укрепленным станом на берегу Биобио. Антинагуэль разбил свой стан на вершине лесистого плоскогорья, господствовавшего над единственным бродом на реке. Был устроен завал из деревьев, так что из-за него совершенно не было видно войска. Кто не знал, что тут засели арауканцы, и не подумал бы, что это возможно.

Отряды различных утал-мапусов²² спешили на сборное место, назначенное токи; постоянно прибывали новые. Общее число войска

достигало уже десяти тысяч. Черный Олень с отборными воинами рыскал по сторонам с целью захвата неприятельских гонцов. Арауканцы обыкновенно совершают внезапные набеги. Все дело — в неожиданности, а потому предводители действуют весьма осторожно. Индейцы были вполне уверены, что белые ничего не знают о готовящемся им ударе. Они видели, что на том берегу преспокойно пасутся стада и крестьяне занимаются обычными работами как ни в чем не бывало. Генерал Бустаменте осматривал окрестности в подзорную трубу.

Антинагуэль был в своей палатке с доньей Розарио. Когда он решился начать войну с чилийцами, то послал гонца к своим мозотонам с приказанием немедленно привести девушку в его стан, на берег Биобио. С час тому назад несчастная девушка в сопровождении охраны прибыла на место. На ее бледном лице виднелись следы утомления. Она была мрачна и печальна. Предводитель встал и подошел к ней.

— Моя сестра печальна, — сказал он ей нежно, — она утомлена долгой дорогой. Тольдо приготовлено для моей сестры, пусть она отдохнет, и тогда токи объявит ей свои намерения.

— Предводитель, — печально отвечала девушка, — я не чувствую усталости. Ваши мозотоны были добры ко мне, они жалели мою молодость и кротко обращались со мною.

— Таков был приказ токи, — отвечал Антинагуэль.

— Благодарю вас за это. Я вижу, что вы не злой человек.

— Я люблю мою сестру, — отвечал Антинагуэль.

— Нет, — отвечала девушка, — если б то была правда, вы бы пожалели меня и не заставляли бы страдать.

— Я употреблю все усилия, чтобы моя сестра была счастлива.

— О, если вы хотите сделать это, то это так легко! — отвечала она умоляющим голосом.

— Пусть моя сестра прикажет: я исполню все, что она хочет.

— В самом деле?

— Пусть моя сестра скажет, что она желает, — отвечал токи.

— Отпустите меня к отцу, к моим друзьям, — вскричала она, — и я буду благословлять вас! Я вечно буду благодарна вам!

Антинагуэль ничего не отвечал. Он никак не предполагал такой просьбы.

— Это невозможно, — сказал он. — Моя сестра — пленница. Она будет женою великого предводителя аукасов.

Услышав это страшное известие, девушка лишилась чувств. Если бы Антинагуэль не поддержал ее, она упала бы наземь. Токи бережно уложил

ее на ложе и кликнул сведущих во врачевание мозотонов, чтобы оказали ей помощь.

В это время послышался шум. Несколько человек приближалось к палатке. Вошел воин и доложил, что Черный Олень захватил пленника, называющего себя доном Рамоном Сандиасом. Антинагуэль быстро вышел наружу.

Итак, мы снова встречаемся с почтенным сенатором. Что же случилось с ним? Одиноким выехал он из Вальдивии на жалкой лошаденке. Бедное животное еле переступало, опустив голову и уши, словно разделяло печальные думы своего всадника. Сенатор, выезжая, был уверен, что ему не доехать по назначению. Будущность рисовалась ему в самом мрачном свете. Он выехал под страхом смертной казни, и ему казалось, что вот-вот какое-нибудь шальное ружье выстрелит в него из-за куста. Так как дон Рамон не мог противопоставить своим врагам силу, то он решил противопоставить им свою беззащитность. Потому он не взял с собой никакого оружия, кроме ножа. В нескольких верстах от Вальдивии его нагнал Жоан. Поравнявшись, индеец насмешливо поздоровался с ним, прищпорил лошадь и исчез в облаке пыли. Дон Рамон с завистью поглядел ему вслед.

— Как счастливы эти индейцы! — проворчал он сквозь зубы. — Они храбры, пустыня им что свой дом. Ах, — со вздохом прибавил он, — если бы я был теперь в *Каза-Азуль*, и я был бы счастлив!

У сенатора была славная усадьба. Стоило ли бросать из-за глупого честолюбия этот уютный белый домик с зелеными ставнями, окруженный тенистыми кустами! Чем дальше подвигался всадник, тем больше отчаивался он в удачном исходе путешествия. Несколько раз останавливался он, чтобы осмотреться вокруг, словно надеялся, что вот-вот выедет из заколдованного круга. Когда ему случалось ехать по опушке леса или по узкой тропинке между двумя горами, он боязливо осматривался по сторонам, а направляясь по подозрительной дороге, шептал:

— Ну, тут-то они и сторожат меня.

Миновав лес, пробравшись безопасно по ущелью, он и не думал радоваться, что выбрался живым-здоровым. Нет, он печально покачивал головою, приговаривая:

— О, шельмецы! Знают ведь, что мне не убежать от них, вот и играют со мной, как кошка с мышкой.

Но два дня прошли благополучно, ничто не подтверждало подозрений сенатора. Дон Рамон поутру переехал вброд через Карампанг и быстро приближался к Биобио, надеясь доехать до этой реки на закате. Река

Биобио служит границей между Чили и Арауканией. Она не широка, но чрезвычайно быстра, бежит с гор, протекает по провинции Консепсьон и впадает в море. Переехав через Биобио, сенатор будет в безопасности: он поедет по чилийской земле. Но Биобио еще впереди. В этом-то и вся штука! На реке один только брод, немного ниже города Консепсьон. Сенатор хорошо знал эту местность, но тайное предчувствие шептало ему, что там-то и обрушатся на него все беды. К несчастью, у дон Рамона выбора не было: брод один, надо или направляться к нему или остаться в пустыне. Сенатор долго медлил, как Цезарь при знаменитом переходе через Рубикон, только причины медлительности были другие. Однако волею-неволею надо было решаться. Сенатор пришпорил коня, поручая свою душу всем святым. Пусть будет, что будет!

Измученная лошадь, почуяв близость воды, ободрилась и поскакала по направлению к броду, тропинкой, пробитой лисицами, мулами и пешеходами-индейцами. Хотя реки еще не было видно, шум воды уже был слышен. Дон Рамон огибал в это время лесистый холм, откуда по временам слышался странный шорох. Лошадь, испуганная не меньше всадника, насторожила уши и побежала скорее. Дон Рамон, едва дыша, со страхом оглядывался по сторонам. Он был уже близ брода, уже виднелась река, как вдруг раздался чей-то громкий голос. Сенатор мгновенно окаменел.

Около десятка индейских всадников окружили его. Это были воины Черного Оленя, товарища токи. Странное дело, как только первое оцепенение от ужаса прошло, сенатор почти совершенно успокоился. Теперь он знал, как вести себя. Опасность, которой он так страшился, наконец предстала перед ним, но не в столь ужасном виде, как он воображал. Увидя, что он в плену, сенатор приготовился разыграть роль самым наилучшим образом, так, чтобы индейцам и в голову не пришло, что он ехал с каким-нибудь поручением. Тем не менее он не смог удержаться от вздоха, видя, что до брода оставалось всего каких-нибудь двадцать шагов.

Итак, он избегнул все опасности единственно для того, чтобы потерпеть крушение у пристани. Черный Олень внимательно рассматривал его и наконец, взяв его лошадь под уздцы, как бы вспоминая что-то, сказал:

— Кажется, я видел уже этого бледнолицего.

— Правда, правда, предводитель, — отвечал сенатор, стараясь улыбнуться, — мы старые друзья.

— Я не друг испанцев, — резко отвечал индеец.

— То есть я хотел сказать, — поправился дон Рамон, — что я... что мы старые знакомые.

— Ладно! А что тут делал бледнолицый?

— Гм, — отвечал со вздохом сенатор, — я ничего тут не делал, я вовсе не сюда хотел попасть.

— Пусть бледнолицый отвечает яснее, его спрашивает предводитель, — сказал Черный Орел, наморщивая брови.

— Я именно это и хочу сделать, — отвечал дон "Рамон заискивающим тоном, — спрашивайте меня.

— Куда ехал бледнолицый?

— Куда? Право, я и сам не знаю, куда теперь' придется ехать. Я ваш пленник и в вашей власти. А вот' когда вы окружили меня, я хотел перебраться через Биобио.

— Хорошо, а потом?

— О, затем я хотел ехать в свою усадьбу и поселиться там навсегда.

— Конечно, бледнолицый ехал с каким-нибудь поручением от своих воинов?

— Я? — отвечал сенатор с самым простодушным видом, хотя и чувствовал, что эта роль не совсем удастся ему. — Кто пошлет меня с поручением? Я бедный мирный гражданин.

— Хорошо, — сказал Черный Олень, — мой брат очень ловко защищается, он прехитрый.

— Честью заверяю вас, предводитель! — начал дон Рамон.

— А где письмо? — вдруг спросил Черный Олень.

— Письмо? Какое письмо? Я ничего не понимаю.

— Письмо к начальнику Консепсьона, которое вы везли к нему.

— Я?

— Да.

— У меня нет письма.

— Мой брат хорошо говорит, но аукасские воины не бабы. Они найдут, что от них прячут. Пусть мой брат сойдет с лошади.

Дон Рамон повиновался. Сопrotивление было невозможно, да он и не думал сопротивляться. Когда он сошел на землю, лошадь увели; сенатор вздохнул, разлучаясь со своим конем.

— Пусть бледнолицый следует за мной! — приказал Черный Олень.

— Гм, — замялся дон Рамон, — куда ж мы это пойдём?

— К токи и Великому Орлу белых.

— О, — прошептал дон Рамон про себя, — дело плохо, навряд ли мне вывернуться!

Всадники с пленником скрылись в кустах, росших у подошвы холма. Подъем был довольно труден. Через четверть часа достигли они стана. Мы уже знаем, как известили о пленнике Антинагуэля. Он приказал позвать

генерала Бустаменте. Генерал тотчас же узнал дона Рамона.

— А, почтеннейший друг мой! — воскликнул он. — Как вы попали сюда?

— Как я рад, что встретил вас! — отвечал сенатор, натужно улыбаясь. — Признаюсь, я не надеялся на такое счастье.

— Скажите пожалуйста! Куда же это вы направлялись? И притом один?

— Я ехал домой, в свою усадьбу.

Генерал и Антинагуэль обменялись потихоньку несколькими словами.

— Не угодно ли вам отправиться с нами, дон Рамон, — сказал генерал. — Токи желает поговорить с вами.

Дон Рамон понял, что это приглашение равносильно приказанию. Все трое вошли в палатку, где спала донья Розарио, оправившись от обморока. Воины, захватившие сенатора, остановились у входа в ожидании приказаний.

— Итак, — начал снова генерал, когда они вошли, — вы говорите, что ехали домой?

— Да, генерал.

— То есть в Каза-Азуль?

— Увы, генерал!

— О чем вы вздыхаете? Никто не помешает вам; отправиться дальше хоть сейчас.

— В самом деле? — вскрикнул сенатор.

— Конечно. Это зависит от вас самих.

— Как так?

— Отдайте токи письмо, которое вы везли от дона Тадео де Леона генералу Фуэнтесу в Консепсьон.

— О каком письме вы изволите говорить, генерал?

— О том, которое, вероятно, у вас в кармане.

— У меня?

— Да, у вас.

— Вы ошибаетесь, генерал, у меня нет никакого поручения к генералу Фуэнтесу.

— В самом деле?

— Честное слово.

— А вот токи думает иначе. Что вы скажете на это, предводитель?

— Он лжет, у него есть письмо, — сказал Антинагуэль.

— В этом легко убедиться, — холодно сказал генерал. — Черный Олень, пожалуйста, любезный друг, повесьте этого кавалера на первом

дереве, привязав за большие пальцы; пусть повисит, пока не скажет, где у него приказ.

Сенатор затрепетал.

— Заметьте, — усмехнулся генерал, — мы не подвергаем вас неприятности быть обысканным.

— Пожалуйте, — сказал Черный Олень, кладя руку на плечо сенатора.

Сенатор отскочил в сторону и совершенно растерялся.

— Позвольте, — залепетал он, — я, кажется, вспомнил. Действительно, у меня есть письмо, но я не знаю, что в нем заключается.

— Вот видите! А кому оно адресовано?

— Кажется, генералу Фуэнтесу. Но если я отдам вам письмо, вы отпустите меня?

— О, теперь другое дело. Если бы вы добровольно выдали письмо, тогда были бы свободны, но теперь...

— Однако...

— Подайте письмо!

— Вот оно! — сказал сенатор, вынимая письмо из-за пазухи.

Генерал взял бумагу, быстро прочел ее и, отведя Антинауэля в сторону, стал о чем-то с ним говорить. Наконец, генерал возвратился к сенатору. Его брови были насуплены, глаза сверкали. Дон Рамон струсил, сам не зная почему.

— Итак, — начал генерал, — в благодарность за мое доверие вы решились предать меня.

— Честное слово, генерал, — начал было сенатор, — я...

— Молчать! Шпион! — закричал генерал. — Вы хотели продать меня моим врагам, но Богу не угодно, чтоб ваш черный замысел удался. Готовьтесь к смерти, ваш час настал.

Сенатор был уничтожен. Он не мог ни слова вымолвить.

— Увести его! — сказал Антинауэль.

Бедняк напрасно отбивался руками и ногами. Воины поволокли его, несмотря на стоны и крики. Черный Олень притащил его к огромному дубу, который рос у подножия холма. Тут дон Рамон собрал все силы, вырвался из рук своих палачей и бросился со всех ног. Куда он бежал? Куда глаза глядят, лишь бы только скрыться от своих мучителей. Но силы скоро оставили его, и он упал. Когда индейцы схватили сенатора, он был уже полумертвый. Глаза вылезли из орбит, он глядел, не понимая, что делается вокруг. Только нервная дрожь указывала, что он еще жив.

Индейцы накинули ему на шею петлю и потащили к дубу. Он уже не сопротивлялся. Когда его вешали, он уже умер со страху.

Знать, не судьба была дону Рамону воротиться в Каза-Азуль!

Восемнадцатая глава. АУКА-КОЙОГ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖЕРТВА

Трагическая кончина сенатора была следствием его двуличия. Если бы генерал отпустил его под честное слово, он бы снова продал его. Необходимо было, во-первых, сохранить в тайне, что индейцы засели на холме. От этого зависел успех войны. Нет сомнения, что освобожденный дон Рамон под угрозами противной стороны выдал бы ей эту тайну. С другой стороны в войске, которому приходится делать быстрые передвижения, трудно уберечь важного преступника, он всегда найдет случай убежать.

Тотчас после казни сенатора гонцы оповестили предводителей, чтобы они собрались на *аука-койог* (военный совет) перед палаткой великого токи. Вскоре тут собралось около тридцати ульменов и апоульменов. Они важно уселись на бычьих черепахах и ждали прихода токи. Антинагуэль вскоре явился в сопровождении генерала Бустаменте. При появлении токи все предводители встали, почтительно поклонились ему и снова уселись. В руках Антинагуэля было письмо. Он церемонно раскланялся с предводителями и начал так у

— Ульмены, апоульмены и вожди четырех утал мапусов арауканского союза, я созвал вас, чтобы про честь письмо, отнятое у шпиона, которого я приказа повесить. Это письмо, я думаю, заставит нас изменить план набега. Наш союзник, Великий Орел белых, в объяснит вам. Пусть мой брат прочтет, — прибавил он, обращаясь к генералу и подавая письмо.

Генерал, спокойно стоявший подле токи, взял письмо и начал читать:

— «Любезный генерал!

Я предложил на рассмотрение совета, собранного в Вальдивии, возражения, которые вы считали долгом сделать мне насчет плана войны, первоначально мною принятой. Ваши замечания найдены справедливыми, и вследствие этого указанный план подвергся изменениям согласно вашим замечаниям. Соединение наших отрядов признано бесполезным. Вы будете по-прежнему защищать провинцию Консепсьон, расположившись по Биобио, но не переходя этой реки до нового приказа. Я же с семью тысячами, собранными мною, пойду на Арауко, который займу и разрушу, равно как и другие арауканские поселения, лежащие на моем пути. Этот план тем более удобен для нас, что, по известиям верных лазутчиков,

неприятель ничего не знает о наших намерениях и полагает, что легко может напасть на нас. Подателя сего письма вы знаете. Надеюсь, что его ничтожность поможет ему пробраться через неприятельскую линию. Трудно предположить, чтобы арауканцы заподозрили, что такому неспособному человеку поручено важное дело. По прибытии его к вам вы позволите ему отправиться в усадьбу, предупредив его, чтоб он никуда не смел выезжать без моего особого дозволения.

Молю Бога, да сохранит Он Вас, генерал, в добром здоровье для блага отечества!

*Дон Тадео де Леон,
диктатор и главнокомандующий».*

Предводители выслушали это письмо с великим вниманием. Когда генерал окончил чтение, начал говорить Антинагуэль:

— Это письмо написано особыми знаками, которые удалось разобрать нашему бледнолицему брату. Что думают об этом ульмены?

Тогда, посреди всеобщего молчания, встал один из прежних токи, почтенный старец, славившийся своей опытностью и мудростью.

— Бледнолицые прехитрый народ, — сказал он. — Они лукавы, как лисицы, и свирепы, как ягуары. Это письмо хитрость. Белые думают, что аукасы поверят ему и оставят занимаемую ими удобную местность. Но аукаские воины мудрый народ, они посмеются над затеями гуников и останутся у брода через Биобио. Успех войны зависит от этого. Сообщения белых между собою прерваны. Они теперь что змея, разрубленная топором. Они не могут соединиться, как ни стараются. Аукасы должны остаться на том месте, где засели. Я сказал. Хорошо ли я говорил, сильные мужи?

Эта речь, сказанная твердым голосом одним из самых уважаемых предводителей, произвела некоторое действие на собрание.

— Предводитель хорошо говорил, — подтвердил генерал, который желал, чтоб его план вторжения в чилийскую область был исполнен. — Я совершенно согласен с ним.

Тогда встал другой предводитель и начал говорить в свою очередь.

— Правду сказал мой отец, — начал он, — белые прехитрый народ. Эти трусливые лисицы умеют только умерщвлять жен и детей и бегут при виде аукаского воина. Но это письмо говорит правду, так именно они и думают. То, как попало к нам в руки это письмо, как оно написано, и человек, с которым оно послано, — все это говорит в пользу того, что письмо настоящее. Надо послать разведчиков во все стороны, разузнать, что делают бледнолицые. Подождем, пока вернутся посланные, станем действовать согласно известиям, какие они привезут нам. Тогда и увидим,

правда ли написана в письме или нет. Предводители! У всех у нас есть жены и дети, и мы должны позаботиться об их безопасности. Нельзя нам нападать на неприятельскую землю, оставив друзей и родных без защиты. Притом тайна нашего предприятия известна врагам. Будем мудры, предводители, чтобы нам самим не попасть в яму, которую готовим врагам. Я сказал, пусть мои братья размыслят. Хорошо ли я говорил, сильные мужчины?

Предводитель сел. Его речь произвела большое впечатление. Многие склонились к его мнению. Арауканцы народ чадолюбивый. Мысль, что их дети и жены останутся без защиты, сильно обеспокоила их. Генерал Бустаменте жадно следил за ходом прений. Он понимал, что, если вместо того, чтобы вторгнуться в Чили, арауканцы пойдут назад, — его дело пропало. А потому он поспешил вставить свое слово.

— То, что сказал мой брат, — начал он, — справедливо, но это только предположение. У белых не такое сильное войско, чтобы они посмели вторгнуться в арауканскую землю. Они поспешат на помощь богатым провинциям, которым грозит война. Пусть мои братья оставят тут тысячу воинов для защиты брода, а сами, как настанет ночь, смело перейдут через Биобио. Я ручаюсь за успех: они дойдут до Сант-Яго, гоня перед собою испуганную толпу. Я уверен, что письмо, отнятое у шпиона, ложное и что генерал Фуэнтес не знает, что мы так близко. Успех зависит от быстроты движения. Станем медлить, повредим себе, вернемся — все потеряем, пойдем вперед — и победа наша! Я сказал. Хорошо ли я говорил, сильные мужчины?

— Мой брат опытный воин, — сказал Антинагуэль. — План, который он предлагает, доказывает его опытность. Как и он, пока не будет новых доказательств, я думаю, что письмо ложное. А потому, не думая о слабом и далеком неприятеле, который позади нас, мы должны сегодня же ночью вторгнуться в чужую землю.

Генерал вздохнул, он выиграл дело. Все предводители, кажется, готовы были согласиться с мнением Антинагуэля. Вдруг пришел товарищ токи, Черный Олень. Он был весьма взволнован и напрасно старался скрыть свое волнение.

— Что случилось? — спросил его токи.

— Прискакали гонцы, — отвечал Черный Олень.

— Ну! С какими вестями? — нетерпеливо спросил токи.

— Они говорят в один голос, что значительные силы с пушками вторглись в Арауко.

При этих словах всколыхнулось все собрание.

— Это еще не все, — продолжал Черный Олень.

— Пусть мой брат говорит, — сказал Антинагуэль, подавая знак, чтоб все замолчали.

— Слушайте, — мрачно сказал Черный Олень. — Илликура, Бороа, Нагтольтен сожжены, жители умерщвлены. Другой отряд вторгся в равнины и опустошает их, как первый приморскую область. Вот какие вести привезли гонцы. Я сказал.

Теперь ульмены взволновались не на шутку. Раздались крики мести и отчаянья. Напрасно Антинагуэль пытался восстановить порядок. Наконец все само собой успокоилось и затихло. Тогда взял слово предводитель, который уже советовал воротиться.

— Чего вы ждете, предводители аукасов? — громко вскричал он. — Иль вы не слышите воплей ваших жен и детей? Они зовут вас на помощь. Иль вы не видите пламени, истребляющего ваши дома и нивы? К оружию, воины, к оружию! Теперь не время вторгаться в чужую землю, надо защищать свою. Медлить нельзя, пролитая кровь вопиет о мщении! К оружию, к оружию!

— К оружию! — закричали все, вскакивая. Невозможно описать шума и гама, возникшего во всем войске. Бустаменте печально пошел в тольдо. Антинагуэль — за ним и, обращаясь к донье Розарио, сказал:

— Моей сестре нельзя тут оставаться. Стан снимается. Она отправится с мозотонами, которым я прикажу защищать ее.

Девушка, не возражая, последовала за ним. Через несколько минут стан снялся, и аукасы оставили место, столь удачно выбранное их предводителем. По настоятельному требованию Бустаменте Антинагуэль оставил в засаде восемь сотен избранных воинов, под начальством Черного Оленя, для защиты брода в случае, если чилийцы вздумают перейти реку. При последних лучах солнца арауканские силы удалились, подымая густые облака пыли. Антинагуэль спешил по направлению к долине Кондарканки, куда он надеялся прийти раньше чилийцев и разбить их наголову, не дав им времени построиться в боевые порядки.

Черный Олень был мудрый воин, он понимал всю важность местности, которую ему поручили защищать. Как только настала ночь, он расставил по берегу стражу для наблюдения за действиями неприятеля. Он сам стоял за то, чтоб воротиться, под влиянием известий, привезенных гонцами. Но теперь, поразмыслив, склонялся к тому, что это была военная хитрость, что белые недолго останутся в Араукании, а поспешат на защиту своих провинций. Между одиннадцатью и полночью разъезды донесли, что длинная колонна всадников идет по чилийскому берегу, направляясь к

броду. Взошла луна, и уже не стало сомнения в правдивости этого известия. Вдали светился ряд длинных чилийских копий. У Черного Оленя было всего двести пятьдесят воинов, вооруженных ружьями. Он поставил их на берегу в первом ряду, а за ними расположил копейщиков. Но если при свете луны ему были видны неприятельские передвижения, то и неприятелю были видны его.

Когда чилийцы подъехали на ружейный выстрел, индейцы дали залп. Несколько человек упало. В это мгновение четыре пушки, скрытые на том берегу, выстрелили картечью, сея смерть и ужас между индейцами. Напрасно они старались сомкнуться. Второй залп снова опустошил их поредевшие ряды. А между тем сильный отряд чилийцев перешел реку вброд и яростно бросился на аукасов. Бой был неравный. Аукасы, несмотря на все усилия, принуждены были отступить, оставив на месте двести трупов. Напрасно несколько раз они пытались сомкнуться и дать отпор врагу. Их повсюду встречали чилийцы, и скоро отступление аукасов превратилось в совершенное бегство. Черный Олень дрался, как лев, но ничего не мог поделать. Его воины бросились во все стороны, и чилийцы остались победителями.

План дона Тадео удался вполне. Отряд генерала Фуэнтеса, отбив брод, вторгся в арауканскую землю. Таким образом, благодаря хитрости диктатора аукасы вместо того, чтобы напасть на неприятельскую страну, вынуждены были защищать свою. Война была перенесена в Арауканию. Теперь успех ее зависел от результата одного-единственного сражения.

Отряд, которым командовал генерал Фуэнтес, состоял из двух тысяч пехоты, восьми сотен конницы и шести пушек. Это значительная сила для этих стран, где малое народонаселение и где часто стоит больших трудов собрать ополчение вдвое меньшее. После того как войско перешло брод, а аукасы обратились в бегство, генерал разбил стан, чтоб дать солдатам отдохнуть, а затем отправиться на соединение с доном Тадео. Когда, отдав последние приказания, генерал хотел войти в свою палатку, перед ним возник индеец.

— Что вы хотите, Жоан? — спросил он.

— Так как Жоан больше не нужен великому предводителю, то он вернется к тому, кем был послан.

— Как хотите, мой друг. По-моему, вам лучше идти вместе с войском. Индеец покачал головою.

— Я обещал моему отцу вернуться немедленно, — сказал он.

— Отправляйтесь с Богом! Я не смею и не хочу вас удерживать. Вы расскажете дону Тадео все, чему были свидетелем. Письмо может

повредить вам, если вы попадетесь в плен.

— Я сделаю по приказанию великого предводителя.

— Прощайте! Желаю вам счастья! Главное, будьте осторожнее, не попадитесь в руки неприятеля.

— Жоан не попадется.

— Ну, прощайте! — и генерал вошел в палатку.

Жоан воспользовался этим позволением, чтоб тотчас же оставить стан. Ночь была темная, безмесячная. Индеец с трудом пробирался во мраке. Часто ему приходилось возвращаться и далеко обходить те места, которые казались ему опасными. Так он шел ощупью до утра. При первых лучах зари он пополз, как змея, в высокой траве, поднял голову и невольно содрогнулся. В темноте он забрел как раз в середину арауканского стана. Здесь стояли остатки отряда Черного Оленя, составлявшие сторожевой полк войска Антинагуэля, костры которого видны были вдали.

Но Жоан был не таков, чтобы растеряться. Он видел, что часовые не заметили его, и надеялся выбраться живым и здоровым из западни, в которую попал. Он нимало не обманывал себя насчет опасности своего положения. Но смотрел на дело хладнокровно и решился приложить все усилия, чтобы спастись. Поэтому, подумав немного, он стал ползти по направлению, противоположному тому, которого держался до сих пор, останавливаясь по временам и прислушиваясь. Несколько минут все шло благополучно. Нигде ничто не шевелилось, все было тихо в стане. Жоан вздохнул свободнее. Еще несколько шагов, и он был бы вне опасности. К несчастью, Черный Олень объезжал в это время стражу. Товарищ токи направил лошадь прямо к нему.

— Мой брат, должно, устал, — сказал он насмешливо. — Давно он ползет по траве, словно гадюка, пора бы ему пойти как-нибудь иначе.

— А вот увидишь, как я пойду, — отвечал Жоан хладнокровно.

Как пантера, вскочил он на хребет лошади и схватил предводителя, прежде чем тот успел что-либо сообразить.

— На помощь! — громко закричал Черный Олень.

— Еще слово, и я убью тебя! — пригрозил Жоан. Но было уже поздно. Крик предводителя был услышан, толпа всадников бросилась ему на помощь.

— Трусливая собака! — сказал Жоан, видя, что пропал, но еще не отчаиваясь. — Вот же тебе!

И он ударил его в спину отравленным кинжалом и сбросил предводителя на землю, где тот умер почти мгновенно. Жоан решил прорвать кольцо, ударил лошадь коленями и пустился во всю прыть

навстречу тем, которые хотели задержать его. Это было просто безумие. Один из всадников выстрелил из ружья, и пуля попала в голову лошади. Та пала, увлекая за собою Жоана. Двадцать воинов бросились и связали его по рукам и по ногам. Нечего было и думать о сопротивлении. Ему удалось, однако, спрятать кинжал, которого индейцы и не искали, полагая, что он бросил свое оружие, в то время как это было оружие убитого.

Смерть Черного Оленя, одного из самых знаменитых воинов своего народа, навела ужас на арауканцев. Один из ульменов тотчас принял на себя командование отрядом. Жоан и чилийский солдат, захваченный в схватке у брода, были отправлены в стан Антинагуэля. Токи был сильно опечален смертью Черного Оленя. Он потерял не только друга, но важного помощника свою правую руку. Переход чилийцев через Биобио навел ужас на арауканцев. Антинагуэль, чтоб пробудить в них мужество, приказал принести пленников в жертву Гекубу, злему духу. Подобное жертвоприношение все реже и реже совершается арауканцами.

Но иногда они прибегают к нему, чтобы утратить своих врагов и показать им, что будут драться не на живот, а на смерть. Время не терпело, нужно было немедленно идти в поход. Антинагуэль приказал тотчас совершить ритуальный обряд.

На некотором расстоянии от стана главнейшие ульмены стали в кружок, в середине которого была воткнута секира токи, знак его предводительства. Были приведены пленники. Они не были связаны, но в знак презрения посажены на безухих и бесхвостых лошадей, Жоана, как главного виновника, должны были казнить последним. Сначала пусть полюбуется, какая смерть ожидает его. Но и в эту роковую минуту храбрый индеец не пал духом и не терял надежды спастись.

Пленный индеец был бравым солдатом, который знал арауканские нравы и представлял, какой род смерти ожидает его. Он решил умереть бесстрашно. Его поставили подле секиры, лицом к чилийской границе, чтобы он сильнее почувствовал горечь утраты своей родины, которой ему уж не видать больше. Ему дали в руки пучок прутьев и заостренный кол. Колом он рыл ямки и втыкал в них постепенно прутья, называя по именам убитых им арауканских воинов. Произнося каждое имя, солдат насмехался над своими врагами. На эти насмешки индейцы отвечали страшными проклятиями. Когда все прутья были воткнуты, Антинагуэль подошел к пленнику и сказал:

— Гуинка храбрый воин. Пусть он засыплет ямки землею, чтобы слава и доблести, совершенные им в продолжение жизни, были погребены здесь.

— Ладно, — отвечал солдат, — но скоро, на беду свою, вы узнаете, что

в Чили много солдат похрабрее меня.

И он зарыл ямки землею. Затем токи знаком приказал ему стать подле секиры. Солдат повиновался. Антинагуэль поднял свою булаву и раздробил ему череп. Несчастный упал. Жизнь еще не совсем покинула его, и тело солдата подергивали судороги. Два колдуна бросились на него, распластали ему грудь, вынули еще трепещущее сердце и поднесли токи. Токи пососал крови и передал сердце ульменам, которые сделали то же. В это время воины бросились на труп и разрубили его на части. Из длинных костей они наделали дудок, взяли за руки и, насадив голову пленника на копьё, стали плясать вокруг нее, распевая грозную песню и свистя в страшные дудки. Это отвратительное действие опьянило арауканцев. Они скакали и выли, как бешеные, и, кажется, забыли совершенно о другом пленнике, которому готовили ту же участь.

Но Жоан, несмотря на наружное спокойствие, держал ухо востро. Когда отвратительная сатурналия достигла высшей точки, он решил, что настало время бегства, пришпорил лошадь и пустился по равнине. Этот дерзкий поступок до того поразил арауканцев, что они дали время Жоану ускакать довольно далеко и разогнать лошадь. Опомнившись, они погнались за ним. Жоан изо всех сил погонял лошадь, но видел, что аукасы настигают его. Он скакал на неважной лошаденке, между тем как погоня неслась на первостатейных скакунах. Жоан понял, что если он будет скакать по равнине, то пропадет. И повернул к лесистому холму, на который нельзя было взобраться на лошади. Он правил как можно ближе к холму и встал на седло.

Аукасы нагоняли его со страшными криками. Еще несколько мгновений, и они бы настигли его. Но Жоан успел ухватиться за сук ветвистого дерева и скрылся в листве, лошадь же продолжала скакать дальше. Аукасы, увидав это, вскрикнули от досады. Они не могли остановить тотчас же разгоряченных лошадей, а Жоан тем временем прыгнул в кусты и побежал в гору. Но аукасам не хотелось упускать своего пленника. Они остановили лошадей, и человек двенадцать, самых смелых и проворных, бросились по следам Жоана. Но тот успел уже далеко убежать и продолжал взбираться на гору, цепляясь руками и ногами, останавливаясь только, чтобы перевести дух. И вдруг он увидел, что погиб, что все его усилия пошли прахом! Его враги, вместо того чтобы идти по его следам, рассыпались полукругом и постепенно стягивались, чтобы окружить бедного Жоана и увидеть, как он запутается, словно муха в паутине. Он понял, что дальше бежать бессмысленно, и тотчас пришло решение. Он прислонился к дереву, вынул кинжал и решил убить как можно больше

врагов, а затем и самого себя. Аукасы приближались, потрясая копьями и булавами, с криками победы. Увидев, что Жоан смело стоит под деревом и глядит им прямо в глаза, они остановились на мгновение, точно в помешательстве, а затем все сразу бросились на него. Они были всего в пятидесяти шагах. В эту страшную минуту Жоан услышал, как кто-то шепнул ему на ухо:

— Наклоните голову.

Он повиновался, не понимая, что происходит. Раздалось четыре выстрела, и четверо индейцев, мертвые, повалились наземь. Придя в себя при виде этой нежданной помощи, Жоан прыгнул вперед и заколол кинжалом еще одного. В это время опять раздалось выстрелы, и снова упало четверо индейцев. Остальные, испуганные, с криками бросились назад.

Жоан был спасен. Он оглянулся, чтоб узнать, кто были его спасители, и увидел Валентина, Луи и двух индейских предводителей. А верный Цезарь душил раненого индейца, который подавал еще признаки жизни. Четверо друзей издали наблюдали за станом Антинагуэля, видели, как Жоан бросился бежать, и поспешили ему на помощь.

— Ну, дружище, — заметил Валентин, — вы и не ожидали ничего подобного, а? Еще минута, и вам пришлось бы плохо.

— Спасибо, — сказал с достоинством Жоан, — я ваш вечный должник.

— Я думаю, нам следует немедля уходить, — заметил Луи. — Аукасы вернутся, чтоб отомстить.

— Дон Луис прав, — подтвердил Трантоиль Ланек, — нельзя терять времени.

И все пятеро отправились в путь. Но они напрасно боялись. Антинагуэль, узнав о случившемся от воротившихся воинов, подумал, что гора занята сильным чилийским отрядом. Место, где он расположился станом, было неудобно для сражения, и токи велел войску сняться. Таким образом, он направился в одну сторону, а наши друзья — в другую. Курумила, который шел позади, известил об этом своих друзей. Они тут же повернули и пошли следом за арауканским войском, но на таком расстоянии, чтобы их нельзя было обнаружить. Когда они остановились на ночь, Валентин расспросил Жоана обо всем случившемся со времени их разлуки.

На рассвете, взяв письмо Луи к дону Тадео, Жоан отправился отыскивать чилийцев, чтоб сообщить диктатору о движении генерала Фуэнтеса.

Девятнадцатая глава. КОВАРСТВО

Дон Тадео произвел весьма искусную и быструю передислокацию войск. Его левое крыло простиралось до моря, средний полк находился в Арауко, столице арауканского союза, а правое углублялось в горы, так что сообщение между отрядами неприятеля было отрезано и по соединении генерала Фуэнтеса с диктатором аукасы очутятся между двумя огнями. Сначала диктатор предполагал сделать только ложное движение на Арауко, полагая, что в столице оставлено войско на ее защиту. Но отряды, посланные туда, нашли, что она совсем не защищена, оставлена жителями, и овладели ею почти без выстрела. Тогда дон Тадео приказал устроить там небольшое укрепление и оставил в нем гарнизон в триста человек под командованием майора. Сам же продолжал идти вперед. Войска чилийцев были растянуты от моря до гор и неуклонно шли вперед, разрушая и сжигая индейские гольдерии. Жители их в испуге бежали при приближении войск.

Антинагуэль, однако, поступил опрометчиво, оставив занятую им выгодную позицию у брода через Биобио, и позволил, таким образом, генералу Фуэнтесу вторгнуться в Арауканию. Бустаменте был в отчаянии, видя эту ошибку токи, ошибку, которую тот понял только тогда, когда уже не было возможности ее исправить. Генерал Бустаменте понимал, что его дело проиграно. Он знал, что ему остается только умереть с оружием в руках и что надежда возратить утраченную власть погибла навсегда. Готовилась ие-ми1гуемая и скорая развязка.

Антинагуэль хотел углубиться в горы, но тщетно. Все его усилия привели только к тому, что он очутился окруженным тремя отрядами чилийских войск. Отряды эти смыкались все больше и больше, и Антинагуэлю нельзя было даже выбрать удобной позиции, ему придется сражаться там, где этого захочет неприятель. Дон Грегорио Перальта замыкал ему проход со стороны моря, дон Тадео де Леон — со стороны Арауко, а генерал Фуэнтес защищал проход в горы и к Биобио. Все эти движения продолжались две недели, в продолжение которых были только стычки и небольшие перестрелки, но не происходило ничего серьезного.

Дон Тадео хотел решить все одним ударом, одной битвой. В тот день, когда мы возобновляем наш рассказ, арауканцы и чилийцы были в виду друг друга. Передовые отряды их находились почти на ружейный выстрел один от другого. На следующее утро неминуемо должно было последовать

сражение. Дон Тадео, дон Грегорио, генерал Фуэнтес и другие высшие военачальники собрались на совет в палатке дона Тадео. Вдруг послышались трубы. Чилийцы ответили на этот призыв. Адъютант вошел в палатку и доложил, что великий предводитель аукасов просит свидания с главнокомандующим чилийских войск.

— Не ходите, дон Тадео, — сказал генерал Фуэнтес, храбрый воин, который ненавидел индейцев. — Тут какая-нибудь западня.

— Я так не думаю, генерал, — отвечал диктатор. — Как главнокомандующий, я обязан по возможности избегать излишнего кровопролития, и потому я пойду на переговоры. Но это не мешает мне быть благоразумным и принять все меры предосторожности.

Местом переговоров было избрано небольшое возвышение как раз между двумя станами. Чилийское знамя и арауканское были водружены в двадцати шагах друг от друга. У одного знамени стояло сорок аукасов, вооруженных копьями, у другого столько же чилийцев с ружьями. При каждом отряде был трубач. Когда эти меры предосторожности были приняты, дон Тадео отправился в сопровождении двух адъютантов, Антинагуэль пришел с двумя ульменами. Дойдя до своих отрядов, оба предводителя приказали своим офицерам остановиться, а сами подошли друг к другу. С минуту они молча глядели друг на друга. Антинагуэль заговорил первый.

— Аукасы знают и уважают моего отца, — сказал он, вежливо кланяясь. — Им известно, что он добр и любит своих детей, индейцев. Облако встало между ним и его детьми — ужели его нельзя разогнать? Разве необходимо, чтобы кровь обоих великих народов лилась, как вода, из-за недоразумения? Пусть мой отец отвечает.

— Предводитель, — ответил дон Тадео, — белые всегда покровительствовали индейцам. Часто давали им оружие для охоты, семена для посева, теплые ткани для защиты от зимней стужи. Но аукасы неблагодарный народ. Когда несчастье проходит, они забывают сделанное для них. Почему они подняли оружие против белых? Разве белые обидели их? Загнали к себе их скот или потоптали их жатву? Нет, аукасы не могут сказать этого. Еще недавно токи, с которым я теперь говорю, торжественно возобновил с белыми мирный договор, а теперь вероломно нарушил его. Пусть предводитель отвечает в свою очередь. Я готов выслушать, что он может сказать в свою защиту.

— Предводитель не станет защищаться, — миролюбиво сказал Антинагуэль. — Он сознает свои проступки и готов принять условия, какие угодно будет предложить ему бледнолицым отцом, если только они не

будут касаться его чести.

— Скажите сперва, какие ваши условия, предводитель. Я посмотрю, справедливы ли они, можно ли их принять, или мне нужно будет предложить вам другие.

Антинагуэль колебался.

— Мой отец знает, — сказал он наконец вкрадчивым голосом, — что его дети индейцы простодушный народ. Они легковверны. К ним пришел великий предводитель белых, обещал им много земли и другие блага, если они помогут ему возратить потерянную власть. Индейцы — дети, они поверили этому лукавому человеку и восстали, чтоб защищать его. Но теперь они раскаялись и готовы, если мой отец желает этого, выдать обманщика, который поставил их на край пропасти. Что скажет мой отец?

Дон Тадео насилу удержался от выражения негодования, услышав это бесчестное предложение.

— Предводитель, — сказал он с плохо скрытым пренебрежением, — так в этом-то и состоят ваши условия? Вы хотите исправить свое вероломство новым клятвopреступлением? Человек, о котором вы упомянули, преступник, он заслуживает смертной казни. Если он попадет в мои руки, я его немедленно расстреляю. Но этот человек искал убежища у вашего очага. Гостеприимство священо, в том числе и для аукасцев. Выдать гостя, человека, который спал с вами под одной кровлей, как бы виновен он ни был, — это низость, и этого сраму ничем не смоет ваш народ. Аукасы — мужи свободные, они не терпят измены. Я уверен, что это предложение — ваше личное дело, а не дело народа.

Антинагуэль насупил брови и гневно посмотрел на дона Тадео. Тот спокойно и гордо встретил этот взгляд. Однако токи тотчас овладел собой и с нарочитым смирением сказал:

— Пусть мой отец простит меня, я виноват. Пусть он скажет свои условия.

— Вот мои условия: арауканское войско сложит оружие; бледнолицая девушка, похищенная токи, будет сегодня же возвращена; в обеспечение мира токи и двенадцать главнейших апоульменов останутся заложниками до тех пор, пока я не найду, что их можно отпустить.

Улыбка презрения обозначилась на тонких губах Антинагуэля.

— Мой отец не предложит менее тягостных условий? — спросил он.

— Нет, — твердо отвечал дон Тадео, — это мои единственные условия.

— Нас десять тысяч воинов, готовых умереть. Пусть отец не доводит нас до крайности, — мрачно сказал Антинагуэль.

— Завтра это войско падет под ударами моих солдат, как колосья под серпом жнеца. Оно будет развеяно, как сухие листья осенним ветром.

— Слушай же ты, кто осмеливается предлагать мне такие условия, — отвечал предводитель, засовывая правую руку за пазуху, — знаешь ли ты, кто я, унижавшийся сейчас перед тобой. И кого ты в своей гордости хотел раздавить как червя?

— Что мне до этого за дело? Я не должен больше ничего слушать.

— Постой! Я праправнук токи Кадегуаля. Между нами наследственная месть, и я поклялся, что убью тебя, собака, трус, вор!

И мгновенно выхватил кинжал из-за пазухи и ударил им в грудь дона Тадео. Но дон Тадео своей железной рукой сжал руку убийцы, а кинжал, как стекло, сломался о латы, которые из предосторожности были надеты диктатором, опасавшимся измены. Рука токи разжалась и повисла, как мертвая.

Чтобы объяснить нашим читателям, что за наследственная ненависть существовала между Антинагуэлем и доном Тадео, надобно рассказать, что случилось около трехсот лет назад. Когда испанцы завоевали Чили и обратили в рабов тамошних туземцев, они хотели так же завоевать Арауканию и вторглись в эту землю. Токи Кадегуаль, предок Антинагуэля, созвал на равнине Карампанга ауккойог. На этом совете он был назначен великим токи всех четырех уталь-мапусов и во главе многотысячной арауканской армии сразился с испанцами. Токи остался победителем, белые обратились в бегство. Много бледнолицых попало в плен. Среди них был и знатный дворянин дон Эстебан де Леон. Токи Кадегуаль мог, пользуясь своим правом, убить его, но он не только не причинил ему никакого вреда, но даже взял его в свою тольдеррию и обращался с ним, как с братом. Дону Эстебану удалось бежать. Через некоторое время уже Кадегуаль, раненый, попался в плен и очутился в свою очередь в руках дона Эстебана де Леона. Испанец узнал в нем человека, некогда пощадившего его, но заплатил злом за добро. Он приказал отрубить у Кадегуаля два больших пальца на руках, выколоть глаза и в таком виде отпустил его домой. Слепой токи, вернувшись к себе, собрал всех своих родственников, показал свои раны и взял с них клятву отомстить. С тех пор между двумя семействами возгорелась страшная вражда, унаследованная и их потомками. До сих пор перевес был на стороне Леонов. В настоящее время оставался только один представитель этого семейства, именно дон Тадео. Лично он не нанес ни малейшего вреда аукасам и не жаждал мести. Но не таков был Антинагуэль. Он давно дожидался своего часа и решил, что час этот настал. Во что бы то ни стало он должен был погубить последнего из

Леонов.

Теперь возвратимся к прерванному рассказу.

Солдаты, увидев, что жизнь диктатора в опасности, поспешили к нему на помощь. Дон Тадео остановил их движением руки.

— Не стреляйте, — сказал он, — этот негодяй достаточно наказан тем, что его покушение не удалось, и, стало быть, он напрасно унижался передо мною. Ступай, убийца, — прибавил он с презрением, — возвращайся, покрытый срамом, к твоим воинам. Мои предки ненавидели твоих, но то были храбрые воины, а ты выродок. Ты слишком ничтожен, чтоб тебя бояться. Я мщу тебе тем, что, осрамленному, я дарую тебе жизнь и даже не наказываю тебя за твое коварство. Прочь отсюда, негодная собака!

С этими словами дон Тадео повернулся и в сопровождении солдат удалился.

— О, — вскричал Антинагуэль, топая в ярости, — еще не все кончено! Завтра моя очередь!

И тоже вернулся в свой стан.

— Ну, — спросил его дон Панчо Бустаменте, — чего вы добились от него?

— Чего я добился? — мрачно ответил предводитель, показывая сломанную руку. — Этот человек осрамил меня. Кинжал сломался о его латы, и он мне вдобавок сломал руку — вот чего я добился.

— Завтра битва, — отвечал генерал. — Еще не все погибло. Может быть, завтра и придет час мщения.

— Должен прийти! — вскричал токи. — Пусть погибнут все мои воины, но этот человек будет в моих руках.

И, не говоря больше ничего, токи заперся в своей тольдо с доверенными предводителями, чтобы обдумать план мщения.

Дон Тадео, с своей стороны, вернулся в свою палатку.

— Не говорил ли я вам, — заметил ему генерал Фуэнтес, — что на них нельзя полагаться?

— Ваша правда, генерал, — с улыбкой отвечал дон Тадео, — Бог спас меня. Негодяй наказан по заслугам.

— Нет, — возразил генерал, — когда змея попадет на дороге, ее надо раздавить, не то она укусит. Вы имели полное право защищаться. Ваше снисхождение просто глупость. На индейца положиться нельзя: сегодня вы его простили, завтра он убьет вас.

Дон Тадео сидел в глубокой задумчивости, ни слова не отвечая на слова генерала. Скоро настала ночь. В стане развели костры. Все было тихо на равнине, где мирно спали тысячи человек, готовых на следующий день

не щадить друг друга.

Наступило утро 10 октября — арауканцы называют этот месяц на своем образном языке Кута-Пенкен, то есть время больших побегов. Солнце вставало в густом тумане над равниной Кондорканки. Эта равнина некогда принадлежала Тупак-Амеру, последнему перуанскому вождю инков, который назвал ее Кондорканки — долиной кондоров. Кондор считался священной птицей у инков.

Едва первые лучи начали золотить вершины гор, как раздались звуки труб и барабанов, разбудившие диких зверей в их логовищах. В это же время появилось над долиной огромное стадо стервятников и кондоров, привлеченных инстинктом; они с резким криком покружились над пустынной еще долиной, а затем уселись на вершинах скал, где с полузакрытыми глазами стали точить клювы в ожидании кровавого пира:

Арауканские воины гордо выходили из стана и строились в боевые порядки. У арауканцев по неизменной традиции пехота составляет средний полк, конница два крыла. Пехота состоит из воинов, вооруженных копьями и булавами. Приближенный к токи предводитель, как бы заместитель его, командует правым крылом, один из апоульменов — левым. Сам токи ездит во время боя по рядам и возбуждает воинов храбро постоять за свободу. К чести воинов, надо прибавить, что предводителям скорее приходится утишать их пыл, чем возбуждать его. Для аукаса нет большей чести, чем пасть в бою.

Черный Олень, правая рука токи, как известно, был убит, а потому Антинагуэль приказал командовать правым крылом одному из апоульменов, а левое поручил генералу дону Панчо Бустаменте. В стане осталось только пятьдесят мозотонов для защиты доньи Розарио. Им был отдан приказ, в случае, если сражение будет проиграно, прорваться сквозь ряды неприятеля и спасти девушку во что бы то ни стало.

Арауканское войско, ставшее в вышеописанный боевой порядок, имело грозный и внушительный вид. Любо было поглядеть на него. Все эти воины знали, что их дело плохо, что они идут почти на верную смерть, и тем не менее спокойно, с блестящими от возбуждения глазами ждали битвы. Антинагуэль, правая рука которого была на ременной перевязи, левой потрясал огромной булавой. На вороном коне разъезжал он по рядам, называя главнейших воинов по именам, напоминал им прежние подвиги и воспламенял к новым.

Чилийская армия была построена в каре. В то время, когда дон Тадео выходил из своей палатки, он вскрикнул от радости, узнав двух человек, которых никак не ожидал увидеть.

— Дон Луис! Дон Валентин! — вскричал он, пожимая им руки. — И вы здесь? Какое счастье!

— Как видите, и мы успели, — отвечал, смеясь, Валентин. — И Цезарь с нами, ему тоже хочется подраться с аукасами. Так ли, собачка, а? — прибавил он, лаская пса, который махал хвостом и смотрел на него своими умными глазами.

— Мы думали, — добавил Луи, — что в такой день, как сегодня, лишних тут быть не может, а потому, оставив предводителей недалеко в кустах, отправились к вам.

— Благодарю вас от всего сердца. Надеюсь, вы останетесь со мною.

— Еще бы! Мы за тем и пришли! — сказал Валентин.

Дон Тадео приказал каждому из них привести по боевому коню, и все трое поскакали к первому каре, сопровождаемые умным Цезарем, и поместились в середине отряда.

Равнина Кондорканки, где дону Тадео удалось окружить индейцев, представляет собой огромный треугольник. На ней почти нет деревьев. Аукасы занимали вершину треугольника и были сжаты между морем и горами. В этом положении их многочисленной кавалерии почти невозможно было действовать.

Двадцатая глава. БИТВА НА РАВНИНЕ КОНДОРКАНКИ

Диктатор обнажил шпагу.

Загремели барабаны, зазвучали флейты, и чилийское войско ускоренным шагом пошло вперед, держа ружья наперевес. Как только был подан знак начать битву, арауканцы бросились вперед со страшными криками. Когда они были уже близко, чилийские ряды расступились и грянул залп картечи, уничтоживший первые ряды арауканцев. Затем каре сомкнулось, и солдаты, скрестив штыки, ждали натиска врагов. Они сшиблись ужасно. Аукасы, ряды которых были разорваны картечью, набросились сразу со всех сторон. Яростно кидались они на чилийские штыки, употребляя невероятные усилия, чтобы пробить брешь в строю неприятеля и прорваться в середину каре. Хотя они знали, что все передовые воины наверняка погибнут, тем не менее каждый стремился вперед. Первые ряды падали под градом пуль, их места занимали следующие, чтоб вступить в рукопашный бой.

Эти дикари, однако, отлично умели сдерживать свой пыл. Они быстро и точно повиновались ульменам и исполняли разнообразные маневры. Несмотря на артиллерийский огонь, они храбро шли вперед. Арауканцы выдержали и ружейный залп почти в упор и, наконец, вступили в рукопашный бой с чилийцами. Вооруженные обитыми железом булавами индейцы стремительно вращают ими и наносят верные и жестокие удары. Видя эту угрозу, на помощь бросилась чилийская конница. Но генерал Бустаменте предугадал это движение и направил своих всадников наперерез чилийцам. Оба конных отряда столкнулись с ужасным треском. Бустаменте, холодный и спокойный, несся впереди отряда, с саблей в ножнах, как человек, которому до того надоела жизнь, что он даже не хочет защищать ее.

Скоро битва завязалась по всей линии.

Арауканцы, стойкость которых ничто не могло поколебать, падали над ударами штыков, но не отступали ни на вершок. Антинагуэль был впереди своих воинов, вертел булавой и криками и жестами воодушевлял их. Аукасы отвечали ему яростными воплями и с новой отвагой бросались вперед, чтобы смять чилийцев.

— Что за народ! — не мог удержаться, чтоб не сказать, граф. — Какая

безумная отвага!

— О, это просто демоны, — отвечал дон Тадео. — Погодите, битва еще только начинается, то ли еще будет.

— Молодцы, — вскричал Валентин, — смелый народ! Но этак их всех перебьют.

— Все полягут, — подтвердил дон Тадео, — но не сдадутся.

Между тем индейцы с особенной яростью нападали именно на ту часть каре, где находился главнокомандующий с своим штабом. Тут была не битва, а бойня. Стрелять уже было нельзя. Штыки, секиры, сабли, булавы рубили черепа, кололи груди. Антинагуэль поглядел вокруг. Словно колосья валились его воины. Лес штыков стоял перед ним.

— Аукасы! — крикнул он во всю мочь. — За мной, за нашу волю!

Он поднял лошадь на дыбы, пришпорил ее и отважно бросился на штыки. Он пробил этим безумно храбрым маневром ряды чилийцев и бросился в середину каре, воины — за ним. Происшедшую свалку невозможно описать. Что ни удар, то падал человек. Яростные крики нападающих, вопли раненых, непрерывные выстрелы — все это слилось в один общий гул. Аукасы как клин врезались в каре и разрубили его. Все смешалось, ноги скользили в крови, дым застилал все вокруг, раненые, падая, старались поразить врага.

— Ну, — сказал дон Тадео Валентину, — что вы теперь скажете о наших врагах?

— Это не люди, а звери какие-то, — отвечал тот.

— Вперед! Вперед! Чили! Чили! — закричал дон Тадео, пришпоривая лошадь.

И с пятьюдесятью воинами, в числе которых были и оба француза, он врезался в самую гущу врагов. Дон Грегорио и генерал Фуэнтес, видя, с каким остервенением арауканцы бросаются на отряд главнокомандующего, догадались, что Антинагуэль хочет захватить дон Тадео в плен. А потому, продолжая громить индейцев пушечными выстрелами, теснили их, стягивая свои отряды, и, наконец, окружили со всех сторон аукасов. Антинагуэль заметил это и крикнул генералу Бустаменте, чтобы тот спешил на помощь. Бустаменте также считал положение аукасов безнадежным. Он собрал вокруг себя всех всадников, плотно построил их и, встав впереди, крикнул:

— Спасем наших воинов!

— Спасем! — завопили индейцы, беря наперевес длинные копья.

И как ураган бросились на чилийцев, чтобы пробить дорогу. Ничто не могло противостоять им. Всадники пробили широкую улицу в чилийских

рядах и соединились со своими товарищами. Трижды генерал проносился таким образом сквозь ряды чилийцев, сея по пути ужас и смерть. Но силы были не равны. Артиллерия громила аукасов, и их порядки редели все больше и больше. Вдруг генерал очутился лицом к лицу с эскадроном, которым командовал дон Тадео. Сверкая глазами, он бросился вперед: он искал не победы, а смерти.

С самого начала битвы Жоан дрался подле дона Тадео, не отставая ни на шаг от него и защищая в минуту опасности, которой тот нередко подвергался.

Дон Тадео, наблюдая за общим ходом дела, забывал о своей личной безопасности. Увидя Бустаменте, Жоан бросился на него.

— Слава Богу, — вскричал генерал, — я умру не от братской руки.

Лошади сшиблись.

— А, — крикнул генерал, — ты такой же изменник, как и я! Ты дерешься со своими!

И он замахнулся на Жоана саблей. Жоан отбил удар и обхватил генерала своими сильными руками. Обе лошади, не управляемые всадниками, испуганные шумом битвы, понеслись по равнине. Всадники обвилились, словно две змеи. Но недолго пришлось им так скакать, оба упали наземь. Они освободили ноги из стремян и снова бросились друг на друга. Генерал хватил Жоана саблей по голове. Но индеец, прежде чем упал, собрал все силы, бросился на врага и ударил его в грудь отравленным кинжалом. Оба пали мертвыми.

Увидя, что Бустаменте убит, чилийцы вскрикнули от радости.

— Бедный Жоан! — проговорил Валентин, отбиваясь от индейцев. — Славный был человек!

— Он умер, как герой! — отвечал Луи, который, взяв винтовку за ствол, дрался ею, как булавой.

— Рано ли, поздно, всем придется умирать, — философски заметил Валентин, а затем, оттолкнув ногою арауканца, который бросился на него, прибавил: — Э, дружок, чего тебе здесь надо! Пиль, Цезарь, пиль!

Собака бросилась на упавшего индейца и тотчас задушила его.

Валентин дрался смело, ни на минуту не теряя присутствия духа и отпуская при каждом ударе какую-нибудь шутку. Чилийцы с удивлением смотрели на него. Цезарь не отставал от своего хозяина и смело бросался и душил индейцев. Валентин надел на него широкий ошейник, обитый железными остриями. Индейцы пугались при виде собаки. Они полагали, что это не пес, а злой дух в его образе.

А битва продолжалась, все свирепее и свирепее. И чилийцы и индейцы

дрались на гряде трупов. Аукасы уже не надеялись победить. Но не искали спасения в бегстве, они решили пасть, но дорого продать свою жизнь. Чилийское войско все более и более сжимало кольцо вокруг них. Твердый, как скала посреди разбушевавшихся стихий, закусив губу, мрачно смотрел на битву токи, неустанно вертя своей булавою, покрытой до рукоятки кровью врагов.

Вдруг странная улыбка мелькнула на губах токи. Движением руки подозвал он ульменов, еще оставшихся в живых, и что-то шепнул им. Ульмены махнули головой в знак согласия и тотчас возвратились на свои места. Битва некоторое время продолжалась, как прежде. Вдруг отряд в пятьсот индейцев бросился на эскадрон, в середине которого дрался дон Тадео, и со всех сторон окружил его. Чилийцы вздрогнули, увидев это.

— Стой! — вскричал Валентин. — Скорее напролом, не то они перебьют всех нас поодиночке.

И, опустив голову, он бросился в средину аукасов, солдаты — за ним. Через три-четыре минуты они выбились из охватившего их круга.

— Гм, — сказал Валентин, — жаркое было дело. Ну, слава Богу, пробилась-таки.

— Да, — отвечал граф, — но где же дон Тадео?

— Где ж он? — в тон ему спросил Валентин, осматриваясь вокруг, и вдруг с яростью вскрикнул: — Скорее за мной! Вот он, вот!

Солдаты бросились вслед за французами. Дон Тадео с четырьмя-пятью солдатами отбивался от тучи врагов.

— Держитесь! Держитесь крепче! — закричал Валентин.

— Смелее! Мы выручим вас, — вторил ему граф. Дон Тадео услышал их крики: он печально улыбнулся и сказал словно про себя:

— Напрасные усилия! Все погибло.

— О, — вскричал Валентин, закусывая ус, — я спасу его или сам погибну!

Он удвоил усилия. Напрасно аукасы пытались противостоять ему. Валентин и солдаты отчаянно прорубались в средину. Вот они уже у цели. Огляделись, но дона Тадео нигде не было видно. Напрасно они бросались во все стороны: дон Тадео исчез.

В это время арауканцы, словно сговариваясь, начали отступать и вскоре пустились бежать. Чилийская конница беспощадно рубила их. Только один отряд арауканцев отступал сплошной массой. Он состоял из избранных воинов под личным командованием Антинауэля. Отряд этот храбро отбивался от преследователей и скоро исчез за высокими холмами, передовыми отрогами Кордильер.

Чилийцы одержали блистательную победу. Арау-г канцы получили настолько жестокий урок, что даже; сама мысль о войне с испанцами не скоро придет им в голову. Более двух третей индейцев пало во время; битвы или последовавшего за ней бегства. Генерал? Бустаменте, причина войны, был убит. Таким образом, все было покончено одним сражением. Но ликование чилийцев было не полно. Их вождя, их лучшего человека, не стало. Напрасно отыскивали тело дона Тадео де Леона, — оно исчезло. Генерал Фуэнтес, как старший, принял командование войском. Дон Грегорио был в отчаянии, он ломал себе руки и клялся страшно отомстить за смерть своего друга. Пятьсот пленников, большею частью раненых, досталось победителям. Дон Грегорио приказал расстрелять их. Напрасно старались удержать его от этого бесчеловечного поступка. Он остался непоколебим: это была месть за смерть дона Тадео.

Валентин, Луи и дон Грегорио целую ночь бродили по полю, вспугивая стаи стервятников. Все их поиски оказались тщетными: они не нашли тела дона Тадео. Наутро чилийцы направились по направлению к Биобио. Они везли с собою тридцать ульменов, как заложников; ульмены эти были взяты при первом вторжении в Арауканию.

— Поедемте с нами, — печально предложил дон Грегорио обоим французам. — Теперь, когда наш общий друг погиб, вам нечего делать в этой печальной стране.

— Я не согласен с вами, — возразил Валентин. — Думаю, что дон Тадео не убит, а захвачен в плен.

— Какие ж у вас доказательства?

— К несчастью, никаких. Сам не знаю почему, но я уверен, что дон Тадео во власти Антинагуэля.

— К чему обманывать себя? Этого быть не может.

— Позвольте, — сказал Валентин. — Я расскажу вам все по порядку, и вы поймете, что это вполне возможно. Когда мы пробивались сквозь толпу врагов, я тотчас заметил, что дона Тадео нет с нами. Мы бросились назад. Я видел, как храбро отбивался он от аукасов. Я закричал ему, чтоб он держался крепче. Мы пробивались прямо к тому месту, где он был, и вдруг он словно в воду канул. Из этого я заключаю, что враги схватили его и увезли в плен. Будь он убит, мы нашли бы его труп.

— Но, может быть, индейцы захватили труп с собою?

— На что им мертвое тело? Другое дело такой знатный пленник. Они, вероятно, надеются, что чилийцы за жизнь своего вождя пойдут на большие уступки. В противном случае они пригрозят убить его. Словом, такой пленник для них клад, особенно в нынешнее, тяжелое для них время.

Дон Грегорио согласился со справедливостью этого замечания.

— Это весьма возможно, — отвечал он. — В ваших предположениях много правдоподобного, может быть, вы и вовсе правы. Что же теперь делать?

— А вот что. Недалеко отсюда нас ждут Трантоиль Ланек и Курумила. Мы с Луи соединимся с ними и бросимся по следам Антинагуэля. Я уверен, что мы освободим дона Тадео, если он только жив.

Дон Грегорио был сильно тронут, слезы показались на его глазах. Он взял Валентина за руку и с чувством произнес:

— Дон Валентин, простите меня, я слишком мало ценил вас до этой минуты. Мы, американцы, народ полудикий, любим и ненавидим от всего сердца. Позвольте обнять вас.

— От всего сердца, милый друг, — отвечал молодой человек, тщетно стараясь скрыть свое волнение притворной улыбкой.

— Итак, вы отправляетесь? — спросил, успокоившись, дон Грегорио.

— Сию минуту.

— О, вы освободите дона Тадео, теперь я уверен в этом!

— И я также.

— Прощайте, дон Валентин. Прощайте, дон Луис.

— Прощайте, дон Грегорио.

Три друга расстались. Валентин свистом подозвал Цезаря и, пришпоривая лошадь, закричал:

— Вперед!

— Вперед! — повторил Луи.

Едва они сделали несколько шагов, как услышали, что кто-то догоняет их. Они оглянулись и увидели, что дон Грегорио машет им рукою. Они остановились.

— Извините, господа, — сказал им дон Грегорио, подъезжая, — я позабыл вам сказать одну вещь, Бог знает, увидимся ли мы.

— Бог знает, — ответил Луи, покачивая головою.

— Позвольте же мне на прощанье сказать вам, что дон Грегорио в любую минуту по первому вашему зову готов пролить за вас свою кровь.

И, не дождавшись ответа, он быстро повернул лошадь и поскакал. Молодые люди благодарно поглядели вслед ему и молча продолжали путь.

Двадцать первая глава. ДОН ТАДЕО В ПЛЕНУ

Несколько времени молодые люди издали следили за чилийским войском, которое медленно подвигалось к Биобио по причине множества раненых. Они проехали всю равнину, где накануне была жестокая битва. Нет ничего более печального и мрачного, что бы напомидало о ничтожестве дел человеческих, чем поле битвы. Равнина была изборождена пушечными ядрами, повсюду валялись обглоданные стервятниками трупы, которые уже начали разлагаться от действия солнца. В тех местах, где происходили самые кровавые схватки, были нагромождены кучи обезображенных тел, лошадиных трупов, обломков лафетов и фур. Индейцы и чилийцы лежали один на другом, как застал их смертный час. И те и другие еще сжимали мертвыми руками бесполезное уже оружие. Вдали виднелась стая волков, с воем спешившая на добычу. Молодые люди печально подвигались вперед.

— Поедем скорей, — прервал молчание Валентин, — чего мы медлим? Я не могу выносить этого страшного зрелища.

— Нам нужно еще выполнить долг, — отвечал Луи.

— Долг? — с удивлением спросил Валентин.

— Да, — отвечал граф, — неужели ты хочешь, чтоб бедный Жоан остался без погребения, стал добычей диких зверей?

— Спасибо, брат, что вспомнил. А я, дурак, и не позаботился об этом!

— Полно, — возразил Луи, — через минуту и ты бы, наверно, вспомнил.

Вскоре молодые люди доехали до того места, где пали Жоан и Бустаменте. Французы спешили. Оба трупа были еще не тронуты птицами. Молочные братья некоторое время задумчиво глядели на них. Затем молча вырыли саблями могилу и положили в нее тела двух врагов. Валентин вынул из груди генерала отравленный кинжал и, пряча его, прошептал:

— Кто знает, может быть, это оружие когда-нибудь пригодится и нам.

Засыпав трупы землей, они навалили на могилу тяжелые камни, чтобы дикие звери не разрыли ее. Валентин из двух обломков копья сделал крест и поставил его на могиле. Затем молодые люди встали на колени и тихо прошептали молитву за упокой умерших.

— Прощай, Жоан! — сказал Валентин, вставая. — Спи мирно на месте, где ты так храбро сражался! Память о тебе навеки сохранится в моем сердце.

— Прощай, Жоан! — проговорил граф.

Цезарь внимательно наблюдал за тем, что делали его господа. Вдруг он бросился на могилу и с воем стал рыть передними лапами землю. Молодые люди были в глубокой печали. Тихо сели они на коней и, взглянув еще раз на могилу своего друга, поехали дальше. Стервятники тотчас же принялись за прерванный на время обед. Задумчиво и тихо ехали наши друзья, не говоря ни слова, не смея поделиться друг с другом своими печальными думами. Солнце быстро заходило. Чилийское войско скрылось вдали за холмом. Молодые люди забрали вправо, к горам, и направились по тропинке, протоптанной на склоне лесистого холма. Цезарь, который, по своему обычаю, бежал все время сзади, вдруг бросился вперед и завертел хвостом.

— Теперь недалеко, — заметил Луи.

— Да, — отвечал Валентин.

Скоро они подъехали к повороту, за которым исчез Цезарь. Миновав его, молодые люди увидели костер, над которым жарилась дикая коза. Два индейца лежали немного поодаль в траве и спокойно курили. Цезарь, помахивая хвостом, вертелся около жаркого. Этими индейцами были Трантоиль Ланек и Курумила. Увидев своих друзей, французы, спешившись, быстро подошли к ним, те также поднялись им навстречу. Валентин отвел лошадей туда, где паслись лошади индейцев, спутал их, расседлал, дал корму и, наконец, сам сел подле костра.

Все четверо некоторое время молчали. Затем Курумила снял жарившуюся козу, положил ее на деревянное блюдо, которое поставил на середину, и положил подле лепешки из маиса и два меха — один с водой, другой с водкой. Все приступили к ужину, бросая по временам куски Цезарю. Когда ужин окончился, друзья закурили трубки и сигары. Курумила подложил дров в костер. Настала звездная ночь. Величественное молчание царило вокруг. Только ветер шевелил зыбкие вершины высоких деревьев. По временам издали доносился вой волков и шакалов.

— Ну? — спросил Курумила.

— Битва была жестокая, — отвечал Валентин.

— Знаю, — отвечал индеец, покачивая головою, — аукасы разбиты. Они бежали, словно испуганная стая лебедей.

— Они дрались за неправо дело, — сказал Курумила.

— Они наши братья, — важно сказал Трантоиль Ланек.

Курумила склонил голову.

— Тот, из-за кого они подняли оружие, убит, — начал Валентин.

— Хорошо. А знает ли мой брат имя воина, который убил его? — спросил ульмен.

— Знаю, — печально отвечал Валентин.

— Пусть мой брат назовет имя этого воина, чтобы я запомнил его.

— Жоан, наш друг, убил человека, который не стоил, чтобы с ним биться такому воину, как Жоан.

— Правда, — сказал Курумила, — но отчего Жоан не вернулся к нам?

— Мои братья не увидят больше Жоана, — отвечал Валентин убитым голосом. — Он пал подле того, кого убил.

Оба ульмена обменялись печальными взглядами.

— У Жоана было честное сердце, это был великий воин, — прошептал один из них.

— Да, — подтвердил Валентин, — и, кроме того, он был еще верным другом.

Все замолчали. Вдруг оба предводителя встали и, ни слова не говоря, пошли к лошадям.

— Куда идут мои братья? — спросил Луи, останавливая их движением руки.

— Похоронить воина. Тело Жоана не должно быть оставлено в добычу птицам, — важно отвечал Трантоиль Ланек.

— Пусть мои братья сядут, — сказал молодой человек с выражением ласкового укора.

Оба предводителя молча уселись.

— Трантоиль Ланек и Курумила плохо знают своих бледнолицых братьев, — продолжал Луи, — если думают, что они могли бросить тело своего друга без погребения. Мы похоронили Жоана, прежде чем отправились к нашим братьям.

— Оттого мы и запоздали немного, — прибавил Валентин.

— Хорошо, — сказал Трантоиль Ланек, — наши сердца исполнены радости. Наши братья надежные друзья.

— Случилось большое несчастье, — сказал немного погодя Луи. — Дон Тадео де Леон, наш дорогой друг, которого аукасы называют Великим Орлом белых, убит.

— Мой брат уверен в этом? — спросил Трантоиль Ланек.

— Я думаю так, хотя его тела мы не могли отыскать.

Ульмен слегка улыбнулся.

— Пусть мои братья утешатся, — сказал он. — Великий Орел белых

жив.

— Предводитель уверен в этом? — радостно вскричали молодые люди.

— Да, — отвечал Трантоиль Ланек, — пусть мои братья послушают. Курумила и я, мы ульмены своего племени. Если совесть запрещала нам драться за Антинагуэля, то она также запрещала нам обнажать оружие против мужей нашего народа. Наши друзья захотели присоединиться к Великому Орлу белых, мы предоставили им полную возможность делать, что им угодно. Они хотели защищать своего друга, и мы отпустили их. После их отъезда мы вспомнили о бледнолицей девушке и рассудили, что если аукасы будут разбиты, то токи прикажет как можно скорее увезти девушку. Поэтому засели в кустах у дороги, по которой, как полагали, мозотоны Антинагуэля повезут молодую девушку. Мы не видели битвы, но слышали шум ее. Много раз хотелось нам идти и умереть с нашими пенни. Битва продолжалась долго. Как всегда, аукасы дрались храбро.

— Да, предводитель, — сказал Валентин, — вы можете гордиться своими братьями — они дрались как львы.

— Потому-то они и зовутся аукасами — мужами свободными, — отвечал Трантоиль Ланек. — Вдруг словно гром грянул подле нас: то проскакали двадцать или тридцать мозотонов. С ними была и молодая девушка с небесно-голубыми очами. Немного погодя пронесся другой отряд, гораздо больше первого. Под предводительством самого Антинагуэля. Токи был бледен, покрыт кровью и казался раненым.

— У него сломана правая рука, — заметил Валентин, — не знаю, были ли другие раны.

— Подле него скакал Великий Орел белых, с непокрытой головой и без оружия.

— Был он ранен? — живо спросил Луи.

— Нет, он ехал, высоко подняв чело. Он был бледен, но смотрел гордо.

— О, так как он жив, мы спасем его, предводитель, не правда ли? — вскричал Валентин.

— Да, брат, мы его спасем.

— Когда мы пойдем по следам?

— С рассветом. Судя по дороге, по которой они проскакали, я знаю, куда они направляются. Мы хотели спасти дочь, — и вот! — теперь мы спасем и дочь, и отца, — сказал Трантоиль Ланек.

— Предводитель, — воскликнул в волнении Валентин, — я счастлив, слыша такие речи. Значит, не все еще погибло!

— Теперь, братья, нам надо отдохнуть, — заметил Луи.

Все согласились, что действительно следует отдохнуть. Они завернулись в пончо и скоро заснули. Цезарь остался сторожить.

Трантоиль Ланек не ошибся. Действительно, это дон Тадео скакал подле Антинагуэля. Диктатор не только не был убит, но не был даже ранен. Он попал в плен к Антинагуэлю, своему злейшему врагу, которого так жестоко оскорбил несколько часов назад. А арауканцы никогда не забывают оскорблений. Вот как это произошло.

Когда токи увидел, что сражение проиграно, что продолжать битву значит только даром погубить остальных воинов, он решил во что бы то ни стало захватить своего злейшего врага. Жестом созвал он ульменов, объяснил им в нескольких словах свое намерение и в то же время послал гонца к своим мазотонам, охранявшим донью Розарио, чтобы они немедленно скакали домой. Мы видели выше, как это было исполнено.

Дон Тадео, отбитый от своих, защищался как лев. Антинагуэль приказал его захватить непременно живого, и это-то дало возможность диктатору сражаться так долго против кучи врагов. Когда Валентин бросился выручать своего друга, Антинагуэль понял, что зевать нечего, иначе драгоценная добыча ускользнет из его рук.

Услышав крик Валентина, Антинагуэль быстро снял свое пончо и набросил его на голову дону Тадео. В это время на него набросились человек десять индейцев, завернули его в пончо и связали по рукам и ногам. Антинагуэль положил пленника перед собою поперек лошади и пустился наутек, сопровождаемый своими воинами. Вот почему Валентин и другие чилийские солдаты, пробившись сквозь неприятельские ряды, не могли никак отыскать дона Тадео.

Антинагуэль несся с быстротою стрелы. Ему удалось собрать вокруг себя значительное число воинов. Мы видели, как он отступал, преследуемый чилийцами.

Когда преследователи остались далеко позади, токи остановился, чтобы посмотреть, не задохнулся ли пленник, и дать вздохнуть сопровождавшим его всадникам. Со времени пленения дон Тадео не подавал ни малейшего признака жизни. Токи боялся, не умер ли он. Да, боялся этого: он готовил жестокую месть своему врагу. Он развязал лассо, которым был связан пленник, и развернул пончо. Дон Тадео был без чувств. Антинагуэль положил его на землю и стал заботиться о нем, как о сердечном друге. Он расстегнул его платье и натер виски, грудь и ладони рук водою с ромом. Дон Тадео впал в обморок вследствие недостатка воздуха. Как скоро он получил возможность дышать свободно, то тут же открыл глаза. Видя это, токи неопределенно улыбнулся. Дон Тадео

огляделся, не понимая, где он и что происходит вокруг него. Но мало-помалу он вспомнил все. Тогда он встал, скрестил руки на груди и стал молча и пристально глядеть прямо в лицо токи. Антинагуэль подошел к нему.

— Лучше ли моему отцу? — спросил он.

— Да.

— Итак, мы можем пуститься в дорогу?

— Вы приказываете мне?

— Нет. Если мой отец еще не в силах ехать верхом, мы обождем немного.

— О, — сказал дон Тадео, — вы, кажется, очень заботитесь о моем здоровье?

— Мне будет очень жаль, если с моим отцом случится какое-нибудь несчастье, — отвечал Антинагуэль.

Дон Тадео пожал плечами.

— Мы едем, — сказал Антинагуэль. — Если мой отец даст честное слово, что не станет искать случая к бегству, то он поедет не связанным.

— Будто вы поверите моему слову? Ведь вы сами, кажется, не любите держать данного слова.

— Я, — отвечал предводитель, — бедный индеец, а мой отец кабальеро.

— Прежде чем я отвечу вам, потрудитесь сказать, куда вы меня повезете.

— Я повезу моего отца к моим братьям пуэльхам, где сам хочу скрыться с оставшимися в живых воинами.

Радость озарила дон Тадео, у него была теперь надежда снова увидеть свою дочь.

— Долго ли мы будем ехать? — спросил он.

— Всего три дня.

— Даю слово, что в продолжение этих трех дней я не буду искать случая к бегству.

— Хорошо, — торжественно отвечал токи, — слово моего отца в моем сердце. Я возвращу ему это слово через три дня.

Дон Тадео молча поклонился. Антинагуэль указал на лошадь.

— Когда мой отец будет в силах ехать, мы отправимся.

Дон Тадео вскочил в седло, токи последовал его примеру, и весь отряд быстро поскакал. Чувствуя себя свободным, дон Тадео дышал полной грудью. Эта, хотя и относительная свобода после удушливого плена, в котором он только что находился, радовала его. Он стал спокойнее

смотреть на свою участь, и будущее представлялось ему уже не в столь мрачном виде.

Человек так устроен, что может быстро перейти от самого ужасного отчаяния к самой безумной надежде. Если он видит, что у него есть еще несколько дней или даже несколько часов, то начинает строить безумные планы и, наконец, сам начинает верить, что их можно и даже не трудно выполнить. Он пользуется каждым предлогом, чтобы построить воздушные замки, и где-то в самой глубине души он надеется, что случай ли выручит, Бог ли поможет, а его желание осуществится. Так и дон Тадео, незаметно для самого себя, начал придумывать разные проекты бегства. Находясь в руках своего злейшего врага, одинокий, безоружный, в незнакомой стороне, он не таил надежды, что не только сам избавится от плена, но и освободит свою дочь. Мечты эти безумны, но они успокаивают человека, ободряют его и позволяют безбоязненно взглянуть на то, в каком положении он находится.

Индейцы между тем незаметно приблизились к горам, достигнув уже передовых холмов Кордильер. Чем дальше, тем выше становились предгорья. Солнце почти закатилось, когда токи приказал остановиться. Место, которое он выбрал для ночлега, представляло собой узкую площадку на вершине невысокого плоскогорья. Несколько человек разъехались в разные стороны на разведку, другие пошли на охоту. Арауканцы не запаслись съестным по причине быстрого бегства. Из срубленных деревьев сделали завалы. Разложили два костра. Через час возвратились охотники с дичью. Вернулся также разъезд: все было спокойно вокруг. Приступили к ужину. Антинагуэль, казалось, не только не чувствовал ненависти, но даже старался всячески угодить дону Тадео. Вполне полагаясь на слово пленника, токи предоставил ему полную свободу и совершенно не следил за ним. После ужина расставили часовых и все улеглись спать.

Один дон Тадео напрасно старался уснуть. Сидя под деревом, с головой, склоненной на грудь, всю ночь думал он о превратностях судьбы, которые подстерегали последнее время. Мысль о дочери наполняла его сердце печалью. Напрасно он старался обнадежить себя, вполне сознавая теперь всю безнадежность своего положения. Временами он вспоминал о Валентине и Луи: конечно, они станут отыскивать его. Но, несмотря на всю их храбрость, что они могут сделать теперь? Разве вдвоем они в силах освободить его? В таких думах провел дон Тадео всю ночь, ни на минуту не сомкнув отяжелевших век.

Стало всходить солнце. Все пришло в движение, лошади были

оседланы, и после завтрака отряд двинулся дальше. День прошел в дороге, без всяких приключений. Вечером опять встали на ночлег по-вчерашнему, на вершине холма. Только теперь арауканцы, уверившись, что опасаться нечего, принимали меньше предосторожностей. Усталость одолела дона Тадео, и он всю ночь проспал как убитый. Еще вечером Антинагуэль послал одного из воинов вперед. Тот воротился поутру, когда отряд готов был тронуться. Видимо, он привез добрые вести, потому что, слушая его донесение, токи несколько раз улыбнулся. Затем, по знаку Антинагуэля, весь отряд пустился в галоп, все более и более углубляясь в горы.

Двадцать вторая глава. АНТИНАГУЭЛЬ ОБЪЯВЛЕН ИЗМЕННИКОМ

Прошло уже два дня, как Антинагуэль соединился со своими мозотонами, которым была поручена донья Розарио. Оба отряда слились в один. Токи сначала думал удалиться в землю пуэльхов. Но проигранное сражение имело роковые последствия для арауканцев. Главнейшие тольдории были сожжены испанцами, города разрушены, жители убиты или уведены в плен. Кто мог бежать, те бродили в лесах. Когда они узнали, что Токи жив и бежал, то соединились и прислали к нему гонцов с просьбою о помощи и с требованием, чтобы он встал во главе войска для защиты границ.

Антинагуэль был очень рад этому движению против врага. Он воспользовался им для усиления своей власти, которая начала уже колебаться. Теперь Токи изменил свой маршрут и во главе ста воинов пошел к Биобио, между тем как по его приказанию гонцы рассеялись по всей стране, призывая народ к оружию. Токи, конечно, не мечтал уже об увеличении арауканских владений. Его целью было теперь добиться с оружием в руках мирных условий, не слишком тягостных для его соотечественников. Словом, он хотел по возможности исправить плачевное положение дел. Подойдя к реке, Антинагуэль расположил свой стан у брода через Биобио, на вершине того холма, который занимало несколько дней тому назад его тогда еще многочисленное войско.

Но чилийская граница сильно изменилась за это время. Батарея в восемь пушек была воздвигнута для защиты брода. По берегу ходили испанские патрули, внимательно наблюдая за движением индейцев. Было около двух часов пополудни. Казалось, в стане никого нет, кроме нескольких часовых, которые стояли, опершись на длинные тростниковые копья. Все было тихо. Воины забрались под деревья и в кусты, чтобы спрятаться от палящих лучей солнца.

Вдруг на противоположном берегу раздался звук труб. Ульмен, командовавший передовым отрядом, ответил на вызов толпы звуками трубы и вышел поглядеть, что случилось. Три всадника-парламентера в блестящих мундирах стояли на том берегу, подле них трубач держал знамя. Ульмен также поднял знамя и въехал в реку навстречу всадникам.

— Чего желают предводители бледнолицых? — спросил надменно

ульмен.

Один из всадников отвечал:

— Ступай и скажи тому, кого ты зовешь аукасским токи, что один из высших офицеров желает говорить с ним о важном деле.

Глаза индейца сверкнули при этом оскорблении, но он тотчас же успокоился.

— Я пойду и справлюсь, захочет ли наш великий токи говорить с вами, — презрительно сказал он. — Но думаю, что навряд ли он захочет выслушивать чиаплов.

— Негодяй! — вскричал с гневом один из всадников. — Ступай скорей, не то...

— Ради Бога, успокойтесь, дон Грегорио, — прервал его другой всадник.

Ульмен удалился. Через несколько минут он подал знак испанцам, что они могут переехать на его сторону. Антинагуэль, сидя под великолепным кипарисом, ожидал парламентаров, окруженный пятью или шестью преданнейшими ульменами. Три офицера остановились перед ним, но не спешили.

— Что вам нужно? — грубо спросил их токи.

— Выслушайте, да повнимательнее, — сказал дон Грегорио.

— Говорите скорей, — прервал его токи.

Дон Грегорио, не обращая на это внимания, продолжал:

— Дон Тадео де Леон у вас в плену.

— Да, человек, которого вы так называете, действительно мой пленник.

— Отлично. Если завтра утром, в третьем часу после восхода солнца он не будет нам выдан здоровым и невредимым, заложники, которые в наших руках, и восемьдесят пленников будут расстреляны на ваших глазах, на самом берегу реки.

— Вы можете делать все, что вам угодно, — холодно отвечал Антинагуэль. — Что сказал токи, то свято: он поклялся убить своего врага и убьет его.

— А, так, ну, так знайте, что я, дон Грегорио Перальта, с своей стороны, клянусь, что в точности сдержу свое обещание, о котором я только что говорил.

И, быстро повернув лошадь, он уехал в сопровождении своих товарищей.

В словах Антинагуэля было больше хвастовства, чем реальной угрозы. Если б не дьявольская гордость, он приказал бы вернуть дону Грегорио,

ибо знал, что это человек, который не задумается выполнить свое обещание. Антинагуэль решил снять стан и удалиться, уверенный, что чилийцы, узнав об этом, не посмеют казнить заложников и пленных из боязни погубить дона Тадео. Такое решение было весьма остроумно и приведено в исполнение так поспешно, что чилийцы долго не знали об уходе аукасов. Но положение Антинагуэля не улучшилось, а, напротив, стало еще более критическим. Он был слишком слаб, чтоб напасть на чилийцев и, одержав победу, заставить их заключить мир. И потому решил все время маневрировать вдоль границы, чтобы чилийцы не знали, где именно он находится, и не могли принудить его принять невыгодные условия мира. Ему нужно было выиграть время. Хотя аукасы и подымались по зову его гонцов и спешили к нему на помощь, но нужно было подождать, пока успеют прийти на сборное место более отдаленные племена.

Со своей стороны, чилийцы, довольные, что со смертью генерала Бустаменте прекратились внутренние раздоры, весьма мало заботились о продолжении войны, которая не могла принести им какой-либо существенной выгоды. Им надо было отдохнуть от гражданской распри, а потому они ограничивались защитой своих границ и искали средства, чтобы вступить в серьезные переговоры с главнейшими предводителями арауканцев.

Дона Грегорио все упрекали за угрозу, высказанную во время переговоров с Антинагуэлем. Да и он сам, узнав, что токи вместе с пленниками удалился, понял всю опрометчивость своего поступка. Тогда чилийцы прибегли к другим средствам. Они оставили всего десять заложников, а других ульменов, внушивших, как надо действовать, щедро одарив, освободили. В надежде, что освобожденные предводители, возвратясь к своим племенам, употребят все усилия, чтобы заключить с чилийцами мир, и созовут народное собрание, на котором Антинагуэль будет низложен. Арауканцы больше всего дорожат своей вольностью. И потому чилийцы надеялись, что освобожденные ульмены расскажут им, что Антинагуэль поставил их вольность на край пропасти, что, если они будут продолжать войну, испанцы окончательно покорят их.

Возвратимся теперь к Антинагуэлю. Через несколько часов после того, как индейское войско снялось со стоянки у брода через реку Биобио, токи приказал остановиться. Когда отряд спешился, Антинагуэль отобрал двадцать воинов, преданных ему до фанатизма, и велел приготовиться сопровождать его. Через несколько минут они были готовы. Антинагуэль вскочил на коня и поскакал, сопровождаемый всадниками. Хотя гордость

не позволяла Антинагуэлю пойти на уступки, угрозы дона Грегорио тем не менее сильно подействовали на него. Токи боялся, как бы чилийцы и в самом деле не расстреляли заложников и пленников. Последствия этого могли бы быть весьма губительны для Антинагуэля — арауканцы восстали бы против него. Поэтому, первый раз в жизни, он решил уступить — вернуться назад и возобновить переговоры с доном Грегорио. Антинагуэль надеялся перехитрить его, выпросить отсрочку и таким образом безнаказанно погубить дона Тадео. Время не ждало, и потому Антинагуэль, как только его отряд остановился, поспешил сдать командование одному из ульменов и поскакал во всю прыть к броду через Биобио, чтобы прибыть к назначенному доном Грегорио сроку.

Было только восемь часов вечера, а потому Антинагуэль надеялся, что поспеет вовремя. Когда он прибыл в чилийский лагерь, то узнал, что дон Грегорио, избранный президентом республики, поспешил отправиться в Сант-Яго, а вместо себя оставил генерала Фуэнтеса. Генерал был человеком добрым. Он с почетом встретил токи и долго разговаривал с ним. В результате их переговоров было решено: все аукасские пленники, кроме заложников, уехавших с доном Грегорио в столицу, будут выданы чилийцами. Со своей стороны, Антинагуэль обязался возвратить через восемь дней дону Тадео, который, как солгал токи, содержится далеко в горах.

Помимо отсрочки, которой добился Антинагуэль, у него была и еще одна задняя мысль. Он сразу понял, что чилийский генерал не хочет продолжения войны. И вот токи задумал за время перемирия собрать войско и совершить набег на пограничные земли Чили. Его разведка донесла, что большая часть чилийских войск направилась внутрь страны, а с генералом Фуэнтесом осталось всего две тысячи солдат, считая конницу и саперов. Стало быть, на успех набега можно было вполне рассчитывать. Об освобождении дона Тадео Антинагуэль и думать не хотел. Он откладывал месть только на время, когда сможет совершить ее безнаказанно. Воротясь в свой стан, токи вновь разослал гонцов собирать войско. С восходом солнца отряд снялся и стал маневрировать, чтобы сбить с толку вражеских лазутчиков, то углубляясь в горы, то возвращаясь назад, чтобы не удаляться от сборного пункта.

За это недолгое время в Араукании произошли события, о которых следует рассказать. Замысел чилийцев удался как нельзя лучше. Освобожденные предводители вернулись к своим племенам и употребляли все силы, чтобы заключить мир. Это удалось, и вот почему. В приморских землях живут *гуилихи* — племя земледельцев. Они занимаются

разведением скота и ведут прибыльную меновую торговлю с соседними чилийскими землевладельцами. Война задела прежде всего эти мирные племена, так как военные действия также шли на прибрежных равнинах вплоть до первых отрогов Кордильер. Гуилихи были в ужасе от того, что их нивы потоптаны, деревни сожжены, скот убит или угнан. Словом, война совершенно разорила их. Они боялись, что при новом вторжении врагов они потеряют и то, что еще осталось, и потому были заинтересованы в скорейшем заключении мира. Гуилихи, составляющие самое значительное арауканское племя, решили во что бы то ни стало возобновить добрые отношения с соседями.

Освобожденные из плена предводители, благодарные чилийцам за свободу, а особенно за богатые подарки, сильно поддерживали это движение. Они открыто говорили, что всему виною — Антинагуэль, что он причина всех несчастий, и стращали своих земляков, что может быть еще хуже. Гуилихи жадно слушали эти речи, ибо они были выражением их собственных мыслей.

Кончилось это тем, что на берегу Карампанга было собрано большое народное собрание. Собравшиеся избрали шесть человек из числа самых уважаемых и мудрых предводителей. Под начальством апоульмена по имени Рысь они отправились с тысячью воинов к Антинагуэлю, чтобы сообщить ему решения совета. Выборные прибыли в стан токи, который, как мы уже говорили, передвигался с места на место, не удаляясь, однако, от сборного пункта. Токи, увидев облако пыли, решил, что это воины спешат к нему на помощь, и вскрикнул от радости. Теперь, сказал он про себя, есть с кем совершить набег.

Антинагуэль поклялся умертвить дона Тадео на том самом месте, где испанцы надругались над его предком Кадегуалем. Это место было близ испанского города Талька, недалеко от границы. Вот почему токи до этого дня словно забыл о доне Тадео: он ждал войска. Вот почему еще ему нужен был этот набег. Индейцы беспощадны, когда дело касается мести. Для них недостаточно просто убить человека. Для них важно, где именно и каким образом убить.

Отряд гуилихов между тем приближался к стану Антинагуэля. Токи с неудовольствием заметил, что он шел под предводительством Рыси, одного из влиятельнейших апоульменов, его всегдашнего противника. Когда войско подошло на расстояние десяти шагов от стана, по знаку Рыси все остановились. Один из воинов подошел к Антинагуэлю и стоявшим подле него ульменам. Он остановился, почтительно поклонился предводителям и объявил, что прибыли посланцы от народного собрания. Затем Рысь и

шесть выборных сошли с коней и, подойдя к токи, церемонно раскланялись и сели у костра. Через несколько минут Рысь встал, сделал два шага вперед и начал свою речь.

— Привет всем предводителям и воинам от имени великого народного собрания в Арауко! Уверенные, что все наши соотечественники сохраняют веру в Пиллиана, мы желаем им мира во имя доброго божества, дарящего жизнь взамен святого повиновения!

Вот что мы постановили. Война неожиданно обрушилась на наши обильные нивы и превратила их в пустыни. Наши посевы вытоптаны конскими копытами, жатва погибла, наши тольдо сожжены, жены и дети унесены бурей. Мы не хотим больше воевать, нужно немедленно заключить мир с бледнолицыми. Рысь и шесть ульменов сообщат о нашем желании великому токи. Я сказал. Хорошо ли я говорил, сильные мужи?

Все молчали. Ульмены Антинагуэля были поражены этой речью и с беспокойством смотрели на своего предводителя. Антинагуэль натянуто улыбнулся.

— На каких условиях постановило великое народное собрание быть миру? — спросил он сухо.

— Условия таковы, — спокойно отвечал Рысь, — Антинагуэль немедленно выдаст своих бледнолицых пленников, распустит воинов, которые возвратятся в свои тольдерии. Аукасы заплатят бледнолицым дань: две тысячи овец, пятьсот вигоней, восемьсот быков, и топор войны будет зарыт под крестом Бога бледнолицых.

— О, о! — заметил токи с горькой усмешкой. — Это тяжкие условия. Должно быть, мои братья сильно перетрусил, что приняли их? А что, если я откажусь утвердить эти постыдные условия, что тогда?

— Мой отец утвердит их, — тихо, но твердо сказал Рысь.

— А если нет? — гневно вскричал токи.

— Пусть мой отец подумает. Невозможно, чтобы таково было его последнее слово.

Антинагуэль был взбешен этой скромной настойчивостью. Как он ни был хитер, но не увидел, что тут есть западня, и попался в нее.

— Я повторяю всем вам, — сказал он дрожащим от гнева голосом, — а также всем окружающим меня предводителям, что я отвергаю эти постыдные условия! Никогда я не соглашусь утвердить их! Это позор моей стране! Теперь вы слышали мой ответ и можете хоть сейчас ехать восвояси.

— Еще не сейчас, — отвечал Рысь, — я не кончил.

— Что еще?

— Совет, состоявший из мудрых мужей всех племен, предвидел отказ

моего отца.

— Вот как? — насмешливо спросил Антинагуэль. — Что ж измыслили ваши мудрецы?

— Вот что: секира токи отнимается у моего отца. Аукасские воины освобождаются от клятвы, данной ему. Нет ему ни воды, ни огня во всей арауканской земле: он изменник своего отечества. Кто последует за ним, тот также изменник. Арауканский народ не хочет больше страдать из-за честолюбия человека, не способного руководить им. Я сказал!

Слушая этот страшный приговор, Антинагуэль стоял неподвижно, скрестив руки на груди, гордо подняв голову и презрительно улыбаясь.

— Это все? — холодно спросил он.

— Да, — отвечал Рысь. — Сейчас я пошлю гонца в стан объявить решение совета.

— Посылайте кого хотите, — отвечал Антинагуэль, пожимая плечами. — Вы можете отнять у меня секиру токи, можете объявить меня изменником, — я уверен в своей правоте. Но вот чего вы не можете сделать — и это самое главное, — вы не отнимете у меня моих пленников. И казню я их самой страшной казнью. Счастливой дороги!

И Антинагуэль пошел твердым шагом, будто бы ровно ничего не случилось. Он вернулся в стан, но там ждало его страшное известие. После объявления решения совета все воины оставили его, одни с радостью, другие с сожалением. Из восьмисот воинов у него осталось всего тридцать восемь. Это были или родственники, или мозотоны, предки которых еще служили его предкам. Рысь насмешливо поглядел на бывшего великого токи и поскакал, сопровождаемый воинами. Когда Антинагуэль увидел, что почти все изменили ему, в великой печали бросился он на землю, закрыл лицо своим пончо и — застонал!

Двадцать третья глава. ОГНЕННАЯ ВОДА

Через несколько дней после приключений, описанных в предыдущей главе, в двадцати часах езды от Арауко, в девственном лесу среди миртовых деревьев и кипарисов, покрывающих первые отроги Кордильер, вечером, около костра, над которым жарилась дикая коза, сидели четыре человека. Эти четверо были наши старинные знакомые: Валентин, Луи, Курумила и Трантоиль Ланек. Граф задумчиво склонил голову на руки. Валентин сидел, опершись о миртовое дерево, покуривал из индейской трубочки, лаская Цезаря и вычерчивая на земле разные фигуры.

Это была небольшая полянка, какие часто встречаются в американских лесах. Рядом с ней довольно большое пространство было покрыто поваленными деревьями, рухнувшими от старости или разбитыми молнией. Оно было ограничено двумя холмами, у подошвы которых шумел поток, сбегаящий с Кордильер. Место было самое удобное для полуденного отдыха, тенистое, прохладное. Но для ночлега оно было не совсем хорошо именно потому, что вблизи был поток, куда приходили на водопой дикие звери, что было видно по многочисленным следам. Индейцы были слишком опытные, чтобы по доброй воле заночевать в таком месте. Только невозможность идти дальше заставила их остановиться тут на ночь.

Лошади были привязаны к дереву недалеко от костра. День выдался ненастный, но ночь, кажется, обещала быть спокойной. Путешественники жадно принялись ужинать, чтобы поскорее улечься спать, так как они очень устали. За ужином никто не промолвил ни слова. Окончив трапезу, индейцы подложили сухих ветвей в огонь и, завернувшись в пончо, заснули. Граф последовал их примеру. Валентин и Цезарь остались на страже.

Никто бы не узнал теперь в этом задумчивом, серьезном человеке, который внимательно прислушивался ко всему и жадно вглядывался во тьму, веселого и беззаботного отставного вахмистра, каким еще недавно был Валентин. Бурные приключения совершенно изменили его характер. Благородные инстинкты, которые спали в глубине его сердца, теперь проснулись под влиянием величественной и могущественной природы Кордильер. Перемена, начавшаяся в нем под влиянием дружбы с графом,

увеличивалась все более и более по мере пребывания в Новом Свете.

Большое влияние оказали на него также индейские предводители. От них он научился отдавать себе во всем отчет. Звуки пустыни стали теперь понятны для него. Хотя по временам он и отпускал шутки и веселился, как прежде, но только поверхностный наблюдатель мог из этого заключить, что он остался таким, как был.

А ночь все дальше и дальше двигалась к утру. Уже месяц прошел две трети своего пути. Валентин разбудил Луи, чтоб самому немного отдохнуть. Граф сел на его место. Он также изменился за это время; это был уже не изнеженный дворянчик, готовый упасть в обморок при маломальски сильном волнении. Он загорел, руки его огрубели, усталость теперь почти не действовала на него, да и самый характер сделался тверже.

Уже около часа прошло, как граф заменил своего молочного брата на часах. Цезарь лежал, растянувшись у костра. Вдруг он вскочил и, рыча, стал нюхать воздух.

— Ну, Цезарь, — сказал Луи, лаская пса, — чего ты вскочил? Что заприметил?

Собака посмотрела на графа своими умными глазами, помахала хвостом и потом снова зарычала пуще прежнего.

— Хорошо, — сказал Луи, — нечего понапрасну будить других. Пойдем-ка, Цезарь, вдвоем и посмотрим, что там такое.

Луи осмотрел свои пистолеты и винтовку и сделал знак собаке, которая следила за его движениями.

— Пойдем, Цезарь, — сказал он. — Ну, *cherche!*²³ Пес словно ожидал этого слова. Он бросился вперед, обнюхивая кусты, по временам останавливаясь и осматриваясь вокруг. Граф шел за ним. Цезарь переплыл ручей и побежал по лесу, нюхая землю и помахивая хвостом. Граф шел за ним таким образом около трех четвертей часа, иногда останавливаясь и прислушиваясь. После многочисленных поворотов пес остановился, оглянулся на своего господина и потихоньку зарычал.

Граф осторожно отвел руками ветки кустов, взглянул вперед и вздрогнул. Он едва не вскрикнул от изумления. В десяти шагах от него на большой поляне лежало вокруг огня до пятидесяти индейцев. Они крепко спали, мертвецки пьяные — последнее было ясно, потому что вокруг беспорядочно валялось несколько мехов, пустых и с водкой, из некоторых сочились еще остатки жидкости. Но не это так сильно поразило графа. Он невольно вздрогнул, увидев невдалеке мужчину и женщину, крепко привязанных к дереву. Мужчина стоял с поникшей головой, из его больших глаз струились слезы. При взгляде на молодую девушку, привязанную к

другому дереву, он глубоко вздохнул. Девушка, казалось, была без памяти; верхняя часть ее тела была неестественно наклонена вниз.

— О, — прошептал Луи, — Боже! Дон Тадео! Неужели это его дочь?

Увы! Это была именно она, донья Розарио. Кровь прилила к сердцу молодого человека. Он судорожно схватился за пистолеты и хотел было броситься вперед, как вдруг кто-то положил руку на его плечо и прошептал:

— Осторожней!

Граф обернулся. Перед ним стоял Трантоиль Ланек.

— Осторожней? — спросил с упреком граф. — Или предводитель не видит?

— Я вижу, — отвечал тот, — но пусть и мой брат посмотрит, — прибавил он, — и увидит, что уже поздно.

И он указал пальцем на нескольких индейцев, которые проснулись — или озябнув, или услышав шум, произведенный нашими друзьями. Индейцы приподнялись и стали оглядываться вокруг.

— Правда, — прошептал Луи в отчаянии. — Господи! Господи! Ужели Ты не поможешь нам?

Предводитель между тем взял графа за руку, и они отползли на несколько метров назад, чтоб индейцы не заметили их.

— Но, — спросил молодой человек, вдруг остановившись, — мы их спасем, предводитель, да?

Пуэльх покачал головою.

— Сейчас это невозможно, — сказал он.

— Брат, — возразил Луи, — теперь, когда мы нашли их, мы должны немедленно их спасти. Время не терпит, вы видите, жизнь их в опасности.

Предводитель улыбнулся.

— Мы попробуем.

— Благодарю, — с жаром отвечал молодой человек.

— Возвратимся теперь к нашим друзьям, — сказал Трантоиль Ланек. — Терпение, терпение, — прибавил он торжественно. — Ничто нам теперь не мешает. Через час мы пойдем за ними. Но прежде мы все четверо должны посоветоваться и наметить план действий, чтобы не испортить дела.

— Хорошо, — грустно отвечал граф.

Оба воротились на ночлег, где Курумила и Валентин крепко спали.

То, что видели Трантоиль Ланек и граф, произошло после ухода от Антинагуэля почти всех его воинов. С некоторого времени он стал позволять дону Тадео видеться с дочерью, они могли свободно ходить по

стану. Токи хотел обнадежить их близким освобождением, чтобы потом сильнее поразить неожиданной жестокостью. Дон Тадео не доверял этой притворной милости Антинауэля. Нелепое предчувствие говорило ему, что это не к добру. Но старался быть спокойным, чтобы не испугать дочь. Бедная девушка была так рада, что снова увидела дорогого отца. Казалось, она позабыла, что они в плену, ласкалась и всячески старалась развеселить дону Тадео.

Когда было объявлено решение народного собрания, дон Тадео с дочерью сидели в палатке на краю стана. Услышав шум, они подумали, что, вероятно, отряду приказано сняться, и спокойно ожидали, когда придут уведомить их об этом. Но никто не приходил, и скоро все снова утихло.

Кончив кататься по земле и стонать, Антинауэль вскочил, мрачно улыбнулся и подошел к своим мазотонам. Поблагодарив их за верность, он объявил, что желает угостить их. Индейцы, страшные охотники до водки, услышав предложение токи, поклялись, что до смерти не покинут его. Скоро начался пир. Когда все достаточно выпили, Антинауэль приказал вытащить дону Тадео и его дочь из палатки и крепко привязать друг против друга к деревьям, чтобы они не убежали ночью. С этого момента начал он выполнять свою клятву о мщении.

Вот объяснение сцены, виденной графом и Трантоиль Ланеком. Возвратившись на ночлег, они разбудили Валентина и Курумилу. Индейцы уселись вокруг костра для совета, пригласив французов последовать их примеру.

Луи внутренне негодовал на медлительность индейцев. По его мнению, без долгих рассуждений надо было броситься преследовать похитителей. В то же время он понимал, что в предстоящей борьбе помощь ульменов была необходима. А потому, подавив свое нетерпение, он стал спокойно ожидать, закулив сигару.

После довольно долгого молчания, когда сигары и трубки были выкурены, Трантоиль Ланек начал:

— Воинов много. Мы можем одолеть их только хитростью. С тех пор как мы стали преследовать Антинауэля, мы не знаем ни того, что случилось с ним, ни положения бледнолицых. Нужно узнать, что хочет сделать токи со своими пленниками, действительно ли жизнь их в опасности. Чтоб разузнать обо всем, я пойду в стан Антинауэля. Токи не знает, что связывает меня с его пленниками, он будет со мной откровенен. Мои братья последуют за мною издали. Ночью я возвращусь к ним.

— Ладно, — отвечал Курумила. — Мой брат мудрый воин, он успеет в этом деле. Но пусть он помнит, что идет к Черным Змеям, самому

коварному из арауканских племен. Когда он будет у них, пусть он взвешивает хорошенько каждое слово, прежде чем произнести его, каждое движение, прежде чем сделать его.

Валентин с удивлением поглядел на своего молочного брата.

— Что это значит? — спросил он. — О каких индейцах идет речь? Или мы напали на след Антинауэля?

— Да, — печально отвечал граф, — дон Тадео и его дочь недалеко от нас, и их жизнь в опасности.

— О, — вскричал Валентин, вскакивая и хватаясь за винтовку, — чего ж мы ждем? О чем еще спорить?

— Увы, — отвечал граф, — что могут сделать четверо против пятидесяти?

— Правда, — согласился Валентин, снова усаживаясь. — Теперь я понимаю. Предводитель прав, надо действовать хитростью.

— Предводитель, — сказал Луи, — ваш план хорош, но мне кажется, его надо немного изменить.

— Пусть мой брат говорит. Он мудр, я последую его совету, — отвечал Трантоиль Ланек, вежливо кланяясь.

— Нам надо предусмотреть все, чтобы наш план удался во что бы то ни стало. Вы пойдете в стан, а мы издали за вами. Только если вам не удастся присоединиться к нам, то дайте об этом знать условным сигналом, криком какой-нибудь птицы. Если ваша жизнь будет в опасности, известите нас другим сигналом, чтобы мы могли поспешить к вам на помощь.

— Мой брат хорошо говорит, — подтвердил Курумила. — Если предводителю будет грозить опасность, он закричит, как коршун-перепелятник. Если ему придется остаться ночевать с Черными Змеями, он трижды прокричит, как щегленок.

— Хорошо, — отвечал Трантоиль Ланек, — что еще скажет мой брат?

Граф порылся в мешке, вынул бумагу, написал на ней несколько слов, сложил вчетверо и подал предводителю.

— Необходимо, чтобы те, кого мы хотим освободить, знали о нашем намерении. Может быть, дон Тадео не узнает моего брата. Чтоб не произошло недоразумения, предводитель отдаст эту записку молодой девушке.

— Все будет сделано, — отвечал, улыбаясь, предводитель.

— Теперь по следам! — воскликнул Курумила. — Не то мы опять потеряем их.

— Да, время! — подхватил Валентин, вскакивая в седло.

Европейцу трудно себе представить, с каким терпением индейцы

отыскивают следы. Нагнувшись к земле, они внимательно рассматривают все встречающееся на дороге, не пропустят ни листочка, ни щепочки. Они ползут по берегу ручья, чтобы поглядеть, нет ли следов на песке, и часто возвращаются на несколько верст назад, если попадут на ложный след. Ведь индейцы, преследуют ли их или нет, все равно маскируют свои следы. На этот раз Антинагуэль, которому было важно, чтобы никто не знал, куда он скрылся, делал это особенно тщательно. Поэтому как ни опытни были наши предводители, они часто сбивались. Только после великих усилий удалось им выследить неприятеля.

На второй день вечером, когда наши друзья остановились на ночлег на склоне холма, у входа в пещеру, Трантоиль Ланек простился с ними. Он пришпорил коня и скоро исчез. Его путь лежал к тому месту, где Антинагуэль должен был остановиться на ночь. Зоркие глаза его различили вдали тонкую струю дыма. Когда он подъехал к стану, перед ним возникли два индейца и сделали ему знак остановиться. Трантоиль Ланек остановил коня.

— Куда едет мой брат? — спросил один из них, подходя к предводителю, между тем как другой остался немного поодаль.

— *Марри-марри*, — отвечал предводитель, закидывая на плечи ружье. — Трантоиль Ланек узнал след своих братьев Черных Змей. Он хочет покурить у их костра, прежде чем поедет дальше.

— Пусть мой брат следует за мною, — отвечал индеец.

Он едва заметно кивнул своему товарищу, и они пошли вперед по направлению к стану. Трантоиль Ланек последовал за ними, беззаботно глядя по сторонам и в то же время замечая малейшие подробности. Через несколько минут они были в стане. Место для ночлега токи выбрал чрезвычайно удачно. Это была горка, с которой открывался вид во все стороны. Горели несколько костров. Пленники, по-видимому, были свободны и сидели под деревом, индейцы, казалось, не заботились о них. Антинагуэль снова начал милостиво обходиться со своими пленниками: место, где он собирался совершить коварный замысел, было уже недалеко. Прибытие пуэляха заинтересовало всех. Его провели к предводителю.

Так как Трантоиль Ланек был в почете среди аукасов, Антинагуэль встретил его приветливо, сидя на самом возвышенном месте горки. Оба предводителя раскланялись, произнеся священное *марри-марри*, обнялись, положив друг другу правую руку на левое плечо, и подошли к костру, от которого из уважения отошли все воины. Предводители сели друг против друга и молча закурили трубки. Когда эти важные церемонии закончились, Трантоиль Ланек, знавший хорошо хитрый и коварный нрав своего собрата,

заговорил первый.

— Мой брат Антинагуэль охотится со своими молодцами? — спросил он.

— Да, — коротко отвечал токи.

— И счастливо?

— Очень, — сказал с мрачной улыбкой Антинагуэль, указывая на своих пленников, — пусть мой брат откроет глаза и поглядит.

— *Оах!* — воскликнул Трантоиль Ланек, словно он до того не видел испанцев. — Бледнолицые! В самом деле, охота была славная! За этих пленников дадут большой выкуп.

— Тольдо Антинагуэля одиноко. Он хочет жениться на бледнолицей девушке с небесно-голубыми глазами.

— *Оах!* Но зачем мой брат держит у себя Великого Орла белых?

Антинагуэль тонко улыбнулся. Пуэльх понял значение этой улыбки.

— Мой брат великий воин, — заметил он. — Кто может угадать его мысли?

Трантоиль Ланек встал. Он пошел будто бы осматривать стан, хвалил место, выбранное для ночлега, удивлялся порядку, но сам между тем незаметно подходил к пленникам. Антинагуэль был очень доволен мнением такого опытного воина, как Трантоиль Ланек. Не мог он удержаться и чтобы не похвастать перед гостем красотой своей невесты, и сам подвел ульмена к пленникам.

— Пусть мой брат посмотрит, — сказал он, — разве эта девушка не достойна стать женою предводителя?

— Она хороша, — холодно отвечал Трантоиль Ланек, — но я бы променял всех бледнолицых женщин за один мех огненной воды²⁴, вроде тех, какие у меня за седлом.

— А они с водкой? — живо спросил Антинагуэль, и его глазки загорелись.

— Не хочет ли мой брат поглядеть?

Токи обернулся. Пуэльх воспользовался этим движением, чтоб бросить на колени доньи Розарио записку графа. Та быстро схватила ее в левую руку.

— Вот что я подумал, — сказал он, чтоб отвлечь внимание Антинагуэля от пленников. — Солнце заходит, *мавкавис*²⁵ кричит в траве, если моему брату угодно, мы с его воинами разопьем один из этих мехов. Я рад, что могу отблагодарить его за гостеприимство.

Они удалились. Через несколько минут началась попойка. Индейцы

еще не совсем оправились после недавнего кутежа и рады были опохмелиться.

Донья Розарио сначала не поняла, что за записка упала к ней на колени, и взглянула на отца, как бы желая спросить его совета.

— Прочти, Розарита, — сказал дон Тадео, — быть может, это от друзей.

Молодая девушка, дрожа, развернула письмо. В нем не было ничего особенного, но луч надежды загорелся в сердце девушки, когда она прочла его. Вот что было в письме: «Ободритесь, сеньора; мы надеемся скоро освободить вас».

Пробежав эти строки, она подала письмо отцу и сказала:

— Кто это пишет? Неужели мы можем надеяться? Дон Тадео также внимательно прочел его.

— Не следует отчаиваться, — серьезно сказал он. — Все в воле Божьей. Неужели ты не догадалась, кто это пишет? Или ты забыла наших друзей-французов?

Девушка улыбнулась сквозь слезы и склонила головку на грудь своего отца. Он нежно поцеловал ее в лоб.

Попойка между тем продолжалась. Окончив один мех, принялись за второй, а затем и третий. Большинство индейцев уже свалились наземь. Только Трантоиль Ланек и Антинауэль продолжали пить. Наконец, токи закрыл глаза, выронил рог, из которого пил, пробормотал несколько несвязных слов и захрапел.

Трантоиль Ланек осмотрелся вокруг; все спали, кроме него и пленников. Убедившись в этом, он дал знак пленникам, чтобы они ободрились, и быстро исчез за деревьями, как дикая коза, преследуемая охотниками.

— Кто это? — прошептала донья Розарио.

— Я знаю этого человека давно, — отвечал дон Тадео, — у него благородное сердце. Он друг наших друзей.

Двадцать четвертая глава. УРАГАН

Луи не мог усидеть на месте. Вместо того чтобы терпеливо ждать, он уговорил Валентина и Курумилу пойти вперед. Все трое отправились и близко подползли к стану Антинагуэля. Трантоиль Ланек, выйдя оттуда, вскоре встретил их.

— Ну? — спросил граф.

— Дело идет на лад. Пойдемте!

Трантоиль Ланек повел их к пленникам. При виде этих четырех человек донья Розарио не могла удержаться и вскрикнула от радости. Дон Тадео встал, твердым шагом подошел к своим освободителям и горячо поблагодарил их.

— Сеньор, — сказал Луи, — поспешим, индейцы могут проснуться. Необходимо убежать подальше.

— Да, — добавил Валентин, — нас немного, мы не справимся с ними.

Курумила и Трантоиль Ланек привели лошадей пленникам. Дон Тадео и донья Розарио быстро вскочили на них. В это время один из пьяных индейцев проснулся и открыл было рот, чтобы закричать. Курумила быстро метнул нож ему в грудь. Все поспешили к пещере, где наши друзья остановились на ночлег и где остались их лошади. Когда они прибыли туда, Валентин дал знак остановиться.

— Здесь можно отдохнуть немного, — сказал он. — Ночь темная, через несколько часов мы отправимся. В пещере приготовлены две постели из сухих листьев.

Дон Тадео и донья Розарио пошли отдохнуть.

— Цезарь! — позвал граф собаку и, лаская ее, указал на уходившую девушку. — Слушай внимательно! Видишь эту девушку? Смотри же, сторожи ее как следует, слышишь?

Цезарь внимательно выслушал эти слова, глядя умными глазами на своего господина, повилял хвостом и отправился в пещеру, где и улегся у ног молодой девушки. Она поласкала его и поцеловала в толстую морду.

Наши друзья расположились у входа в пещеру. Граф скоро задремал. Валентин сидел задумавшись, размышляя, как лучше избавиться от преследования Антинагуэля. Он строил разные планы и незаметно просидел так два часа, не видя ничего вокруг.

— Наш брат спит? — спросил его Курумила.

— Нет, — отвечал он, проводя рукою по лбу, — я задумался. А что?

— Наш брат долго думал, — сказал с улыбкой Курумила. — А мы между тем сходили еще раз в стан Черных Змей и далеко отогнали их лошадей. Не скоро они сыщут их.

— О, значит, мы успеем далеко уйти, прежде чем они погонятся за нами? — спросил Валентин.

— Надеюсь, — отвечал Трантоиль Ланек. — Но Черные Змеи хитрый народ. У них собачье чутье. Надо обмануть их.

— Каким образом?

— Нужно проложить ложный след. Я возьму лошадей пленников и поеду, а вы все с Курумиллой спуститесь в ручеек и идите вброд до островка Дикой Козы. Там вы подождете меня.

— Когда мы отправимся?

— Сейчас.

Трантоиль Ланек вырезал прутья фута в полтора длиною и привязал их к удилам лошадей, чтоб они не сходились слишком близко, и уехал. Валентин вошел в пещеру и сказал, что пора ехать. Луи приготовил лошадей. Он уступил свою донье Розарио, а дон Тадео сел на лошадь Валентина. Луи свел обоих лошадей в ручей и тщательно стер их следы с берегового песка. Курумила шел вперед и указывал дорогу, Валентин замыкал шествие. Ночь была чудная, звездная, месяц высоко стоял на небе. Воздух был напоен благоуханиями и так прозрачен, что видно было на большое расстояние.

Маленький отряд молча продвигался вперед, внимательно прислушиваясь к шуму леса, наблюдая, не шелохнутся ли ветки кустов, не без тайного страха ожидал, что вот-вот вдали покажутся Черные Змеи. Часто Курумила останавливался, брал наперевес ружье, наклонялся вперед и прислушивался к какому-нибудь слабому, тревожному шуму, которого европейцы не могли различить. Тогда все также останавливались, не смея пошевелиться, готовые к отчаянной защите. Но тревога оказывалась ложной и по знаку проводника маленький отряд отправлялся дальше.

Европейцы, привыкшие к скучному однообразию дорог, совершенно безопасных, не могут представить себе прелести опасной езды ночью в пустыне, где на каждом шагу можно встретить врага, быстрых переходов от страха к успокоенности, беспрерывных прислушиваний и остановок.

Около четырех часов, когда солнце начало всходить, островок Дикой Козы начал понемногу вырисовываться из тумана и путешественники наши, которые следовали по воде, вздохнули свободнее. На островке их ожидал Трантоиль Ланек. Там был уже разведен костер и жарилось мясо лося, были разложены и другие припасы к завтраку.

— Закусите скорее, — поторопил Трантоиль Ланек, — пора в дорогу.

Не спрашивая объяснений, почему надо торопиться, проголодавшиеся путешественники уселись в кружок и принялись завтракать. В это время вышло солнце.

— О, — восхитился Валентин, — лось зажарен на славу. Нечего зевать, уписывайте, господа!

При этом не совсем галантном приглашении донья Розарио недоуменно взглянула на него. Бедный Валентин покраснел, как рак, и больше не проронил ни слова. В первый раз в жизни Валентину пришлось подумать о том, на что прежде он никогда не обращал никакого внимания, о резкости своих манер и выражений!

После завтрака, продолжавшегося очень недолго, Трантоиль Ланек и Курумила начали собирать лодку из буйволиных шкур, на которых индейцы переплывают реки. Спустив ее на воду, предводитель пригласил сесть в нее дону Тадео и его дочь. Индейцы также вошли в лодку, чтоб управлять ею, а французы повели сзади лошадей в поводу. Переезд был недолгим. Через час все вышли на берег и сели на коней. Путешественники были теперь на чилийской земле.

Трантоиль Ланек нарочно выбрал дорогу по горам, чтобы не оставлять за собою следов, хотя эта дорога и не была самой близкой.

Через несколько часов, как часто случается в горах, погода быстро переменилась. Солнце покраснело и словно бы скрылось в туман. Небо стало медно-красным, и со всех сторон надвинулись грозовые тучи. Вдали послышался гром, отдававшийся в ущельях. Воздух сделался удушлив, земля — точно раскалилась. Крупные капли дождя редко зашлепали о землю. Ветер дул порывами, подымая облака пыли, и страшно завывал. Птицы тяжело парили в воздухе, временами пронзительно крича. Лошади тяжело дышали и проявляли беспокойство. Все предвещало близость страшного урагана. Хотя было только около полудня, туман до того сгустился, что ничего не было видно. Путешественники подвигались ощупью, крайне медленно.

— Что вы скажете? — с беспокойством спросил Луи Трантоиль Ланека.

— Скверно, очень скверно, — отвечал тот, покачивая головою. — Хорошо, если б до бури нам удалось пройти Яуа-Карам²⁶.

— Разве наше положение так серьезно?

— Мы погибли! — отвечал индеец.

— Неутешительные вести, — встревожился Валентин, услышав последние слова ульмена. — Неужели так опасно?

— Опаснее, чем я сказал. Разве можно выстоять против урагана в таком месте?

Французы поглядели вокруг.

— Да, — вздохнул Валентин, опуская голову. — Помоги нам Господь!

В самом деле, положение путешественников было ужасное. Они ехали по выбитой в скале тропинке, каких очень много в Андах. С одной стороны была гранитная стена высотой более тысячи футов, с другой — бездонная пропасть. В таком месте в бурю грозит верная смерть. Путешественники ехали вперед индейской нитью, то есть гуськом. Все сознавали страшную опасность, но старались не говорить об этом вслух, как обыкновенно бывает в подобных случаях.

— Далеко ли до Яуа-Карам? — спросил Валентин после долгого молчания.

— Мы подъезжаем, — отвечал Трантоиль Ланек, и...

Вдруг блеснула молния, и страшный порыв ветра пронесся по ущелью.

— Скорее с коней, — во все горло закричал Трантоиль Ланек, — если хотите остаться в живых! Ложитесь все на землю и крепче держитесь за скалу.

Все последовали этому совету. Животные, предоставленные самим себе, подчиняясь инстинкту, также легли. Раздался страшный удар грома, и полил дождь. Невозможно описать всего ужаса урагана в горах. Целые скалы, подтачиваемые потоками воды, со страшным грохотом падают в бездну. Столетние деревья ураган ломает и вырывает с корнем, и они уносятся ветром, точно легкие соломинки. Вой ветра, блеск молнии, завывание бури — все это представляет нечто ужасно-величественное.

Вдруг раздался отчаянный крик, пересиливший шум бури.

— Дочь моя! Спасите мою дочь!

И дон Тадео, забыв о грозящей опасности, вскочил на ноги, поднял руки к небу. Страшен он был в этом виде, с развевающимися волосами, освещенный молнией.

Не говоря ни слова, Валентин вскочил, намереваясь прийти донье Розарио на помощь. Луи хотел последовать за ним, но Валентин удержал его. — *Cherche, Cezary!* — закричал он. Благородный пес завыл, обнюхивая воздух, и после небольшого колебания бросился по крутой тропинке вниз. Валентин, дав знак, чтобы никто за ним не следовал, стал спускаться, хватаясь за кусты. Ураган, казалось, завыл еще свирепее; молнии беспрерывно сверкали, так что все небо словно горело в огне. Ливень хлестал по-прежнему. Дон Тадео стоял на коленях и горячо молился о спасении своей дочери.

Валентин рисковал собою, не рассуждая. Он услышал крик донна Тадео и инстинктивно бросился на помощь. Когда же он начал спускаться по крутой тропинке, рассчитывая малейшее движение, его порыв превратился в холодную и сознательную решимость человека, твердо знающего, что ему предстоит сделать. Ничего не различая впереди, он спускался, ощупывая дорогу руками и ногами. Порой камень, на который он думал опереться, скатывался в пропасть, а ветка, за которую он думал уцепиться, ломалась у него в руках. Внизу слышался глухой шум воды, который будто манил отважного молодого человека. А он все спускался, по возможности не отставая от собаки, которая лаем давала знать о себе. Когда через некоторое время он поднял голову, то уже не увидел неба, все скрылось во мраке пропасти. Валентин остановился на минуту, чтоб перевести дух, и снова закричал:

— *Cherche, Цезарь, cherche!*

Но пес не отвечал. Валентин в беспокойстве стал снова звать его и наклонился вниз, пытаясь что-либо рассмотреть. И вот ему показалось, что шагах в двадцати ниже лежит что-то белое. Напрасно он старался разглядеть, что это такое. Тогда он нагнулся, пристальнее вглядываясь в белевшее пятно, и вдруг почувствовал, что начинает кружиться голова, кровь сильно застучала в виски, в ушах зашумело. Валентин понял, что если он будет смотреть вниз, то непременно упадет, а в то же время никак не мог оторвать глаз от белевшего пятна. Его точно что-то притягивало к нему. С величайшим усилием оторвался он, наконец, от этого созерцания и почувствовал, что покачнулся. Белое пятно исчезло, Валентин — опомнился. Оглянувшись, он увидел такую картину: Цезарь, упершись лапами в скалу, крепко держал в зубах край его пончо. Подле Цезаря стоял Луи.

— Ты здесь? — спросил Валентин.

— Да! Слава Богу, что я не послушался тебя.

— Почему?

— А вот послушай. Вероятно, я спустился по ближайшей тропинке и догнал Цезаря. Он помог мне спасти донью Розарио, когда она едва не погибла. Я положил ее на кустах. Пойдем, помоги мне.

И Луи быстро двинулся вперед, Валентин за ним. Донья Розарио без чувств лежала на лианах, густо обвивших миртовые деревья. Это был род естественного гамака над ужасной пропастью. Увидев это, Валентин невольно вздрогнул.

Между тем ураган стихал, туман рассеивался, а из-за быстро несущихся туч временами проглядывало солнце. Валентин заглянул вверх и

ужаснулся, как ему с Луи удалось спуститься. Да, но как они теперь подымутся? Как понесут донью Розарио? Тщетно он ломал себе голову, но так ничего и не придумал. Вдруг Цезарь залаял. Друзья оглянулись и увидели, что Курумила спускает к ним несколько лассо, связанных наподобие корзинки. Молодые люди вскрикнули от радости.

Осторожно сняли они донью Розарио с лиан и, крепко привязав, дали знать индейцам. Предводители потянули вверх, а Валентин и Луи стали взбираться следом, поддерживая руками бедную девушку, чтоб она не ушиблась и не поранилась об острые уступы. Увидев дочь, дон Тадео с криком бросился к ней и зарыдал. Он обнимал, целовал ее, и согретая отцовскими ласками девушка начала приходить в себя и, вздохнув, открыла глаза.

— О, — вскричала она, — батюшка, вы ли это? Я думала, что уже никогда не увижу вас!

— Розарита, — указал дон Тадео на французов, — наши друзья спасли тебя.

Молодые люди были счастливы счастьем дона Тадео. Он подошел к ним, крепко пожал руки и, обращаясь к дочери, торжественно сказал:

— Розарита, люби их, как я люблю. Если б не они, мы больше не увиделись бы с тобою.

Молодые люди невольно покраснели.

— Что говорить об этом, дон Тадео? — прервал его Валентин. — Время дорого, вспомните, что нас преследуют. Скорей на коней и едем, мы и так промедлили.

Они отправились дальше и через час достигли *Яуа-Карам*. В этом месте скалы точно рассечены узкой пропастью, футов в двадцать пять шириной и неизмеримой глубиной. Дорога здесь прерывалась. Несколько толстых дубовых досок было перекинуто через пропасть, и они служили ненадежным мостом. К счастью, туземные лошади и мулы столь привычны к опасным и непроходимым дорогам, что они смело пойдут по мосту и вдвое опаснее. Этот переход, как уже упоминалось, называют аукасы Яуа-Карам, то есть Прыжок Колдуна. Как рассказывает легенда, во времена, когда испанцы пытались завоевать Арауканию, некий, славившийся своею мудростью гуилихский колдун, преследуемый солдатами, которые уже почти нагоняли его, не задумываясь прыгнул через пропасть. Пиллиан послал духов, которые перенесли его на крыльях. Пораженные этим испанцы вынуждены были оставить преследование. Но насколько невероятна легенда, настолько верно наше описание моста, через который наши путешественники перебрались не без тайного страха. Трантоиль

Ланек ехал впереди, указывая дорогу, которая мало-помалу расширялась. Когда она привела спутников в широкую долину, ульмен радостно обратился к ним:

— Ну, теперь мы спасены!

— Еще не совсем, — возразил Курумила, указывая на столб голубоватого дыма вдали, который винтом подымался к небу.

— Оах! — воскликнул предводитель. — Неужели это Черные Змеи? Как они могли опередить нас? И как осмелились войти на чилийскую землю? Однако делать нечего, как только спрятаться в лесу, что виднелся справа. И поскорее, иначе беда!

Наши путешественники, словно стая испуганных птиц, бросились в густой лес. Из предосторожности они не разводили огня, хотя и умирали от голода, и разговаривали друг с другом шепотом.

Двадцать пятая глава. ГРАНИТНАЯ СКАЛА

Закусив холодным мясом и лепешками, наши путешественники решили немного отдохнуть. Вдруг Цезарь с яростным воем бросился вперед. Все схватились за ружья. Вдали послышался шум, раздвинулись кусты, и показался индеец. Это был Антинагуэль, Тигр-Солнце. Увидев его, донья Розарио вскрикнула. Но Антинагуэль продолжал спокойно идти вперед, не замечая ни ее, ни дона Тадео. Подойдя к Трантоиль Ланеку, он поклонился, приложив ладонь правой руки к груди.

— *Марри-марри*, я пришел посидеть у костра моего брата.

— Добро пожаловать, — отвечал предводитель. — Мы сейчас разведем огонь, чтоб принять нашего брата.

— Не нужно огня, я просто покурю с моим братом и сообщу ему важную весть, которой он, вероятно, не знает. Мне сегодня принес ее посланный от четырех утал-мапусов.

— Мы сделаем по желанию нашего брата, — отвечал Трантоиль Ланек, делая знак Курумиле, чтоб тот подошел к ним.

Три индейца уселись с обычными церемониями. Они молча курили, украдкой поглядывая друг на друга и стараясь отгадать мысли другого. Наконец после довольно долгого молчания Антинагуэль заговорил.

— Вот, — сказал он, — *квинос*, который привез мне сегодня в седьмом часу утра посланец, прибывший из Паки-Пулли, мне, Антинагуэлю, сыну Черного Шакала, могущественнейшему апоульмену пуэльхов.

Он вынул из-под пончо небольшой кусок дерева, нечто вроде палочки, длиною около двух дюймов. В выдолбленном желобке лежал человеческий палец. Палочка была обвита нитью. На конце висела шерстяная бахрома из синих, красных, черных и белых нитей.

— Пусть мой брат посмотрит, — продолжал Антинагуэль, — на черной нити завязаны четыре узла, в знак того, что посланный выехал из Паки-Пулли на четвертый день после новолуния. На белой — десять узлов, говорящих о том, что через десять дней после новолуния, а теперь уже через три дня, четыре утал-мапуса возьмутся за оружие — так решено на народном собрании, созванном тремя токи. На красной — один узел, который я завязал в знак того, что со всеми своими мозотонами присоединяюсь к ним. Последуют ли этому примеру мои братья?

— Мой брат позабыл сказать только об одном, по моему мнению, важном обстоятельстве.

— О каком? Пусть мой брат объяснит.

— Против кого начинается война?

Антинагуэль взглянул на белых, которые с беспокойством следили за этой сценой, но не могли понять, что она означает.

— Против бледнолицых, — отвечал Антинагуэль, — против этих проклятых чаплов.

Трантоиль Ланек выпрямился и, смотря прямо в лицо своему собеседнику, сказал:

— Хорошо. Мой брат могущественный предводитель, пусть он передаст мне квивос.

Антинагуэль передал. Пуэльх взял квивос, поглядел на него и связал узлом красную нить с синей и потом передал его Курумиле, который сделал то же. Антинагуэль глядел на это холодно и спокойно.

— Итак, — сказал он, — мои братья отказываются помогать предводителям?

— Предводители четырех утал-мапусов могут легко обойтись без нашей помощи, — ответил Трантоиль Ланек. — Мой брат очень хорошо знает почему: война окончилась и квивос поддельный.

Токи с гневом вскочил на ноги. Трантоиль Ланек продолжал насмешливым тоном:

— Зачем, вместо того чтоб показывать нам поддельный квивос, Антинагуэль не сказал нам прямо, что пришел отыскивать своих беглых пленников? Мы бы ответили ему, что пленники теперь находятся под нашим покровительством. Мы их не выдадим, и ему не удастся лживыми словами отнять их у нас.

— Хорошо же, — начал закипать гневом Антинагуэль. — И это ответ моих братьев?

— Да, и пусть мой брат знает, что нас не так легко обмануть.

— Вы собаки и старые бабы! — закричал токи. — Я отниму у вас моих пленников, а ваши трупы брошу на съедение стервятникам!

Ульмены презрительно улыбнулись и важно поклонились токи. Тот не отвечал на эту насмешливую вежливость, повернулся спиной и так же спокойно пошел назад, как и пришел. Трантоиль Ланек немедленно бросился по его следам.

Вот что случилось в стане Антинагуэля. Проснувшись, он увидел, что пленники исчезли, и понял, что они бежали с Трантоиль Ланеком. Несмотря на все предосторожности ульмена, токи удалось обнаружить

след. Зная, куда направились беглецы, он бросился по другой дороге и таким образом опередил их. Увидав, как они спускаются с горы, Антинагуэль решил отправиться в их стан, чтобы узнать, много ли их и не ожидает ли их кто в лесу. Он знал, что если придет гостем, то его жизни не грозит никакая опасность.

Трантоиль Ланек вернулся через час. Его товарищи весьма обрадовались, увидев его.

— Пусть мои братья послушают, — сказал он.

— Слушаем, — ответил Валентин.

— Антинагуэль остановился недалеко отсюда. Он знает теперь, что нас немного, за этим он и приходил сюда. Он нападет на нас. Что скажут мои братья?

— Почему вы не убили изменника? — спросил Луи. Ульмен покачал головой.

— Нет, — ответил он, — этого нельзя было сделать. Индейский закон не велит. Он пришел к нам, как гость, а гость лицо священное.

— Что сделано, не вернуть, — сказал Валентин. — Теперь нам необходимо выбраться из ужасного положения, в которое мы попали.

— Мы на чилийской земле, и я очень плохо знаю эту местность, — пожал плечами Трантоиль Ланек.

— О, Боже! — вскричал Валентин. — Дон Тадео, что вы скажете?

— Во что бы то ни стало, я спасу свою дочь.

— Да, но средства? Не знаете ли вы, где бы мы могли укрыться?

Дон Тадео подумал, огляделся вокруг.

— Кажется, мы еще не совсем погибли. Бог даст, спасемся. Не дальше как в двадцати верстах отсюда одна из моих гасиенд.

— Вы уверены в этом?

— Еще бы! Совсем недалеко де-ла-Палома.

— И вы думаете, там мы будем в безопасности...

— Там у меня пятьсот пеонов, и с ними я отобьюсь от целого войска.

— Ради Бога, дон Тадео, — воскликнул Луи, — пишите скорее записку управляющему, чтоб он поспешил к вам на помощь!

Дон Тадео тотчас написал несколько слов на клочке бумаги, который граф вырвал из своей записной книжки.

— Я отвезу эту записку, — сказал граф, — скажите только, в какую сторону ехать.

— Я знаю дорогу, — неожиданно вмешался Курумила.

— Вы, предводитель?

— Да, через два часа, никак не больше, мы будем там.

— Так поспешим!

Оба вскочили на коней и скоро исчезли из виду. Оставшиеся проводили их глазами. Валентин обратился к Грантоиль Ланеку:

— Ну, пора и нам!

Через десять минут все выехали из леса и поскакали по дороге, по которой впереди неслись Луи и Курумила.

Отчего же не отправились все вместе? По очень простой причине: лошади были истомлены дорогой и ураганом. Только две оказались посвежее, и на них граф с Курумиллой поскакали за помощью. Остальные поехали единственно потому, что в лесу невозможно было защищаться. Лошадь дона Тадео уже два раза споткнулась.

— Лошади скоро падут, — заметил дон Тадео.

— Да, лошади устали и долго не выдержат, — подтвердил Валентин. — Но все равно, будем скакать, пока есть еще возможность. Все-таки мы удаляемся от врагов и приближаемся к друзьям. Даст Бог, Луи вовремя воротится с подмогой. Однако предводитель подает мне знак, словно хочет что-то сказать.

Валентин подъехал к предводителю.

— Что случилось? — спросил он его.

— Как думает мой брат, долго мы проскачем таким образом? — спросил индеец.

— Мы сейчас только говорили об этом с доном Тадео.

— Что сказал великий предводитель?

— Что лошади скоро падут.

— А что скажет мой златокудрый брат?

— То же. Но, может быть, Грантоиль Ланек знает, как избежать опасности?

— Может быть, то, что я придумал, удастся.

— Говорите, говорите! Я уверен, что вы придумали что-нибудь очень хорошее.

Индеец наклонил голову и улынулся этой похвале.

— Пусть мой брат слушает, — сказал он. — Может быть, Антинагуэль уже погнался за нами или скоро погонится. Если он настигнет нас на дороге, мы погибли. Что значит трое против пятидесяти? Но я вспомнил местность, по которой мы едем, она знакома мне. Недалеко отсюда есть убежище, где можно защититься. Месяцев десять тому назад, во время набега, я с десятью воинами моего племени защищался там две недели против сотни чилийских воинов, пока они наконец не бросили нас. Мой брат понимает?

— Конечно, предводитель. Проведите нас в это место — и посмотрим, что тогда запоет Антинауэль.

Трантоиль Ланек, а за ним и остальные тотчас повернули. Мы уже замечали, что в Южной Америке нет, собственно, дорог, а есть только тропинки, протоптанные дикими зверями, по которым они ходят на водопой. Только индейцы умеют не заблудиться в этом запутанном лабиринте тропинок. Через двадцать минут наши путешественники очутились на берегу прелестной реки, шириною саженой двести, посередине которой возвышалась огромная гранитная скала. Валентин вскрикнул от радости и удивления при виде этой естественной крепости. Лошади, словно понимая, что наконец-то они добежали до безопасного места, с радостным ржаньем бросились в воду и, несмотря на усталость, бодро поплыли к скале.

В этом гранитном обломке, который издали казался неприступным, была трещина, которая постепенно переходила в пещеру. От подошвы скалы вилась тропинка, по ней можно было легко взобраться наверх. Вершина скалы представляла собой площадку в десять квадратных футов. Лошадей наши путешественники ввели в пещеру, и они тут же повалились в ее отдаленном углу. Валентин стал собирать все, что попадалось под руку, чтоб загородить вход в пещеру. Затем развели огонь и ждали, что будет. Цезарь взобрался на площадку и остался там сторожить. Все, кроме Валентина, прилегли отдохнуть. Настала ночь. Парижанин часто всходил наверх, чтоб поглядеть, все ли спокойно вокруг, и приласкать верного пса. Но ничто не нарушало мрачной и таинственной тишины ночи. Порой при тусклом свете месяца на берегу мелькала тень какого-нибудь животного. Вдали завывали волки, кричали совы да перепел трещал в траве.

Ночь была на исходе, на горизонте начинала загораться заря. Звезды погасали одна за другой, и на дальнем конце синей степи красный отблеск говорил о том, что скоро взойдет солнце. Нужно побывать совершенно одному в пустыне, чтобы понять, сколько опасностей скрыто под туманным покровом ночи и какая радость видеть встающее солнце.

— Я отдохну немного, — разбудил Валентин Трантоиль Ланека. — Светает. Кажется, до сих пор все вокруг было спокойно.

— Тс, — прошептал индеец, схватив его за руку. Оба насторожили уши. Послышалось какое-то задушенное рычание.

— Это моя собака! Она подает нам весть! — вскричал в испуге молодой человек. — Господи! Что случилось?

Он бросился на площадку, предводитель за ним. Напрасно смотрели они во все стороны, всюду было по-прежнему тихо. Только прибрежная

высокая трава колебалась, точно от легкого ветра. Валентин сначала подумал, что пес обманулся, и уже хотел спуститься вниз, как предводитель схватил его за пояс и почти насильно уложил наземь. Еще мгновение, и Валентина убили бы. Раздались выстрелы, несколько пуль ударились о площадку, несколько стрел пролетело над головами. Вслед за выстрелами раздался страшный крик — это был военный клич аукасов, которые показались на берегу. Валентин и предводитель выстрелили в толпу. Двое упали. Индейцы скрылись за кустами и в высокой траве.

Снова все затихло, и, если бы не два трупа, оставшиеся на берегу, все происшедшее можно бы принять за сон. Валентин поспешил в пещеру. При звуке выстрелов и крике аукасов донья Розарио проснулась. Видя, что отец ее схватил винтовку и хочет подняться на площадку, она бросилась к нему и умоляла не оставлять ее.

— Батюшка! — вскричала она. — Не уходите, не оставляйте меня!

— Розарита, — отвечал он, — что ты говоришь? Разве я могу оставить друзей, которые спасли меня из плена? Полно, успокойся, милая!

— Правда, — тихо отвечала она. — Простите меня, я так перепугалась, что сама не понимаю, что делаю.

В это время вошел Валентин.

— Не беспокойтесь, дон Тадео, — сказал он, — вы не нужны наверху, напротив, вы нужны здесь. Черные Змеи, наверно, переправятся через реку и будут стараться войти в эту пещеру, о существовании которой они, конечно, знают. По-видимому, одна часть бросится сюда, а другая произведет ложный приступ с той стороны. Оставайтесь, пожалуйста, здесь и наблюдайте за их движением.

Валентин сказал правду. Индейцы увидели, что стрельбой с берега ничего не поделаешь, только напрасно потеряешь время и заряды. Поэтому они разделились на два отряда. Один остался на берегу и продолжал перестрелку, чтобы отвлечь внимание неприятеля. Другой, под личным командованием Антинагуэля, отошел шагов на пятьдесят вверх по реке. Там они связали кое-как плоты и пустились вниз по течению, которое несло их прямо на скалу.

Валентин и предводитель, видя, что нечего опасаться тех, кто стрелял с берега, спустились в пещеру. Первой заботой молодого человека было спрятать от выстрелов донью Розарио. В пещере была ниша, и туда отвел он молодую девушку. Затем встал подле своих товарищей, около устроенной накануне баррикады.

Плот с семью или восемью индейцами ударился в это время о скалу. Со страшными криками, потрясая оружием, бросились они к пещере. Но

тут их встретили пули. Трое упали. Цезарь бросился вперед и схватил за горло индейца, который взмахнул топором над головой дон Тадео, и задушил его. Новые выстрелы, и снова упали три индейца. Но едва наши друзья успели управиться с этими, как второй, третий, четвертый плот пристали к берегу. Двадцать пять человек против трех. Произошла страшная схватка; друзья наши поневоле должны были отступить за баррикаду. Шесть индейцев было убито и несколько ранено. Валентин тоже получил рану топором в голову. По счастью, он успел уклониться в сторону, и рана была неглубока. У Трантоиль Ланека была разрублена левая рука. Только дон Тадео не был ранен. Теперь предстояло защищаться до последнего дыхания.

Вдруг с берега раздался залп. Несколько индейцев упало.

— Слава Богу! — закричал Валентин. — Это наши друзья поспели к нам на помощь.

Действительно, это были чилийцы. Они бросились в воду и плыли к скале.

Курумила и Луи спешили к тому месту, где оставили своих друзей. Выстрелы заставили их приблизиться к реке. Они тотчас сообразили, что это дерутся их друзья, местность была слишком пустынна, чтоб предположить возможность какой-либо иной схватки.

Индейцы с воем бросились к пещере. Наши друзья защищались отчаянно. Вдруг в пещере раздался крик. Валентин поспешил туда. Вбежав, он увидел, что Токи склонился и хочет схватить донью Розарио. Француз бросился на него, Токи замахнулся топором, Валентин уклонился и тут же отбил удар винтовкой. Токи и Валентин схватились врукопашную, упали и в борьбе катались по земле. Дон Тадео и Курумила, окруженные врагами, не могли помочь своему другу. Они видели, что подмога спешит к ним, и дрались отчаянно.

Валентин изнемогал. Он подумал уже, что настал его конец, как вдруг почувствовал, что Антинагуэль уже не душит его. Он выкарабкался из-под тела индейца. Перед ним стоял Луи. Антинагуэль, пораженный кинжалом, плавал в крови. Помощь приспела вовремя.

Через два часа наши друзья в сопровождении пеонов, приведенных Луи и Курумилой, отправились в усадьбу де-ла-Палома, куда благополучно прибыли.

Двадцать шестая глава. РАЗЛУКА

Прошло около месяца со времени происшествий, описанных в предыдущих главах. В поместье де-ла-Палома, в небольшом леске из индейских смоковниц, ранним утром сидели друг подле друга два человека. Это были граф Луи и его молочный брат Валентин.

— Послушай, брат, — говорил Валентин, — эта жизнь в усадьбе, которую мы ведем уже около месяца, это ничегонеделанье утомляет меня. Пора покончить с этим. Сказать по правде, жизнь в пустыне, вечные переходы и опасности — все это подействовало на меня благотворно. Мне не сидится здесь, пустыня и леса манят меня. Только тогда я вздохну свободно, когда выйду отсюда и пойду куда глаза глядят. Я решил стать охотником и всю жизнь бродить в лесах и пустыне. А ты? Тебе, может быть, нравится жить здесь, в усадьбе?

— Твой план заманчив, — покачал головой Луи, — но я...

— Но ты не желаешь ему последовать? — улыбнулся Валентин. — Как знаешь. Что до меня, то я сегодня же прощусь с доном Тадео.

— Я отправлюсь с тобою, — сказал Луи. В это время раздался звонок.

В испано-американских землях каждое утро в восемь часов в усадьбе раздается звон, созывающий всех, до последнего пеона, на общий завтрак. Это час общего собрания, когда отдаются приказания, сообщаются различные вести. При первых звуках колокола дон Тадео вышел в залу и сел за стол. Донья Розарио встала подле него и приветствовала всех приходящих улыбкой или ласковым словом. Последними вошли французы. Дон Тадео пожал им руки и начал читать молитву. После завтрака все слуги разошлись. В комнате остались только хозяин с дочерью и два гостя. Подали *mate*²⁷. Все молчали. Французы, видимо, хотели объясниться с доном Тадео насчет своего отъезда, но не знали, с чего начать. Наконец Валентин сказал:

— Ну, дон Тадео, какой ответ вы пошлете дону Грегорио?

— Очень простой. Я намерен навсегда отказаться от общественных дел и мирно поселиться в своей гасиенде. Я отказываюсь от президентства, которое он уступает мне, и остаюсь с моей дочерью.

— А когда вы пошлете этот ответ?

— Сегодня, письмо уже готово. Но почему вы так интересуетесь этим делом?

— По очень простой причине: мы загостились у вас, и вот

представляется случай отправиться и вместе с тем отблагодарить вас за гостеприимство, — отвечал Валентин.

— И вы, дон Луис, также намерены оставить нас? — спросил дон Тадео.

— Да, — прошептал граф.

Донья Розарио быстро встала и вышла из комнаты.

— И скоро?

— Брат уже распорядился насчет лошадей, — отвечал Луи. — Курумила привел их сегодня перед завтраком. Мы думали отправиться сейчас же.

— Жаль, — печально отвечал дон Тадео.

— Поверьте, — продолжал граф, — мы никогда не забудем времени, проведенного с вами, того счастья...

— Это было счастье для меня, — перебил дон Тадео, — и я, сказать по правде, не вижу причины, почему вы хотите оставить нас.

— Это необходимо, — пробормотал Луи.

— Не понимаю. Быть может, я как-нибудь неумышленно оскорбил вас или мое общество тяготит вас, — с оттенком желчи сказал дон Тадео.

— Помилуйте! — вскричал Луи.

— А я думал иначе, — продолжал хозяин. — Я полагал, что вы оба останетесь навсегда моими гостями. Особенно я надеялся на вас, дон Луис, я думал, что Розарита...

В это время снова вошла донья Розарио. Ее появление решило судьбу Луи. Дело разъяснилось весьма скоро, намек дона Тадео помог в этом. Счастливый отец благословил свою дочь. Через месяц была назначена свадьба.

Валентин тоже был счастлив счастьем своего брата.

— Ну, — весело сказал он, поздравив жениха и невесту, — теперь мне одному придется ехать с письмом к дону Грегорио.

— О, вы не поедете, — ласково сказала донья Розарио. — Оставайтесь с нами, Валентин. Мы вас не отпустим.

Письмо было отправлено с гонцом. Валентин остался, но ненадолго. Он говорил правду, что скучает в усадьбе. Леса и степи действительно манили его. При этом он чувствовал себя лишним в семействе дона Тадео. Однако он знал, что его не отпустят, и решил уехать тайком. Да и в самом деле, что ему делать в усадьбе? Луи, который был на его попечении вследствие завещания старого графа, теперь вполне устроен. И всю жизнь проживет припеваючи со своей молодой женою.

Валентин условился с Курумиллой отправиться вместе. Как-то вечером

он особенно тепло простился к графом и грустно вымолвил «прощай!». Граф не понимал, что это случилось с его молочным братом, отчего он так печален.

Наутро все объяснилось: Валентин и Курумила исчезли. Никто не знал, в котором часу и куда они поехали. Свадьба Луи была не так весела, как могла бы быть: недоставало Валентина.

Куда же исчез он? Где скитался, что делал? Читатели узнают об этом в следующем романе «*Красный Кедр*».

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

---

notes

Примечания

1

Презренные испанцы.

2

Чужеземцы.

3

Брат.

4

Лепешки.

5

Негодных солдат.

6

Рай.

Деревнях.

Хижина.

Черное Золото.

Аукасы, арауканцы, молухи — разные названия одного и того же индейского племени.

11

Хорошо, отменно.

До свидания! Счастливого пути! Счастливой дороги!

Пошел.

Созвездие

На третий день.

Горба

Горбом.

Невысокая гора близ Парижа.

Серебряная монета.

Сюда, Цезарь! Сюда, сударь мой!

Верст пять-шесть.

Областей.

Ищи!

Водки.

Перепел.

Прыжок Колдуна.

Чай.